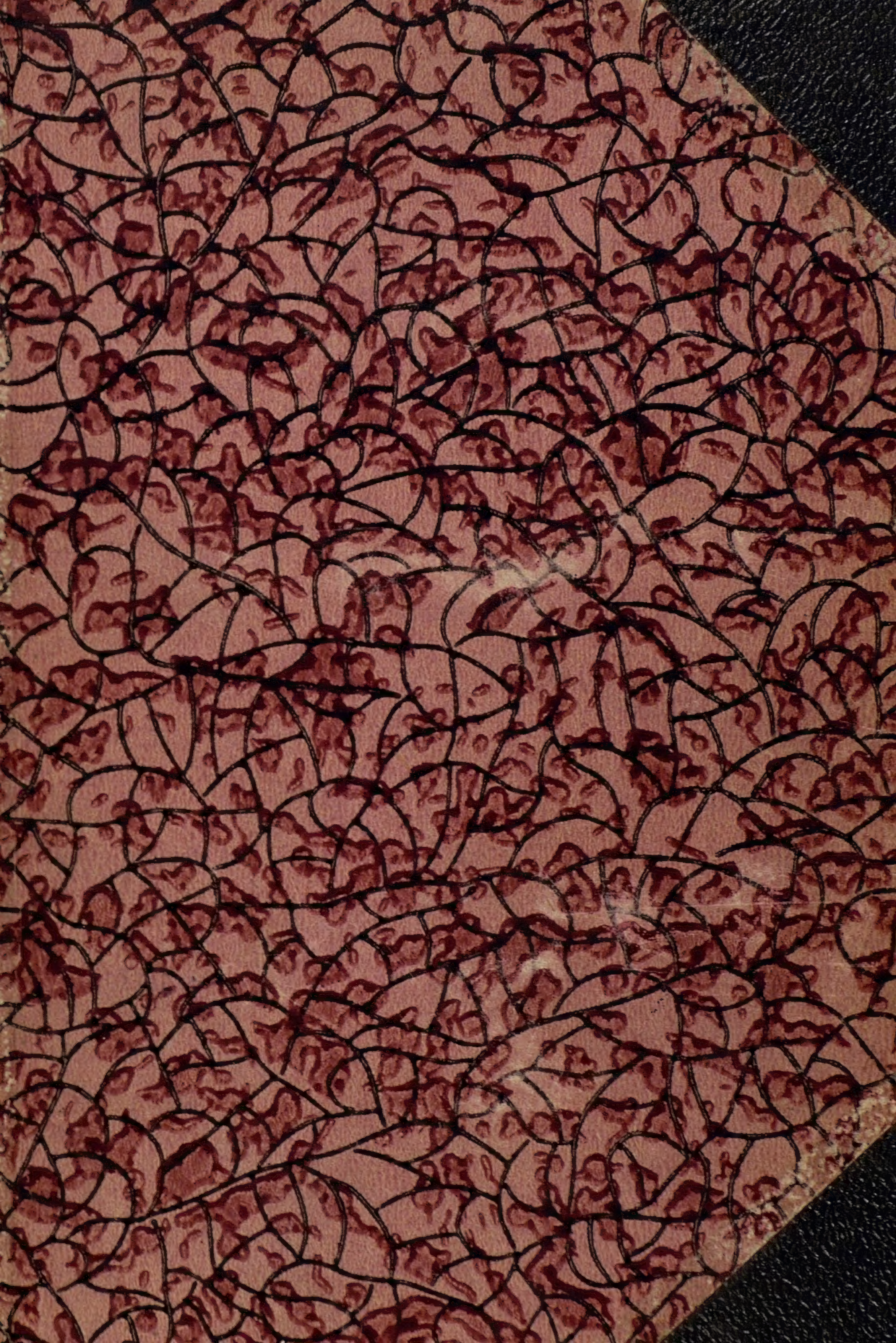
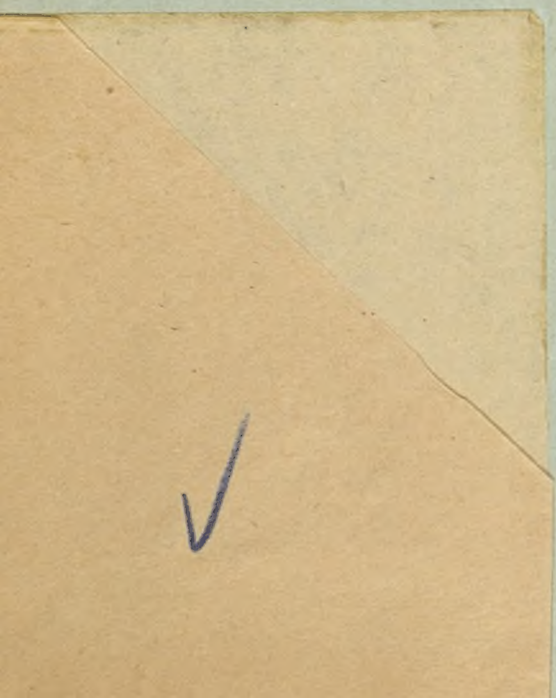

ЛЕРМОНТОВЪ

ТИПОГРАФІЯ Т-ВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. МОСКВА 1913 Г.

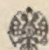

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Редакція В. В. Каллаша.

ТОМЪ II.

МОСКВА,
„Печатникъ“.

Н. З.

Типо-литогр. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ** и К°. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1914.

К. Горбуновъ: *Портретъ М. Ю. Лермонтова.*

М. Ю. Лермонтовъ.

1.

Въ тѣ годы, когда поэзія Лермонтова увлекала все русское общество, когда Бѣлинскій говорилъ, что въ Лермонтовѣ мы лишились поэта, который шагнулъ бы дальше Пушкина, „старовѣры“, люди, воспитавшіеся на стихахъ Пушкина, упорно не хотѣли согласиться съ этимъ судомъ современниковъ. „Лермонтовъ протопталъ маленькую тропинку около большой дороги Пушкина“,—говорили они. И это мнѣніе,—что поэзія Лермонтова не болѣе, какъ одна часть поэзіи Пушкина, развитая самостоятельно, — дожило до нашего времени, повторяясь въ статьяхъ разныхъ авторовъ. Сравненіе Пушкина и Лермонтова стало однимъ изъ обычныхъ пріемовъ нашей критики, и большинство критиковъ видѣло въ поэзіи Лермонтова не противоположность поэзіи Пушкина, а именно явленіе, ей подчиненное.

Мы, однако, думаемъ, что для сравненія Лермонтова съ Пушкинымъ слишкомъ мало сходныхъ чертъ во всей ихъ дѣятельности. Критиковъ подкупало кажущееся сходство стиха Лермонтова со стихомъ Пушкина. Но даже это сходство не идетъ дальше внѣшности. По внутреннему строенію стихъ Лермонтова не только сильно разнится отъ стиха Пушкина, но скорѣе противоположенъ ему [1]). Если въ раннихъ стихахъ Лермонтова вліяніе Пушкина несомнѣнно, то этому обстоятельству нельзя придавать существеннаго значенія. Никто изъ русскихъ поэтовъ 20-хъ годовъ не могъ устоять противъ все-поглощающаго вліянія Пушкина, поработившаго своимъ геніемъ всѣ области литературы. Не устоялъ противъ такого вліянія и Лермонтовъ, но только въ очень немногихъ изъ своихъ произведеній (напримѣръ, въ „Казначейшѣ“) онъ опредѣленно шелъ по пушкинскимъ путямъ. Напротивъ, еще юношей Лермонтовъ сталъ брать ноты, совершенно отличныя отъ пушкинскихъ, выразилъ складъ души, Пушкину вполнѣ чуждый, нашелъ ритмы, которыхъ у Пушкина нѣтъ.

Сравнивать Лермонтова съ Пушкинымъ трудно уже по совер-

¹) Подробное доказательство этого утвержденія потребовало бы отъ насъ особой статьи.

шенному различію внѣшнихъ условій ихъ дѣятельности. Какъ ни рано оборвалась дѣятельность Пушкина, она все-таки обнимаетъ (считая съ его перваго выступленія въ печати) болѣе 20 лѣтъ (1814—1836 г.). Вся дѣятельность Лермонтова, обращенная къ читателямъ, ограничена въ сущности тремя съ половиною годами (1838—1841 г.), такъ какъ раньше были напечатаны всего двѣ его вещи, да и то одна изъ нихъ—безъ разрѣшенія автора („Хаджи-Абрекъ", въ 1835 г.). Если же исключить, — что̀ было бы справедливо, — и 1838 г., когда были напечатаны только „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ" и „Казначейша", то всю дѣятельность Лермонтова, какъ писателя, придется сузить до двухъ съ половиною лѣтъ: примѣръ для поэта, истинно „великаго", едва ли не единственный во всемірной литературѣ. Громадное большинство созданій Лермонтова — юношескіе наброски, опыты начинающаго писателя, почти что „пробы пера", которые самъ поэтъ, можетъ быть, думалъ навсегда оставить въ своихъ бумагахъ. Все это надо судить особымъ судомъ, не тѣмъ, какимъ мы судимъ созданія поэта, сознательно выступающаго съ ними предъ всѣмъ міромъ.

Но если уже сравнивать поэзію Лермонтова и поэзію Пушкина, то правы будутъ тѣ, которые видятъ въ нихъ явленіе одно другому противоположныя. Можетъ быть, вѣрно опредѣлилъ эту противоположность Д. Мережковскій, назвавъ Пушкина—дневнымъ, а Лермонтова—ночнымъ свѣтиломъ русской поэзіи. Пушкинъ любилъ жизнь за тѣ „наслажденія", которыя она даетъ, за ея красочность, за ея соблазнъ. Онъ былъ поэтъ радостей жизни, и самъ давалъ себѣ такіе завѣты:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать,
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ быть—на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Какъ бы отвѣчая на эти стихи, но, конечно, еще не зная ихъ (стихи Пушкина были напечатаны только въ 1834 г.), Лермонтовъ писалъ (въ 1832 г.):

Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастію на зло:
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело. (II, 8) [1]

Ничего подобнаго не могъ бы написать Пушкинъ. Онъ не могъ, подобно Лермонтову, „хотѣть печали", тѣмъ болѣе „любви на зло". Сказать это могъ только Лермонтовъ,—„ночное свѣтило" нашей поэзіи.

---

[1]) Всѣ ссылки на произведенія Лермонтова и на сужденія объ немъ современниковъ сдѣланы по „Академической Библіотекѣ Писателей": Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова, подъ ред. проф. Д. И. Абрамовича, Спб. 1910—1913, 5 тт. Первая цифра указываетъ томъ, вторая—страницу.

Пушкинъ, разочаровавшись въ возможности „счастія", мечталъ замѣнить его „покоемъ и волей":

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ доля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣгъ
Въ обитель дальнюю трудовъ и чистыхъ нѣгъ.

Лермонтовъ не хотѣлъ покоя. Его парусъ, подъ которымъ „струя свѣтлѣй лазури" и надъ которымъ „лучъ солнца золотой",—

мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой. (II, 16)

Пушкинъ въ концѣ жизни, измученный тягостными условіями существованія, все же восклицалъ:

О, нѣтъ, мнѣ жизнь не надоѣла,
Я жить хочу, я жизнь люблю!
. . . .
Что въ смерти добраго?..

Лермонтовъ, еще юношей, мечталъ:

И послѣ я *сбросилъ бы цѣпь бытія*,
И съ бурею братомъ назвался бы я. (I, 129)

А въ болѣе зрѣлые годы, смотря „съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ", онъ находилъ, что жизнь—

такая пустая и глупая шутка. (II, 287)

2.

Отношеніе къ окружающей жизни, какъ къ „пустой и глупой шуткѣ", характеризуетъ самую сущность Лермонтова. Оно объясняетъ паѳосъ двухъ основныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается его поэзія. Изъ этого отношенія и возникаютъ эти два элемента: стремленіе къ сверхъ-земному идеалу и презрѣніе къ земной дѣйствительности.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала... (I, 254)

Такъ говорилъ Лермонтовъ-юноша. Этому „чудесному" онъ послѣ находилъ другія названія, но смыслъ „исканія" оставался все тотъ же. Душа Лермонтова всегда искала *иного,* чѣмъ то, что окружало его въ жизни. Своимъ исканіямъ единственное удовлетвореніе онъ обрѣталъ въ искусствѣ. Все окружающее, вся та жизнь, въ которую онъ „наружно погружался", возбуждали въ немъ прежде всего чувство презрѣнія.

Презрѣніе къ жизни проявлялось у Лермонтова двояко. Когда, еще въ ранней молодости, онъ не умѣлъ владѣть собою, когда онъ еще легко поддавался порывамъ души, онъ всего охотнѣе просто отстранялся отъ людей. Шестнадцатилѣтнимъ юношей Лермон-

товъ признавался, что „съ начала жизни" онъ любилъ „угрюмое уединеніе" (I, 113). Въ университетѣ Лермонтовъ „держалъ себя" совершенно отдѣльно отъ всѣхъ своихъ товарищей (Воспоминанія П. Вистенгофа, V, XXVI). Въ юнкерской школѣ Лермонтовъ по вечерамъ „часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго" (V, LIII). Иногда, въ эти годы, Лермонтовъ любилъ рѣзко заявлять другимъ о своемъ превосходствѣ,—какъ, напримѣръ, на экзаменѣ въ университетѣ, когда, по поводу своего отвѣта, онъ заявилъ профессору: „это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло" (Воспоминанія П. Вистенгофа, V, XXVIII).

Съ годами Лермонтовъ научился скрывать свое презрѣніе къ людямъ. Онъ прикрылъ его маской „ничтожнѣйшаго" „межъ дѣтей ничтожныхъ міра". Лермонтовъ постарался сдѣлаться, „какъ всѣ" и, мало того, даже — стать „первымъ" въ той жизни, которой увлекались окружающіе. Вотъ почему стороннимъ наблюдателямъ могло казаться, что Лермонтовъ „любитъ повеселиться" (Воспоминанія Э. А. Шанъ-Гирей, V, XI); „любитъ шумную, разгульную жизнь, волочиться за дамами" и „жаждетъ болѣе славы свѣтской, чѣмъ славы поэта" (Записки Н. М. Смирнова, V, VI); что онъ „радостный повѣса, любитель холостыхъ пирушекъ, кутежей и всевозможныхъ гусарскихъ шалостей и дурачествъ" (Разсказы Меринскаго и др., V, LIV);— что онъ „забавляется тѣмъ, что сводитъ съ ума женщинъ" (сужденіе гр. Е. П. Растопчиной, V, V) и т. д. Вотъ почему Лермонтовъ оказывался „коноводомъ всѣхъ гусарскихъ затѣй и пирушекъ" (V, LXXXII), проводилъ время, вмѣстѣ съ другими, „въ шумныхъ пикникахъ, кавалькадахъ, вечеринкахъ съ музыкою и танцами" (V, CXIV), вообще не отставалъ ни отъ кого „въ озорствѣ и молодечествѣ" (V, LI). Тому же стремленію скрыть свое настоящее лицо надо приписать и то обстоятельство, что въ юнкерской школѣ Лермонтовъ стремился превзойти всѣхъ товарищей въ неприличіи сочиняемыхъ стиховъ (V, LII), а также непозволительно грубое, но бывшее въ обычаяхъ времени обращеніе Лермонтова со служащими, столь изумившее европейца Боденштедта (V, X).

Презирая людей, Лермонтовъ считалъ почти унизительнымъ снисходить до нихъ, сколько-нибудь посвящать ихъ въ тайны своихъ одинокихъ мыслей и мечтаній. „Наружно погружась въ блескъ и въ пустоту" свѣтской жизни, щеголяя „озорствомъ и молодечествомъ" въ средѣ гусаровъ, Лермонтовъ оставался безконечно далекимъ отъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и товарищей. Онъ не удостаивалъ никого чести разговаривать съ нимъ серьезно. По стихамъ Лермонтова мы знаемъ, какія глубокія мысли волновали его; между тѣмъ случайнымъ знакомымъ онъ казался человѣкомъ пустымъ и легкомысленнымъ. Даже людямъ, которые имѣли право ожидать отъ него больше откровенности, Лермонтовъ долго не показывалъ своего истиннаго лика. Бѣлинскій изъ перваго знакомства съ Лермонтовымъ

вынесъ твердое убѣжденіе, что передъ нимъ „пошлякъ", о чемъ говорилъ и устно и въ письмахъ (V, LXXV). У Сатина отъ знакомства съ Лермонтовымъ осталось впечатлѣніе, что это человѣкъ, который „постоянно шутитъ и подтруниваетъ" (V, LXXVIII). М. Назимовъ съ негодованіемъ разсказывалъ о „сбивчивости и неясности воззрѣній" Лермонтова и о томъ, что на всѣ серьезные запросы онъ „отдѣлывался шуткой и сарказмомъ" (V, LXXVIII). Между тѣмъ съ людьми близкими Лермонтовъ умѣлъ и любилъ вести разговоры на возвышенныя темы. Извѣстно, напримѣръ, что онъ велъ длинные религіозные споры съ А. Одоевскимъ (V, X, и въ ислѣдованіи П. Н. Сакулина „кн. В. Ө. Одоевскій", II, 340—341). Тотъ же Бѣлинскій, наконецъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго знакомства, разговорившись съ Лермонтовымъ, „отъ души" восклицалъ о немъ: „Глубокій и могучій духъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто непосредственный вкусъ изящнаго!" (V, XC). Въ общемъ надо признать справедливымъ сужденіе Боденштедта, что Лермонтовъ людей „скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ" (V, CXI).

Все это дѣлало то, что Лермонтовъ, несмотря на свое желаніе слиться съ обществомъ, для большинства оставался непріятнымъ и нежелательнымъ. Трудно всегда носить маску на лицѣ, и Лермонтовъ то бывалъ въ обществѣ „блистателенъ" (V, CIV), то „скученъ и угрюмъ" (V, LXXXII). Иные прямо догадывались, что онъ „всегда и со всѣми лжетъ" (слова Адели Гоммеръ де Гелль, V, CV и CXXVI). Другіе довольствовались признаніемъ, что „натуру его постичь трудно" (слова К. Мамацева, V, CVII). Къ этому присоединялось то, что Лермонтовъ, уставая постоянно играть роль, позволялъ себѣ рѣзкія выходки противъ свѣта, затрогивавшія иногда „особъ высоко поставленныхъ" (V, LXXXVIII и V, CVIII). Н. Лореръ выразилъ, повидимому, общій взглядъ, сказавъ, что Лермонтовъ человѣкъ „холодный, желчный, раздражительный, ненавистникъ человѣческаго рода вообще" (V, CXXVI). И. Арнольди почти повторяетъ эти слова, говоря, что въ Лермонтовѣ было два существа: „великій поэтъ" и „пустой человѣкъ, дерзкій безпокойный офицеръ, непріятный товарищъ" (V, CXXVI). И. Тургеневу при первой встрѣчѣ съ Лермонтовымъ показалось въ его наружности „что-то зловѣщее и трагическое, какая-то сумрачная и недобрая сила" (V, LXXXVII). О. Смирновой, записками которой должно пользоваться съ большой осторожностью, можно повѣрить, когда она говоритъ, что „Лерма не имѣлъ друзей" (V, CXXV). Печоринъ какъ бы подтверждаетъ эти слова въ своемъ дневникѣ. „Неужели у васъ нѣтъ друзей?" спрашиваетъ его Вернеръ. Печоринъ въ отвѣтъ отрицательно качаетъ головой (IV, 256).

Съ этимъ презрѣніемъ Лермонтова къ людямъ и къ окружающей его жизни связано у него и пренебреженіе къ жизни своей собственной, личной. Если жизнь „пустая и глупая шутка", то стоитъ ли дорожить ею? И Лермонтовъ не дорожилъ. Какъ Печоринъ, онъ

каждый мигъ тоже „въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя" (IV, 170), и изъ удали, тоже какъ его герой, рисковать жизнью („Фаталистъ", IV, 276). Участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ, Лермонтовъ проявлялъ рѣдкую храбрость и „пылкое мужество" (V, CII - CIII, CV). Отрядъ охотниковъ, которымъ онъ командовалъ и который былъ прозванъ Лермонтовскимъ отрядомъ, прославился, какъ „команда головорѣзовъ". Они рыскали впереди главной колонны войскъ, „сваливались, какъ снѣгъ на голову, на аулы чеченцевъ и, дѣйствуя исключительно холоднымъ оружіемъ, не давали никому пощады" (V, CV). По пустому поводу Лермонтовъ всегда готовъ былъ выйти на поединокъ, какъ то было въ случаяхъ съ Барантомъ и съ Мартыновымъ. Пуля, сразившая Лермонтова, не была случайной. Онъ всю жизнь какъ бы искалъ этой освобождающей пули.

3.

Гдѣ же искать убѣжища отъ скучной и скудной жизни, которая не болѣе, „какъ глупая шутка", освобожденія отъ той „цѣпи бытія", которую такъ хотѣлось бы „скинуть"? Лермонтовъ такое убѣжище, такое освобожденіе находилъ въ искусствѣ, въ поэзіи. Только тамъ онъ могъ удовлетворить свою жажду „чудеснаго". Въ мірѣ своей поэзіи онъ создавалъ образы людей, близкихъ къ его идеалу и непохожихъ на окружающихъ его; въ своихъ стихахъ онъ обличалъ все несовершенство жизни, выражалъ свое презрѣніе къ ней.

Исканіемъ „чудеснаго" объясняются всѣ любимые образы Лермонтова. Его героями были всегда люди иные, чѣмъ тѣ, съ которыми онъ встрѣчался въ жизни: люди отважныхъ исканій, сильныхъ страстей, люди дѣла, существованіе которыхъ похоже на бурный стремительный потокъ. Такихъ героевъ Лермонтовъ-поэтъ искалъ повсюду, но особенно охотно въ иныхъ странахъ, о которыхъ можно было думать, что тамъ живутъ полнѣе, чѣмъ у насъ, или въ иныхъ эпохахъ, когда человѣкъ зналъ жизнь болѣе непосредственную, менѣе стѣсненную условностями, или, наконецъ, въ иныхъ мірахъ, населенныхъ иными, чѣмъ человѣкъ, существами. Конечно, въ этихъ исканіяхъ сказалось вліяніе идеаловъ романтизма, вліяніе Байрона и другихъ любимыхъ Лермонтовымъ поэтовъ, но романтизмъ отвѣчалъ самой сущности его души. Лермонтовъ былъ романтикъ по природѣ.

Еще мальчикомъ 14-15 лѣтъ (1828-1829 г.), Лермонтовъ уже избираетъ своими героями Корсара, „храбраго, кровожаднаго" (I, 37) и „честного атамана", называющаго себя „изгнанникомъ своевольнымъ" (I, 43). Среди „портретовъ", для которыхъ дѣйствительныя лица не служили, конечно, „оригиналами", а были лишь „поводомъ" къ творчеству воображенія,—„портретовъ", нарисованныхъ Лермонтовымъ въ юности (1829 г.), его вниманіе останавливаютъ—тотъ, кому „на челѣ оставилъ Рокъ, средь юныхъ дней, печать страстей", и тотъ, кто былъ „отступникъ Бога и людей", и тотъ, кто „скрытенъ всегда".

и тотъ, для кого „все въ мірѣ суета или отрада“ (I, 51—52). Съ раннихъ лѣтъ привлекаетъ Лермонтова образъ Наполеона, того, кто „выше и похвалъ, и славы, и людей“ (1829 г., I, 65). Таковы и позднѣйшіе герои Лермонтова: Арсеній, „съ надменнымъ взоромъ“ („Литвинка“, 1830 г.), Джюліо, открывающій „много чувствъ и мрачныхъ и живыхъ“ (1830 г.), „Послѣдній сынъ вольности“ (1830 г.), Акбулатъ („Аулъ Бастунджи“, 1831 г.), Измаилъ-Бей (1832 г.), Хаджи-Абрекъ (1833—34 г.), другой Арсеній („Бояринъ Орша“, 1835—36 г.), удалой купецъ Калашниковъ („Пѣсня“, 1837 г.), Мцыри (1840 г.), царица Тамара,—„прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла“ (1841 г.) и др. Таковы же и герои юношескихъ драмъ Лермонтова: „странный человѣкъ“ (1831 г.), Юрій („Menschen und Leidenschafen“, 1830 г.), разные „испанцы“ (1830 г.) и т. д. Таковъ же Арбенинъ изъ „Маскарада“ (1834—35 г.), драмы, которая, въ свое время, не могла быть поставлена на сценѣ „вслѣдствіе слишкомъ живой игры страстей“, и вообще почти всѣ дѣйствующія лица въ произведеніяхъ Лермонтова, въ поэмахъ, драмахъ, повѣстяхъ и даже въ лирическихъ стихотвореніяхъ, герой одного изъ которыхъ, „взявъ“ „винтовку длинную“, ждетъ за „узкимъ поворотомъ“ своего соперника (II, 344-5).

Высшее свое выраженіе этотъ образъ нашелъ въ типѣ Печорина („Герой нашего врамени“, 1839-41 г.), въ которомъ самъ Лермонтовъ хотѣлъ видѣть „портретъ, составленный изъ портретовъ всего нашего поколѣнія, *въ полномъ ихъ развитіи*“ (III, 154). Въ Печоринѣ нѣтъ дикости первобытныхъ горцовъ, нѣтъ титаничности стихійныхъ духовъ, но это потому, что онъ живетъ въ наше время, отравленъ ядомъ культуры, ведущимъ къ безпощадному анализу. Родись Печоринъ въ какомъ-нибудь „аулѣ Бастунджи“, онъ тоже могъ бы быть „въ краю отцовъ не изъ послѣднихъ удальцовъ“ (II, 322) (ср. его презрѣніе къ смерти во время дуэли съ Грушницкимъ, въ „Фаталистѣ“ и т. под.). Перенести Печорина въ условія бытія Демона, и „армейскій офицеръ“ охотно повторитъ слова „отверженнаго“: „Стоили ль трудовъ моихъ одни глупцы да лицемѣры!“ (II, 371). Едва ли не единственной противоположностью типу Печорина, во всѣхъ созданіяхъ Лермонтова, является типъ добродушнаго Максима Максимовича. Этимъ послѣднимъ образомъ Лермонтовъ словно хотѣлъ сказать намъ: если ужъ нельзя надѣяться встрѣтить въ жизни человѣка болѣе значительнаго, чѣмъ Печоринъ (да и тотъ вѣдь портретъ современниковъ и въ ихъ *полномъ* развитіи!), будемъ желать встрѣчъ съ Максимами Максимовичами.

Не находя желанныхъ образовъ, которые удовлетворяли бы жажду „чудеснаго“, ни въ современности, ни въ прошломъ, Лермонтовъ охотно обращался къ образамъ иныхъ міровъ. Это тоже былъ обычный пріемъ романтизма, но онъ тоже отвѣчалъ самымъ сокровеннымъ стремленіямъ души Лермонтова. Ему было „тѣсно“ въ предѣлахъ этой жизни, и онъ старался раздвинуть ея границы силой

фантазіи. Онъ выбиралъ своими героями Азраила, который былъ, „когда еще ряды свѣтилъ земли не знали межъ собой" (1831 г.), Ангела Смерти, который „на все, что только прахъ земной, глядитъ съ презрѣніемъ, нетлѣнный" (1831 г.), русалку, проводящую жизнь въ „хрустальныхъ городахъ" на днѣ голубой рѣки (1836 г.), старца Каспія, „старика во блескѣ власти" (1839 г.), морскую царевну, „чудо морское съ зеленымъ хвостомъ" (1841 г.), наконецъ, своего Демона, характернѣйшее изъ созданій поэта, съ которымъ онъ не разставался много лѣтъ, почти всю жизнь (1829—41 г.), и своего Мефистофеля, „великаго сатану" иль „мелкаго бѣса изъ самыхъ нечиновныхъ" („Сказка для дѣтей", 1839 г.). Всѣ эти существа въ созданіяхъ Лермонтова живутъ естественной жизнью, становятся намъ близки и понятны, можетъ быть, болѣе, чѣмъ герои, взятые изъ жизни реальной. Воображеніе Лермонтова такъ явно возсоздаетъ передъ нами ангеловъ и демоновъ, рѣчныхъ и морскихъ чудищъ, что намъ трудно не повѣрить въ ихъ дѣйствительное бытіе. Самъ Лермонтовъ, повидимому, представлялъ ихъ себѣ столь же живо, какъ таинственнаго гостя м-сье Лугина: „сѣдого, сгорбленнаго старичка", „въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ", который „подвигался, присѣдая", съ „блѣднымъ и длиннымъ лицомъ", съ „сжатыми губами", съ „сѣрыми, мутными глазами, обведенными красной каймою" („Отрывокъ изъ начатой повѣсти", 1841 г.).

Въ лирикѣ Лермонтовъ выражалъ свои затаенныя желанія — освободиться отъ обычныхъ условій жизни, найти желанное одиночество, вдали отъ того круга людей, которыхъ онъ презиралъ и общеніемъ съ которыми онъ тяготился. Одиночество одна изъ любимыхъ темъ его поэзіи. Юношей (1830 г.) онъ мечталъ о томъ, чтобы „мчаться на лихомъ конѣ",

Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ, воленъ и одинъ. (I, 97)

Нѣсколько позже, въ стихотвореніи „Желаніе" (1832 г.), Лермонтовъ мечталъ о томъ, какъ онъ пустится—

въ море,
Беззаботенъ и одинъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ. (II, 12)

Почти тѣ же чувства приписываетъ Лермонтовъ и своему Демону, говоря объ немъ:

Какъ часто, подымая прахъ
Въ борьбѣ съ шипучимъ ураганомъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Онъ дико мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить... (II, 404).

Задумываясь надъ возможностью встрѣтить въ жизни родную душу, Лермонтовъ находилъ лишь одинъ безнадежный символъ своихъ исканій: дубовый листокъ, докатившійся до корней высокой чинары:

На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно уже райскія птицы... (II, 345)

Желанный отвѣтъ поэтъ надѣялся слышать лишь отъ таинственнаго видѣнія, которое самъ создалъ въ воображеніи:

И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю. (II, 333)

Что же удивительнаго, что, „выходя одинъ на дорогу", поэтъ говорилъ о себѣ:

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть. (II, 348)

Лермонтовъ не только „не ждалъ отъ жизни ничего", но прямо ею тяготился. Въ юности онъ мечталъ о томъ, чтобы „сбросить цѣпь бытія" (I, 129), и жизнь называлъ „земной неволей" (I, 290). Представивъ себѣ, что послѣ смерти ему повелятъ вновь вернуться къ жизни („безотрадной"), онъ называетъ такое повелѣніе „приговоромъ досаднымъ" (I, 85). „Ужели захочу я жить опять?" —спрашиваетъ Лермонтовъ въ другомъ стихотвореніи (I, 176). Въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ Лермонтовъ не разъ говоритъ, что онъ не страшится, а скорѣе желаетъ смерти. „Я безъ страха жду довременный конецъ", говоритъ онъ (1837 г., II, 250).

Подожди немного,
Отдохнешь и ты! (II, 288)

примѣняетъ Лермонтовъ къ себѣ стихи Гёте (1840 г.). Полушутя, „за все, за все" благодаря Господа, онъ добавляетъ (1840 г.):

Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ. (II, 288)

Себя Лермонтовъ сравнивалъ съ „плѣннымъ рыцаремъ", ожидающимъ освобожденія отъ одной Смерти, которая, когда рыцарь пріѣдетъ къ цѣли, подержитъ стремя, и поэтъ восклицаетъ:

Мчись же быстрѣе, летучее время! (II, 291)

Кажется, въ иныя минуты Лермонтовъ готовъ былъ даже оправдывать самоубійство. По крайней мѣрѣ, герой одной изъ его юношескихъ драмъ, Юрій, говоритъ: „Счастливъ, кто, чувствуя тягость бытія, имѣетъ довольно силы, чтобы прервать его". (III, 143) [1])

[1]) „Трудно было бы ожидать, чтобы лирическій поэтъ не обмолвился никогда противорѣчивымъ словомъ. Но замѣчательно, что у Лермонтова почти никогда нѣтъ, въ стихахъ, иного

4.

Но не одно только стремленіе къ чудесному воплощалось въ поэзіи Лермонтова; онъ умѣлъ и хотѣлъ выражать въ стихахъ и другую сторону своей души: презрѣніе къ окружающей его жизни. Его поэзія, насыщенная романтическими мечтами о „чудесномъ", имѣла и другой ликъ: паѳосъ обличительный. Лермонтову постоянно хотѣлось бросить въ лицо толпѣ „желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью" (II, 278). И нѣтъ, кажется, слова, которое столь же часто повторялось бы въ стихахъ и въ прозѣ Лермонтова, какъ слова: „презрѣніе", „презрѣнный". Юношей (1830 г.), онъ говоритъ о новомъ мірѣ, который заставляетъ „насъ презирать безчувственную землю" (I, 181). Въ ту же эпоху (1830 г.) онъ признается:

И людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ. (1,107)

Презрѣніе Демона ко всему существующему нѣсколько разъ подчеркнуто поэтомъ:

И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, онъ ненавидѣлъ (II, 353)

Онъ взоръ, исполненный презрѣнья,
Вперилъ на грѣшный міръ земной (II, 401)

Это чувство презрѣнія ко всему міру, это негодованіе на все существующее заставляло Лермонтова чувствовать себя самого какимъ то „злымъ" существомъ. Ему не нужно было, какъ Пушкину, встрѣчи съ А. Раевскимъ, чтобы создалось стихотвореніе „Мой Демонъ" (1829 г.), о которомъ онъ говоритъ: „Собранье золъ его стихія" (I, 69). Годъ спустя (1830 г.), вспоминая эти стихи, Лермонтовъ признается: „Какъ демонъ мой, я зла избранникъ" (I, 85). Тогда же, въ одномъ стихотвореніи, онъ рисовалъ себѣ картину, какъ кончитъ жизнь свою „чужой въ родномъ краю" и „міромъ осужденный" (I, 86). Лермонтовъ глубоко сознавалъ, что „міръ" не можетъ его полюбить.

Я холоденъ, и гордъ, и даже злымъ
Толпѣ кажуся... (II, 256)

И если иногда онъ искалъ этому объясненія въ томъ, что душа его „слишкомъ пылко любила" (I, 295), то другой разъ онъ прямо признавался, что въ его душѣ

Напрасно
Съ враждой боролася любовь.

отношенія къ жизни и къ смерти. Едва ли не единственное исключеніе—первый стихъ въ стихотвореніи „Земля и небо" (1831 г.):

Какъ землю намъ больше небесъ не любить? (I, 295)

Но и въ этомъ стихотвореніи поэтъ спѣшитъ оговориться, что „счастье земное меньше въ сто разъ", чѣмъ „небесное счастіе".

И съ горькой ироніей Лермонтовъ утверждаетъ:

Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ. (II, 250)

Въ самомъ Лермонтовѣ этого „участья" не было или онъ умѣлъ его хорошо скрывать. Уже въ 1830 г., устами одной изъ своихъ героинь, Лермонтовъ увѣрялъ:

Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ. (I, 101)

Его Мефистофель („Сказка для дѣтей") признается, что во всемъ, самомъ святомъ, онъ видитъ побужденія низменныя:

Въ молитвахъ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви — безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство иль страданье! (II, 271)

Самъ Лермонтовъ словно повторяетъ эти слова своего Мефистофеля, когда вызывается „указать повсюду"—

Въ мужчинѣ — глупаго льстеца,
И въ каждой женщинѣ — Іуду. (II, 15)

Демонъ Лермонтова, соблазняя Тамару, говоритъ ей:

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —
. . . .
Кто устоитъ противъ разлуки,
Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки
И своенравія мечты? (II, 374)

И самъ поэтъ подтверждаетъ эти слова въ своемъ безнадежномъ раздуміи (1840 г.):

Любить... но кого же? На время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить не возможно.
. . . .
Что страсти? — вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка... (II, 286—7)

Высшаго паѳоса это презрѣніе къ людямъ и къ жизни достигаетъ въ такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Дума" и „Поэтъ" (1838 г.), „Не вѣрь себѣ" (1839), „Первое января" (1840 г.). Не только свое поколѣніе, но все современное человѣчество имѣлъ въ виду поэтъ, обличая тѣхъ, кто „къ добру и злу постыдно равнодушны" (II, 252). Много горечи надо было скопить въ душѣ, чтобы дать молодому мечтателю совѣтъ:

Какъ язвы бойся вдохновенья! (II, 255)

И жестокій сарказмъ есть въ словахъ, сказанныхъ отъ имени толпы, которыя слишкомъ часто принимаютъ за выраженіе мысли самого поэта:

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья? (II, 256)

И озираясь на „блескъ и суету“ шумящей вокругъ жизни, поэтъ видитъ вездѣ только

образы бездушные людей,
Приличьемъ стянутыя маски. (II 277)

Въ стихахъ и прозѣ Лермонтова разбросано множество замѣчаній, которымъ иногда придана шутливая форма, показывающихъ, какъ мало онъ вѣрилъ въ благородство людей. Такова горькая шутка въ предисловіи къ „Журналу Печорина“: „Коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому“ (IV, 193). Арбенинъ („Маскарадъ“) говоритъ о благодарности: „По чести вамъ сказать, ее я не терплю“ (III, 216). „Глупецъ, кто вѣритъ женскимъ обѣщаньямъ, а пуще женской скромности!“ восклицаетъ Соррини („Испанцы“, III, 64). „Продолжай вѣрить женщинамъ, вѣрь любви, вѣрь добродѣтели!“ насмѣхается Александръ („Два брата“, III, 355). Такихъ примѣровъ изъ рѣчей героевъ Лермонтова можно было бы собрать сотни. Характерны даже пословицы, влагаемыя поэтомъ въ уста своихъ дѣйствующихъ лицъ. „Что слезы женскія?—вода“, говоритъ Арбенинъ (III, 272). Но и въ своей лирикѣ, непосредственно отъ своего лица, Лермонтовъ охотно повторяетъ тѣ же горькія шутки. То, какъ нѣчто невѣроятное, онъ „обѣщаетъ вѣрить“, „что поцѣлуи и улыбки людей коварны не всегда“ (I, 272); то высказываетъ грустный афоризмъ: „ты слишкомъ для невинности мила“ (I, 281); то находитъ естественной измѣну, потому что судьба „ей женское сердце вложила“ (I, 278) и т. д. Ко всѣмъ этимъ шуткамъ можно было бы поставить эпиграфомъ стихи Лермонтова:

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно... (II, 293)

Но Лермонтовъ самъ дорого заплатилъ за эту постоянную насмѣшку надъ людьми. Презирая ихъ и неизмѣнно нося маску притворнаго веселья, онъ, незамѣтно для самого себя, растрачивалъ все, что было лучшаго въ его душѣ. Очень рано въ его поэзіи начинаются жалобы на то, что въ прошломъ онъ былъ ближе къ своему идеалу.

Я памятью живу съ увядшими мечтами... (I, 301)

пишетъ онъ уже въ 1831 году. Тогда же, сравнивая себя съ Байрономъ, онъ предсказываетъ свою судьбу:

Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ. (I, 300)

Въ 1833 году поэтъ слышитъ „голосъ чудный“, который говоритъ ему: „Ты низко палъ, но я ль виновенъ?“ (II, 85). Въ послѣдніе годы жизни Лермонтова эта мысль начинаетъ настойчиво преслѣ-

довать его. Онъ „ласкаетъ въ душѣ старинную мечту, погибшихъ лѣтъ святые звуки" (II, 277). Съ тоской онъ вспоминаетъ —

Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата,
Погибшихъ въ омутѣ страстей. (II, 283)

Заглядывая въ себя, онъ видитъ —

тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно... (I, 287) [1])

Онъ признается, съ горестью:

Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей. (I, 295)

И въ одномъ изъ своихъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Лермонтовъ дѣлаетъ, можетъ быть, еще болѣе горькое признаніе:

Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою... (II, 348)

5.

Лермонтовъ не былъ литераторомъ, какъ былъ имъ Пушкинъ. Съ дѣтства Пушкина влекла именно литература. Ребенкомъ онъ разыгрывалъ пьесы своего сочиненія передъ своей сестрой. Мальчикомъ участвовалъ въ лицейскихъ журналахъ. Юношей уже посылалъ свои стихи въ журналы для печати. Всю жизнь усердно работалъ, какъ литераторъ, писалъ журнальныя статьи, велъ полемику, каждую свою мысль спѣшилъ положить на бумагу, иногда даже безъ надежды напечатать это при своей жизни. У Пушкина все, что онъ чувствовалъ, что онъ переживалъ, обращалось въ литературу, и умеръ Пушкинъ редакторомъ-издателемъ собственнаго журнала.

Лермонтовъ былъ поэтъ и только въ силу необходимости также литераторъ. Лермонтовъ писалъ очень много, можетъ быть, больше Пушкина, но долгое время не думалъ о печати. Юношей онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ проникнутъ въ журналы. Его стихи были ему дороги для него самого, но онъ не искалъ читателей. Первое произведеніе Лермонтова, увидѣвшее свѣтъ („Хаджи Абрекъ"), было отдано въ печать безъ воли автора, можетъ быть, противъ его воли. Въ годы, когда имъ былъ уже созданъ длинный рядъ стихотвореній, донынѣ считающихся въ числѣ лучшихъ перловъ русской поэзіи, онъ все еще не думалъ о печати. Свое зна-

[1]) Впрочемъ, стихъ этотъ допускаетъ и другое толкованіе. Возможно, что здѣсь слово „ничтожно" взято въ словоупотребленіи начала вѣка. „Ничтожество" означало „небытіе". Въ такомъ смыслѣ употребляетъ его самъ Лермонтовъ въ „Монологѣ": „Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ" (I, 74). Въ томъ же смыслѣ мы находимъ это слово у Пушкина, Фета и др. Тогда стихъ Лермонтова „Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда" есть не что иное, какъ жалоба на непрочность настоящаго. То, что волновало, что казалось для души важнымъ, исчезаетъ безъ слѣда; радость и горе, и все обращается къ небытіе, въ „ничтожество".

ченіе Лермонтовъ хорошо сознавалъ, еще мальчикомъ онъ писалъ: „Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, еще невѣдомый избранникъ“ (II, 300), въ его стихахъ разсѣяны признанія о „желаніи громкой славы“ (II, 17). Но съ какимъ-то непонятнымъ упорствомъ онъ избѣгалъ печатать свои созданія. И позднѣе, когда имя Лермонтова стало извѣстно всей читающей Россіи, онъ крайне скупо отдавалъ свои стихи въ печать. Самимъ Лермонтовымъ напечатано меньше десятой части всего, что имъ написано.

Конечно, судьбу своей поэзіи имѣлъ въ виду Лермонтовъ, создавая символъ „Трехъ пальмъ“ (II, 257). Поэзія Лермонтова, какъ его три пальмы, „многіе годы“ цвѣла „безъ пользы въ пустынѣ“, „ничей благосклонный не радуя взоръ“. Она возроптала на святой приговоръ. Небо послало ей людей, читателей. Но люди только оскорбили ея святыню, подобно тому, какъ люди порубили топоромъ упругіе корни и тѣло пальмъ и до утра жгли ихъ огнемъ.

То, что Тютчевъ выразилъ въ двухъ энергичныхъ стихахъ:

Молчи, скрывайся и таи
И думай мечты свои!

составляло внутреннюю трагедію Лермонтова. Истинная жизнь была для него лишь поэзіей. Лишь въ своихъ стихахъ онъ выражалъ свою подлинную душу. Но свою поэзію онъ готовъ былъ обречь на молчаніе. Свои стихи онъ готовъ былъ утаить для одного себя. Лермонтовъ не зналъ, не видѣлъ, къ кому могъ бы онъ обратить свою исповѣдь.

Есть нѣсколько замѣчательныхъ признаній Лермонтова.

Во-первыхъ, онъ не менѣе остро, чѣмъ Тютчевъ или позднѣе Фетъ, сознавалъ „безсиліе словъ къ выраженію желаній“.

Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ (II, 256)

не надѣялся онъ передать значеніе „простыхъ и сладкихъ звуковъ“. Такъ „младая душа“ тщетно „долго томилась на свѣтѣ“, напрасно надѣясь въ „скучныхъ пѣсняхъ земли“ услышать „звуки небесъ“ (I, 284). Лермонтовъ зналъ, что „есть рѣчи“, которыхъ „значеніе темно и ничтожно“, но которымъ „безъ волненія внимать не возможно“ (II, 297); Лермонтовъ зналъ „одну молитву чудную“, съ „силой благодатной въ созвучьи словъ живыхъ“ (II, 257); но онъ зналъ также, что эти глубокіе звуки души невозможно выразить человѣческимъ словомъ. И вмѣстѣ съ своимъ героемъ Лермонтовъ могъ бы воскликнуть:

А душу можно ль разсказать? (II, 311)

Во-вторыхъ, Лермонтовъ глубоко сомнѣвался, нужно ли воплощать эти „звуки небесъ“ въ „пѣсни земли“, еслибы даже то было возможно. Юношей онъ задавалъ себѣ вопросъ:

Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда-нибудь увидѣлъ свѣтъ.

Хочу,— и снова затрудненье!
Зачѣмъ? (I, 142)

Къ кому могъ бы поэтъ обратить свою исповѣдь? Тоже юношей онъ задумывался, достойна ли „толпа" проникнуть въ его сердце:

Зачѣмъ ей знать, что въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ, ей все равно. (I, 256)

Нѣсколько разъ Лермонтовъ прямо говорилъ, что не хочетъ быть откровеннымъ съ людьми:

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ... (I, 214)

Лермонтовъ прямо говоритъ, что не дорожитъ „вѣнцомъ пѣвца":

Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый...
Пускай! я имъ не дорожилъ! (II, 215)

Тѣ же мысли высказываетъ Лермонтовъ въ своихъ наиболѣе зрѣлыхъ созданіяхъ. Въ стихотвореніи „Не вѣрь себѣ" онъ даетъ такой совѣтъ молодому поэту:

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной! (II, 256)

Въ стихотвореніи „Дума" Лермонтовъ сознается, что его поколѣніе „изсушило умъ",

Тая завистливо отъ близкихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный. (II, 252)

Наконецъ, въ стихотвореніи „Поэтъ" Лермонтовъ утверждаетъ, что въ наши дни поэтъ

Свое утратилъ назначенье... (II, 254)

Лермонтовъ былъ увѣренъ, что онъ одаренъ душою „таинственной". И въ связи съ этимъ ему казалось, что въ мірѣ онъ лишній.

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я. (I, 103)

Временами Лермонтову даже казалось, что все близкое къ нему обречено на погибель:

Все, что любитъ меня, то погибнуть должно
Иль, какъ я же, страдать до конца. (I, 183)

Въ замѣчательной „Эпитафіи" Лермонтовъ говоритъ, повидимому, о себѣ:

Онъ не былъ созданъ для людей. (I, 138)

Это признаніе удивительно совпадаетъ съ тѣмъ, что говоритъ ангелъ о душѣ Тамары:

Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ. (II, 380)

Есть въ діалогѣ Лермонтова „Журналистъ, читатель и писатель“ такое признаніе писателя:

Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны...
. . . .
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
. . . .
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ безъ зазрѣнья
Онъ затопляетъ свой каминъ. (II, 282—3)

Къ этому признанію мало прислушивались. Зная искренность Лермонтова, нельзя заподозрѣть и искренность этихъ стиховъ. Должно вѣрить, что были у Лермонтова „странныя созданья“, которыя онъ „безъ зазрѣнья“ бросилъ въ огонь.

Пушкинъ умѣлъ различать у поэта „трудъ“ и „плодъ его“:

твой трудъ
Тебѣ награда. Имъ ты дышишь.
А плодъ его бросаешь ты
Толпѣ, рабынѣ суеты.

Для Лермонтова „плодъ труда“ и самый „трудъ“ сливались въ одно; свой трудъ онъ не охотно „бросалъ толпѣ“, предпочиталъ таить его для себя.

Валерій Брюсовъ.

1831 г.

252.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

253. * * *.

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина!

Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной;
Дай Богъ, чтобы, какъ твой, спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли

Юрій Петровичъ Лермонтовъ (отецъ поэта). (Съ портрета масляными красками, принадлежащ. Лермонтовскому музею).

Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты, иль нѣтъ!..
Ты свѣтомъ осужденъ... но что такое свѣтъ?

Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столько же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня: передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?..
О, если такъ,—то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мѣрѣ, я люблю!

254. Стансы.

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ—
Конецъ,—ожиданный конецъ...
Какая будущность, Творецъ!
Пусть я кого-нибудь люблю,—
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ, хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что смерть другимъ;
Живу, какъ неба властелинъ,
Въ прекрасномъ мірѣ, но одинъ!
Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по-конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ;
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена,
Дочь смерти,—смерть ей суждена!

255. Къ другу.

Забудь опять
Свои надежды;
О нихъ вздыхать—
Судьба невѣжды.
Она—дитя!
Не вѣрь на слово,—
Она шутя
Полюбитъ снова!
Все, что блеститъ,
Ее плѣняетъ;
Все, что груститъ,
Ее пугаетъ.
Такъ облачко̀
По небу мчится
Свѣтло, легко;
Оно глядитъ
Въ волнахъ морскихъ
Поочередно,—
Но чуждъ для нихъ
Пришлецъ свободный.
Онъ образъ свой
Во всѣхъ встрѣчаетъ,
Хоть ихъ порой
Не замѣчаетъ.

256. * * *.

Пора уснуть послѣднимъ сномъ...
Довольно въ мірѣ пожилъ я!
Обманутъ жизнью былъ во всемъ,
И ненавидя, и любя.

257. Изъ Паткуля.

Напрасна враговъ ядовитая злоба,—
Разсудятъ насъ Богъ и преданья людей;
Хоть розны судьбою,—мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... Близъ сумрака гроба
Не вѣдая страха, не зная цѣпей,

Мой духъ возлетаетъ все выше и выше,
И вьется, какъ дымъ надъ желѣзною крышей!..

258. Солнце осени.

Люблю я солнце осени, когда,
Межъ тучекъ и тумановъ пробираясь,
Оно кидаетъ блѣдный мертвый лучъ
На дерево, колеблемое вѣтромъ,
И на сырую степь. Люблю я солнце.
Есть что-то схожее въ прощальномъ взглядѣ
Великаго свѣтила съ тайной грустью
Обманутой любви. Не холоднѣй
Оно само собою, но природа
И все, что можетъ чувствовать и видѣть,
Не могутъ быть согрѣты имъ. Такъ точно
И сердце: въ немъ все живъ огонь, но люди
Его понять однажды не умѣли,—
И онъ въ глазахъ блеснуть не долженъ вновь,
И до ланитъ онъ вѣчно не коснется...
Зачѣмъ вторично сердцу подвергать
Себя насмѣшкамъ и словамъ сомнѣнья?

259. Потокъ.

Источникъ страсти есть во мнѣ
Великій и чудесный:
Песокъ серебряный на днѣ,
Поверхность—ликъ небесный.
Но безпрестанно быстрый токъ
Воротитъ и крутитъ песокъ,
И небо надъ водами
Одѣто облаками.
Родится съ жизнью этотъ ключъ
И съ жизнью исчезаетъ;
Въ иномъ онъ слабъ, въ другомъ могучъ,
Но всѣхъ онъ увлекаетъ.
И первый счастливъ. Но такой
Я праздный отдалъ бы покой
За нѣсколько мгновеній
Блаженства иль мученій.
Пускай же мчится мой потокъ
Неистовый и бурный,
Пускай отъ берега цвѣтокъ
Отмоетъ онъ лазурный,

И увлечетъ съ собою въ путь,
И съ нимъ погибнетъ гдѣ-нибудь
Вдвоемъ, забытъ вселенной,
Въ пустынѣ отдаленной.

260. Къ * * *.

Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мнѣ измѣнила:
Она тебѣ прелести женщинъ дала,
Но женское сердце вложила.
Какъ въ морѣ широкомъ слѣды челнока,
Мгновенье—его впечатлѣнья.
Любовь для него, какъ веселье, легка,
А горе не стоитъ мгновенья.
Но въ часъ свой урочный узнаетъ оно
Цѣпей неизбѣжное бремя.
Прости! намъ разстаться теперь суждено,
Разстаться до этого время.
Тогда я опять появлюсь предъ тобой,
И рѣчь моя умъ твой встревожитъ,
И пусть я услышу отвѣтъ роковой,—
Тогда ничего не поможетъ.
Нѣтъ, нѣтъ! милый голосъ и пламенный взоръ
Тогда своей власти лишатся;
Вослѣдъ за тобой побѣжитъ мой укоръ,
И въ душу онъ будетъ впиваться.
И мщенье, напомнивъ, что я перенесъ,
Уста мои къ смѣху принудитъ,
Хоть эта улыбка всѣхъ, всѣхъ твоихъ слезъ
Гораздо мучительнѣй будетъ.

261. Ночь.

Въ чугунъ печальный сторожъ бьетъ.
Одинъ я внемлю. Глухо лаютъ
Вдали собаки. Мраченъ сводъ
Небесъ, и тучи пробѣгаютъ
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь подъ ночною мглой.
Колеблетъ вѣтеръ влажный, душный
Верхи деревъ, и съ воемъ онъ
Стучитъ въ оконницы. Мнѣ скучно.
Мнѣ тяжко бдѣнье, страшенъ сонъ;

Я не хочу, чтобъ сновидѣнье
Являло мнѣ ея черты...
Нѣтъ, я не рабъ моей мечты!
Я въ силахъ перенесть мученье
Глубокихъ думъ, сердечныхъ ранъ,
Все,—только не ея обманъ!
Я не скажу „прости!“ надеждѣ.
Молвѣ не вѣрю: если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно измѣнить?
Но отчего же? Развѣ нѣту
Примѣровъ? Первый ли урокъ
Во мнѣ теперь дается свѣту?...
Какъ я забытъ, какъ одинокъ!
Шуми же, вѣтеръ ночи,
Играй свободно въ небесахъ,
И освѣжи мнѣ грудь и очи!
Въ груди огонь, слеза въ очахъ;
Давно безъ пищи этотъ пламень...
И слезы падаютъ на камень...

262. Къ себѣ.

Какъ я хотѣлъ себя увѣрить,
Что не люблю ее! Хотѣлъ
Неизмѣримое измѣрить,
Любви безбрежной дать предѣлъ.
Мгновенное пренебреженье
Ея могущества опять
Мнѣ доказало, что влеченье
Души нельзя намъ побѣждать;
Что цѣпь моя несокрушима,
Что мой теперешній покой—
Лишь гласъ залетный херувима
Надъ сонной демоновъ толпой.

263. * * *.

Душа моя должна прожить въ земной неволѣ
Не долго. Можетъ быть, я не увижу болѣ
Твой взоръ, твой милый взоръ, столь нѣжный для другихъ—
Звѣзду привѣтную соперниковъ моихъ.
Желаю счастья имъ. Тебя винить—безбожно

За то, что мнѣ нельзя все, все, что имъ возможно...
Но если ты ко мнѣ любовь хотѣла скрыть,
Казаться хладною и въ тишинѣ любить;
Но если ты при мнѣ смѣялась надо мною,
Тогда какъ внутренно полна была тоскою,—
То мрачный мой тебѣ покажетъ взглядъ,
Кто болѣе страдалъ, кто болѣ виноватъ.

264. * * *.

Пускай поэта обвиняетъ
Насмѣшливый, безумный свѣтъ:
Никто ему не помѣшаетъ,
Онъ не услышитъ мой отвѣтъ.
Я самъ собою жилъ донынѣ,
Свободно мчится пѣснь моя,
Какъ птица дикая въ пустынѣ,
Какъ вдаль по озеру ладья.
И что за дѣло мнѣ до свѣта,
Когда сидишь ты предо мной,
Когда рука моя согрѣта
Твоей волшебною рукой;
Когда съ тобой, о, дѣва рая,
Я провожу небесный часъ,
Не безпокоясь, не страдая,
Не отворачивая глазъ!

265. Слава.

Къ чему ищу такъ славы я?
Извѣстно, въ славѣ нѣтъ блаженства;
Но хочетъ все душа моя
Во всемъ дойти до совершенства.
Пронзая будущаго мракъ,
Она, безсильная, страдаетъ,
И въ настоящемъ все не такъ,
Какъ бы хотѣлось ей, встрѣчаетъ.
Я не страшился бы суда,
Когда бъ увѣренъ былъ вѣками,
Что вдохновеннаго труда
Міръ не обидитъ клеветами;
Что станутъ вѣрить и внимать
Повѣствованью горькой муки

И не осмѣлятся равнять
Съ земнымъ—небесъ живые звуки.
Но не достигну я ни въ чемъ
Того, что такъ меня тревожитъ,—
Все кратко на шару земномъ,
И вѣчно слава жить не можетъ.
Пускай поэта грустный прахъ
Хвалою освятитъ потомство.
Гдѣ жъ слава въ краткихъ похвалахъ?
Людей извѣстно вѣроломство!
Другой заставитъ позабыть
Своею пѣснію высокой
Пѣвца, который кончилъ жить,
Который жилъ такъ одинокой.

266. * * *.

Унылый колокола звонъ
Въ вечерній часъ мой слухъ невольно потрясаетъ,
Обманутой душѣ моей напоминаетъ
И вѣчность, и надежду онъ.
И если вѣтеръ, путникъ одинокой,
Вдругъ по травѣ кладбища пробѣжитъ,
Онъ сердца моего не холодитъ,—
Что въ немъ живетъ, то въ немъ глубоко.
Я чувствую, судьба не умертвитъ
Во мнѣ возросшій дѣятельный геній;
Но что его на свѣтѣ сохранитъ
Отъ хитрой клеветы, отъ скучныхъ наслажденій,
Отъ истощительныхъ страстей,
Отъ языка ласкателей развратныхъ
И отъ желаній, непонятныхъ
Умамъ посредственныхъ людей?
Безъ пищи долженъ яркій пламень
Погаснуть на скалѣ сырой.
Холодный слушатель есть камень:
Попробуй разъ, попробуй и открой
Ему источники сердечнаго блаженства,—
Онъ станетъ толковать, что должно ощутить;
Въ простомъ не видя совершенства,
Онъ не привыкъ прекрасное цѣнить,
Какъ тотъ, кто въ грудь втѣснить желалъ бы всю природу,
Кто силится купить страданіемъ своимъ
И гордою побѣдой надъ земнымъ
Божественной души безбрежную свободу.

267. Пѣсня.

Колоколъ стонетъ,
Дѣвушка плачетъ,
И слезы по четкамъ бѣгутъ.
    Насильно,
    Насильно
Отъ міра въ обители скрыта она,
Гдѣ жизнь безъ надежды, и ночи безъ сна.
Такъ мое сердце
Грудь безпокоитъ,
И бьется, бьется, бьется.
    Велѣла,
    Велѣла
Судьба мнѣ любовь отъ него оторвать
И дѣву забыть, хоть тому не бывать.
Смерть и безсмертье,
Жизнь и погибель
И дѣвѣ, и сердцу—ничто:
    У сердца
    И дѣвы
Одно лишь страданье, одинъ лишь предметъ,—
Ему счастья надо, ей надобенъ свѣтъ.

268. Вечеръ.

Когда садится алый день
    За синій край земли,
Когда туманъ встаетъ, и тѣнь
    Скрываетъ все вдали,—
Тогда я мыслю въ тишинѣ
    Про вѣчность и любовь,
И чей то голосъ шепчетъ мнѣ:
    Не будешь счастливъ вновь!
И я гляжу на небеса
    Съ покорною душой:
Они свершали чудеса,
    Но не для насъ съ тобой,—
Не для ничтожнаго глупца,
    Которому твой взглядъ
Дороже будетъ до конца
    Небесныхъ всѣхъ наградъ.

269. * * *.

Хоть давно измѣнила мнѣ радость,
Какъ любовь, какъ улыбка людей,
И померкнуло прежде, чѣмъ младость,
Свѣтило надежды моей,
Но судьбу я и міръ презираю,
Но нельзя имъ унизить меня,
И я хладно приходъ ожидаю
Кончины иль лучшаго дня.
Словамъ моимъ вѣрить не станутъ,
Но клянуся въ нелживости ихъ,—
Кто самъ былъ такъ часто обманутъ,
Обмануть не захочетъ другихъ.
Пусть жизнь моя въ буряхъ несется,
Я безпеченъ, я знаю давно:
Пока сердце въ груди моей бьется,
Не увидитъ блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоитъ того, можетъ быть,
Чья душа слишкомъ пылко любила,
Чтобы могъ его міръ полюбить.

270. Звуки и взоръ.

О, полно ударять рукой
По струнамъ арфы золотой...
Смотри, какъ сердце воли проситъ,
Слеза катится изъ очей,—
Мнѣ каждый звукъ опять приноситъ
Печали пролетѣвшихъ дней.
Нѣтъ, лучше съ трепетомъ любви
Свой взоръ на мнѣ останови,
Чтобъ роковое вспоминанье
Я въ настоящемъ утопилъ
И все свое существованье
Въ единый мигъ переселилъ.

271. Земля и небо.

Какъ землю намъ больше небесъ не любить?
Намъ небесное счастье темно,
Хоть счастье земное и меньше въ сто разъ,
Но мы знаемъ, какое оно.

О надеждахъ и мукахъ былыхъ вспоминать
Въ насъ тайная склонность кипитъ;
Насъ тревожитъ невѣрность надежды земной,
А краткость печали смѣшитъ.
Страшна въ настоящемъ бываетъ душѣ
Грядущаго темная даль,—
Мы блаженство желали бъ вкусить въ небесахъ,
Но съ міромъ разстаться намъ жаль.
Что во власти у насъ, то пріятнѣе намъ;
Хоть мы ищемъ другого порой,
Но въ часъ разставанья мы видимъ яснѣй,
Какъ оно породнилось съ душой.

272. Къ * * *.

Дай руку мнѣ, склонись къ груди поэта,
Свою судьбу соедини съ моей;
Какъ ты, мой другъ, я не рожденъ для свѣта
И не умѣю жить среди людей.
Я не имѣлъ ни время, ни охоты
Дѣлить ихъ шумъ, ихъ мелкія заботы,
Любовь мое все сердце заняла,—
И что жъ?—взгляни на блѣдный цвѣтъ чела...
На немъ ты видишь слѣдъ страстей уснувшихъ,
Такъ рано обуявшихъ жизнь мою;
Не льститъ мнѣ вспоминанье дней минувшихъ,
Я одинокъ надъ пропастью стою,
Гдѣ все мое подавлено судьбою.
Такъ кустъ растетъ надъ бездною морскою,
И листъ, грозой оборванный, плыветъ
По произволу странствующихъ водъ.

273. Изъ Андрея Шенье.

За дѣло общее, быть можетъ, я паду,
Иль жизнь въ изгнаніи безплодно проведу;
Быть можетъ, клеветой лукавой пораженный,
Предъ міромъ и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдомъ сплетаемый вѣнецъ,
И самъ себѣ сыщу безвременный конецъ...
Но ты не обвиняй страдальца молодова,
Молю, не говори насмѣшливаго слова:
Ужасный жребій мой твоихъ достоинъ слезъ.

Я много сдѣлалъ зла, но больше перенесъ...
Пускай виновенъ я предъ гордыми врагами,
Пускай отмстятъ... Въ душѣ, клянуся небесами,
Я не злодѣй, о нѣтъ! судьба—губитель мой.
Я грудью шелъ впередъ, я жертвовалъ собой;
Наскучивъ суетой обманчиваго свѣта,
Торжественно не могъ я не сдержать обѣта;
Хоть много причинилъ я обществу вреда,
Но вѣренъ былъ тебѣ всегда, мой другъ, всегда:
Въ уединенiи, среди толпы мятежной,
Я все тебя любилъ, и все любилъ такъ нѣжно.

274. Къ * * *.

Не медли въ дальной сторонѣ,
Молю, мой другъ, спѣши сюда!
Ты взглядъ мгновенный кинешь мнѣ,
А тамъ простимся навсегда.
И я, поймавши этотъ взоръ
И рѣчь послѣднюю твою,
Хотя бъ она была укоръ,
Ихъ вмѣстѣ въ сердцѣ схороню.
И въ день печали роковой
Твой взоръ, умѣющiй язвить,
Воображу передъ собой
И стану рѣчь твою твердить.
И вновь мечтанье сблизитъ насъ;
И вспомню, вспомню я тогда,
Какъ встрѣтились мы въ первый разъ
И какъ разстались навсегда.

275. Сосѣдъ.

Погаснулъ день на вышинахъ небесныхъ,
Звѣзда вечерняя лiетъ свой тихiй свѣтъ.
Чѣмъ занятъ бѣдный мой сосѣдъ?
Чрезъ садикъ небольшой, между вѣтвей древесныхъ,
Могу замѣтить я, въ его окнѣ
Блеститъ огонь. Его простая келья
Чужда заботъ и свѣтскаго веселья,
И этимъ нравится онъ мнѣ.
Прохожiе о немъ различно судятъ,
И всѣ его готовы порицать,

Но ихъ слова сосѣда не принудятъ
Лампаду ранѣе, иль позже зажигать.
И только я увижу свѣтъ лампады,
Сажусь тотчасъ у своего окна,
И въ этомъ мигъ таинственной отрады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мнѣ, что мы другъ друга понимаемъ,
Что я и бѣдный мой сосѣдъ,
Подъ бременемъ однимъ страдая, увядаемъ,
Что мы знакомы съ давнихъ лѣтъ.

276. Стансы.

Не могу на родинѣ томиться.
Прочь отсель, туда—въ кровавый бой!
Тамъ, быть можетъ, перестанетъ биться
Это сердце, полное тобой.
Нѣтъ, я не прошу твоей любови,
Нѣтъ, не знай губительныхъ страстей!
Видѣть смерть мнѣ надо, надо крови,
Чтобъ залить огонь въ груди моей.
Пусть паду, какъ ратникъ въ бранномъ полѣ,—
Не оплаканъ свѣтомъ буду я,
Никому не будетъ въ тягость болѣ
Буря чувствъ моихъ и жизнь моя.
Юныхъ лѣтъ святыя обѣщанья
Прекратитъ судьба на мѣстѣ томъ,
Гдѣ безъ думъ, безъ вопля, безъ роптанья
Я усну давно желаннымъ сномъ.
Такъ, но если я не позабуду
Въ этомъ снѣ любви печальный сонъ,
Если образъ твой всегда повсюду
Я носить съ собою осужденъ?
Если тамъ, въ предѣлахъ отдаленныхъ,
Гдѣ душа должна блаженство пить,
Тяжкихъ язвъ, на ней напечатлѣнныхъ,
Невозможно будетъ излѣчить?
О, взгляни привѣтно въ часъ разлуки
На того, кто съ гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умретъ за честь страны родной,
Кто, бывало, въ тайномъ упоеньѣ,
На тебя вперивъ свой влажный взглядъ,
Возбуждалъ людское сожалѣнье,
И твоей улыбкѣ былъ такъ радъ.

277. Мой демонъ.

1.

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ темныхъ облаковъ,
Онъ любитъ бури роковыя,
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Онъ любитъ пасмурныя ночи,
Туманы, блѣдную луну,
Улыбки горькія и очи,
Безвѣстныя слезамъ и сну.

2.

Къ ничтожнымъ хладнымъ толкамъ свѣта
Привыкъ прислушиваться онъ,
Ему смѣшны слова привѣта,
И всякій вѣрящій смѣшонъ.
Онъ чуждъ любви и сожалѣнья,
Живетъ онъ пищею земной,
Глотаетъ жадно дымъ сраженья
И паръ отъ крови пролитой.

3.

Родится ли страдалецъ новый,—
Онъ безпокоитъ духъ отца,
Онъ тутъ съ насмѣшкою суровой
И съ дикой важностью лица.
Когда же кто-нибудь нисходитъ
Въ могилу съ трепетной душой,
Онъ часъ послѣдній съ нимъ проводитъ,
Но не утѣшенъ имъ больной.

4.

И гордый демонъ не отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня.
И умъ мой озарять не станетъ
Лучомъ чудеснаго огня;
Покажетъ образъ совершенства
И вдругъ отниметъ навсегда,
И, давъ предчувствіе блаженства,
Не дастъ мнѣ счастья никогда.

Лордъ Байронъ.

278. * * *.

Нѣтъ, я не Байронъ: я—другой,
Еще невѣдомый избранникъ,—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои изведать, тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Я—или богъ, или никто.

279. Романсъ.

Ты идешь на поле битвы;
Но услышь мои молитвы,—
Вспомни обо мнѣ!

Если другъ тебя обманетъ,
Если сердце жить устанетъ,
И душа твоя увянетъ,—
    Въ дальной сторонѣ
    Вспомни обо мнѣ!
Если кто тебѣ укажетъ
На могилу и разскажетъ,
    При ночномъ огнѣ,
О дѣвицѣ обольщенной,
Позабытой и презрѣнной,
О, тогда, мой другъ безцѣнной,
    Ты въ чужой странѣ
    Вспомни обо мнѣ!
Время прежнее, быть можетъ,
Посѣтитъ тебя, встревожитъ
    Въ мрачномъ, тяжкомъ снѣ;
Ты услышишь плачъ разлуки,
Пѣснь любви и вопли муки
Иль подобные имъ звуки...
    О, хотя во снѣ
    Вспомни обо мнѣ!..

280. Сонетъ.

Я памятью живу съ увядшими мечтами.
Видѣнья прежнихъ лѣтъ толпятся предо мной,
И образъ твой межъ нихъ, какъ мѣсяцъ въ часъ ночной
Между бродящими блистаетъ облаками.
Мнѣ тягостно твое владычество порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощенъ мой духъ и скованъ, какъ цѣпями.
Что жъ пользы для меня?—я не любимъ тобой...
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ея моленіямъ внимаешь.
Такъ мраморный кумиръ на берегу морскомъ
Стоитъ, у ногъ его волна кипитъ, клокочетъ,
А онъ, безчувственнымъ исполненъ божествомъ,
Не внемлетъ, хоть ея отталкивать не хочетъ.

281. * * *.

Болѣзнь въ груди моей, и нѣтъ мнѣ исцѣленья:
    Я увядаю въ полномъ цвѣтѣ!
Пускай! Я не былъ рабъ земного наслажденья,
    Не для людей я жилъ на свѣтѣ.

Одно лишь существо душой моей владѣло,
Но въ разный путь пошли мы оба,
И мы разсталися, и небо захотѣло,
Чтобъ не сошлись опять у гроба.
Гляжу въ безмолвіи на западъ: догораетъ
Краснѣя, гордое свѣтило;
Мнѣ хочется за нимъ,—оно, быть можетъ, знаетъ,
Какъ воскрешать все то, что мило.
Быть можетъ, ослѣпленъ огнемъ его сіянья,
Я хоть на время позабуду
Волшебные глаза и поцѣлуй прощанья,
За мной бѣгущіе повсюду.

282. Къ * * *.

Мы случайно сведены судьбою;
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою,
Хоть пути не кончить имъ вдвоемъ.
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій, голубой,
И въ волнѣ спокойно онъ сіяетъ
И трепещетъ съ бурною волной.
Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ;
Пусть тогда гремятъ они межъ нами.
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ,
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей;
Но съ тобой, мой лучъ-путеводитель,
Что хвала иль гордый смѣхъ людей!
Души ихъ пѣвца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

283. * * *.

Поцѣлуями прежде считалъ
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я отъ счастья усталъ,
Но теперь никого не люблю.
И слезами когда то считалъ
Я мятежную жизнь мою;

Но тогда я любилъ и желалъ,
А теперь никого не люблю.
И я счетъ своихъ лѣтъ потерялъ,
И крылья забвенья ловлю:
Какъ я сердце унесть бы имъ далъ!
Какъ бы вѣчность имъ бросилъ мою!

284. * * *.

Послушай: быть можетъ, когда мы покинемъ
Навѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою такъ стынемъ;
Быть можетъ, въ странѣ, гдѣ не знаютъ обману,—
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану.
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ—раемъ, а ты мнѣ—вселенной.

285. Къ * * *.

Оставь напрасныя заботы,
Не обнажай минувшихъ дней,—
Въ нихъ не откроешь ничего ты,
За что бъ любить меня сильнѣй.
Ты любишь, вѣрю,—и довольно!—
Кого?—ты вѣдать не должна:
Тебѣ открыть мнѣ было бъ больно,
Какъ жизнь твоя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостоинъ я участья,
Что самъ ничѣмъ не дорожу,
Что все, чѣмъ сердце дорожило,
Теперь для сердца стало ядъ,
Что для него страданье мило,
Какъ спутникъ, собственность иль братъ.
Промолвивъ ласковое слово,
Въ награду требуй жизнь мою,
Но, другъ мой, не проси былова,—
Я мукъ своихъ не продаю.

АЗРАИЛЪ

286.

(Рѣчка. Кругомъ широкія долины. Курганъ. На берегу издохшій конь лежитъ близъ кургана и вороны летаютъ надъ нимъ. Все дико.)

Азраилъ *(сидитъ на курганѣ.)*

Дождуся здѣсь; мнѣ не жестка
Земля кургана. Вѣтеръ дуетъ,
Серебряный ковыль волнуетъ
И быстро гонитъ облака.
Кругомъ все дико и безплодно,
Издохшій конь передо мной
Лежитъ, и коршуны свободно
Добычу дѣлятъ межъ собой.
Ужъ хладныя бѣлѣютъ кости,
И скоро пиръ кровавый свой
Незваные оставятъ гости.
Такъ точно и въ душѣ моей:
Все пусто, лишь одно мученье
Грызетъ ее съ давнишнихъ дней
И гонитъ прочь отдохновенье;
Но никогда не устаетъ
Его отчаянная злоба,
И въ темной, темной кельѣ гроба
Оно вовѣки не уснетъ.
Все умираетъ, все проходитъ,
Гляжу, за вѣкомъ вѣкъ уводитъ
Толпы народовъ и міровъ,
И съ ними вмѣстѣ исчезаетъ.

Но духъ мой гибели не знаетъ:
Живу одинъ средь мертвецовъ,
Закономъ общимъ позабытый,
Съ своими чувствами въ борьбѣ,
Съ душой, страданьями облитой,
Не зная равнаго себѣ.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной,
Я все мгновенное люблю,
Утрата мучитъ грудь мою.
И я безсмертенъ,—и за что же?
Чѣмъ, чѣмъ возможно заслужить
Такую пытку? Боже, Боже!
Хотя бы могъ я не любить!..
Она придетъ сюда, я обниму
Красавицу и грудь къ груди прижму,
У сердца сердце будетъ горячѣй;
Уста къ устамъ чѣмъ ближе, тѣмъ сильнѣй
Нѣмая рѣчь любви. Я разскажу
Ей все—и міръ и вѣчность покажу;
Она слезу уронитъ надо мной,
Смягчитъ Творца молитвой молодой,
Пойметъ меня, пойметъ мои мечты
И скажетъ: какъ великъ, какъ жалокъ ты!
Сей рѣчи звукъ—мнѣ будетъ жизни звукъ,
И этотъ часъ—послѣдній долгихъ мукъ...
Клянусь воспоминаніе о немъ
Глубоко въ сердцѣ схоронить моемъ,
Хотя бы на меня возсталъ весь адъ.
Тотъ уголъ, гдѣ я спрячу этотъ кладъ,
Не осквернитъ ни ропотъ, ни упрекъ,
Ни месть, ни зависть; пусть свирѣпый рокъ
Сбираетъ тучи, пусть моя звѣзда
Въ туманѣ вѣчномъ тонетъ навсегда,—
Я не боюсь! Есть сердце у меня
Надменное и полное огня,
Есть въ немъ любви ея святой залогъ,—
Послѣдняго жъ не отнимаетъ Богъ...
Но слышенъ звукъ шаговъ, она, она...
Но для чего печальна и блѣдна?..
Вѣнокъ пестрѣетъ надъ ея челомъ,
Играетъ солнце медленнымъ лучомъ
На бѣлыхъ персяхъ, на ея кудряхъ...
Идетъ. Ужель меня тревожитъ страхъ?..

(Дѣва входитъ. Цвѣты въ рукахъ и на головѣ, въ бѣломъ платьѣ. Крестъ на груди у нея.)

Дѣва.

Вѣтеръ гудетъ,
Мѣсяцъ плыветъ,
Дѣвушка плачетъ,
Милый на чужбину скачетъ.
Ни дѣва, ни вѣтеръ
Не замолкнутъ.
Мѣсяцъ погаснетъ,
Милый измѣнитъ.

Прочь печальная пѣсня! Я опоздала, Азраилъ. Такъ ли тебя зовутъ, мой другъ? *(Садится рядомъ.)*

Азраилъ. Что до названія? Зови меня своимъ любезнымъ, пускай твоя любовь замѣнитъ мнѣ имя, я никогда не желалъ бы имѣть другого. Зови, какъ хочешь, смерть—уничтоженьемъ, гибелью, покоемъ, тлѣніемъ, сномъ,—она все равно поглотитъ свои жертвы.

Дѣва. Полно съ такими черными мыслями.

Азраилъ. Такъ моя любовь чиста, какъ голубь, но она хранится въ мрачномъ мѣстѣ, которое темнѣетъ съ вѣчностью.

Дѣва. Кто ты?

Азраилъ. Изгнанникъ, существо сильное и побѣжденное. Зачѣмъ ты хочешь знать?

Дѣва. Что съ тобой? Ты поблѣднѣлъ! Примѣтно дрожь пробѣгаетъ по твоимъ членамъ, твои вѣки опустились къ землѣ. Милый, ты становишься страшенъ.

Азраилъ. Не бойся, все опять прошло.

Дѣва. О, я тебя люблю, люблю больше блаженства. Ты помнишь, когда мы встрѣтились, я покраснѣла; ты прижалъ меня къ себѣ, мнѣ было такъ хорошо, такъ тепло у груди твоей. Съ тѣхъ поръ моя душа съ твоей одно. Ты несчастливъ, ввѣрь мнѣ свою печаль! Кто ты? откуда? Ангелъ? Демонъ?

Азраилъ. Ни то, ни другое.

Дѣва. Разскажи мнѣ твою повѣсть; если ты требуешь слезъ, у меня онѣ есть, если потребуешь ласки, то я удушу тебя моими; если потребуешь помощи,—о, возьми все, что я имѣю, возьми мое сердце и приложи его къ язвѣ, терзающей твою душу, моя любовь сожжетъ этого червя, который гнѣздится въ ней. Разскажи мнѣ твою повѣсть!

Азраилъ. Слушай, не ужасайся, склонись къ моему плечу, сбрось эти цвѣты,—твои губы душистѣе. Пускай эти гвоздики и фіалки унесетъ ближній потокъ, какъ нѣкогда время унесетъ твою собственную красоту. Какъ? Ужели эта мысль ужасна, ужели въ столько столѣтій люди не могли къ ней привыкнуть, ужели никто не можетъ пользоваться всею опытностью предшественниковъ? О, люди! вы жалки, но со всѣмъ тѣмъ я смѣнилъ бы мое вѣчное существованіе на мгновенную искру жизни человѣческой, чтобы чувствовать хотя все то же, что теперь чувствую, но имѣть надежду когда-нибудь позабыть, что я жилъ и мыслилъ. Слушай же мою повѣсть.

Разсказъ Азраила.

Когда еще ряды свѣтилъ
Земли не знали межъ собой,

Въ тѣ годы я ужъ въ мірѣ былъ,
Смотрѣлъ очами и душой,
Молился, дѣйствовалъ, любилъ.
И не одинъ я сотворенъ,—
Насъ было много; чудный край
Мы населяли, только онъ,
Какъ вашъ давно забытый рай,
Былъ преступленьемъ оскверненъ.
Я власть великую имѣлъ,
Леталъ, какъ мысль, куда хотѣлъ,
Могъ звѣзды навѣщать порой
И любоваться ихъ красой
Вблизи, не утомляя взоръ;
Какъ перелетный метеоръ,
Я могъ исчезнуть и блеснуть:
Вездѣ мнѣ былъ свободный путь.
Я часто ангеловъ видалъ
И громкимъ пѣснямъ ихъ внималъ,
Когда въ багряныхъ облакахъ
Они, качаясь на крылахъ,
Всѣ вмѣстѣ славили Творца,
И не было хваламъ конца.
Я имъ завидовалъ: они
Безпечно проводили дни,
Не знали тайныхъ безпокойствъ,
Душевныхъ болей и разстройствъ,
Волненія враждебныхъ думъ
И горькихъ слезъ; ихъ свѣтлый умъ
Безвѣстной цѣли не искалъ,
Любовью грѣшной не страдалъ,
Не зналъ пристрастія къ вещамъ,—
Онъ весь былъ отданъ небесамъ.
Но я, блуждая много лѣтъ,
Искалъ—чего, быть можетъ, нѣтъ:
Творенье, сходное со мной
Хотя бы мукою одной.
И началъ громко я роптать,
Мое рожденье проклинать,
И говорилъ: Всесильный Богъ!
Ты знать про будущее могъ,—
Зачѣмъ же сотворилъ меня?
Желанье глупое храня,
Вездѣ искать мнѣ суждено
Призра̀къ, видѣніе одно.
Ужели милъ Тебѣ мой стонъ?
И если я ужъ сотворенъ,

Чтобы игрушкою служить,
Душой,—безсмертной, можетъ быть,—
Зачѣмъ меня Ты одарилъ?
Зачѣмъ я вѣрилъ и любилъ?
И наказаніе въ отвѣтъ
Упало на главу мою.
О, не скажу какое, нѣтъ!
Твою безпечность не убью,
Не дамъ понятія о томъ,
Что лишь съ возвышеннымъ умомъ
И съ непреклонною душой
Извѣдать велѣно судьбой.
Чѣмъ дольше мука тяготитъ,
Тѣмъ глубже рана отъ нея:
Обливши смертью бытіе,
Она опять его живитъ.
И эта жизнь пуста, мрачна,
Какъ пропасть, гдѣ не знаютъ дна:
Глотая все, добро и зло,
Не наполняется она.
Взгляни на блѣдное чело,
Примѣть морщинъ печальный рядъ,
Неровный ходъ моихъ рѣчей,
Мой горькій смѣхъ, мой дикій взглядъ
При вспоминаньи прошлыхъ дней,—
И если тотчасъ не прочтешь
Ты ясно всѣхъ моихъ страстей,
То вѣчно, вѣчно не поймешь
Того, кто за безумный сонъ,
За мигъ, столѣтьями казненъ.
Я пережилъ звѣзду свою:
Какъ дымъ, разсыпалась она,
Рукой Творца раздроблена.
Но смерти вѣрной на краю,
Взирая на погибшій міръ,
Я жилъ одинъ, забытъ и сиръ.
По безпредѣльности небесъ
Блуждалъ я много, много лѣтъ,
И зрѣлъ, какъ старый міръ исчезъ
И какъ родился новый свѣтъ;
И страсти первыя людей
Не скрылись отъ моихъ очей!
И нынѣ я живу межъ васъ,
Безсмертный смертную люблю,
И съ трепетомъ свиданья часъ,
Какъ пылкій юноша, ловлю.

Когда же родъ людей пройдетъ
И землю вѣчность разобьетъ,—
Услышавъ грозную трубу,
Я въ новый удалюся міръ,
И стану тамъ, какъ прежде сиръ,
Свою оплакивать судьбу.
Вотъ повѣсть чудная моя.
Повѣрь иль нѣтъ—мнѣ все равно;
Довѣрчивое сердце я
Привыкъ не находить давно;
Однако жъ я молю: повѣрь
И тѣмъ тоску мою умѣрь.
Никто не могъ тебя любить
Такъ пламенно, какъ я теперь.
Что сердце по-пусту язвить,
Зачѣмъ вдвойнѣ его казнить?
Но нѣтъ, ты плачешь? Я любимъ,
Хоть только существомъ однимъ,
Хоть въ первый и послѣдній разъ!
Мой умъ свѣтлѣй отнынѣ сталъ,
И, признаюсь, лишь въ этотъ часъ
Я умереть бы не желалъ...

Дѣва. Я тебя не понимаю, Азраилъ: ты говоришь такъ темно. Ты видѣлъ другой міръ,—гдѣ жъ онъ? Въ нашемъ законѣ ничего не сказано о людяхъ, жившихъ прежде насъ.

Азраилъ. Потому что законъ Моисея не существовалъ прежде земли.

Дѣва. Полно, ты меня хочешь только испугать.

(Азраилъ блѣднѣетъ.)

Дѣва. Пришла сюда, чтобы съ тобою проститься, мой милый. Моя мать говоритъ, что покамѣстъ это должно,—я иду замужъ. Мой женихъ славный воинъ, его шлемъ блеститъ, какъ жаръ, и мечъ его опаснѣй молніи.

Азраилъ. Вотъ женщина... Она обнимаетъ одного и отдаетъ свое сердце другому!

Дѣва. Что сказалъ ты? О, не сердись!

Азраилъ. Я не сержусь. *(Горько.)* И за что сердиться?..

Ангелъ смерти

287.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

Посвящается А. М. Верещагиной.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ, безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и тобой!
Среди безчувственныхъ тоскуя,
Въ душѣ все прежнее храня,
Лишь объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня!
Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

I.

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза, дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья;
Гдѣ легче мчатся облака,
Гдѣ чище катится рѣка,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла

Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ,—не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.
Есть Ангелъ Смерти: въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ.
Но холодны его лобзанья,
И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы, и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И усмирялъ земныя страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ-нибудь
На мигъ надеждой обмануть.
Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный.
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ двéрямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ;
И самъ былъ счàстливъ.—Почему же
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье?
Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,

И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Одѣта дикими кустами,
На немъ пещера есть одна—
Жилище змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ, обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный,
Съ ней говорятъ морскія волны,
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.
Давнымъ-давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,—
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ могъ быть счастливъ, но блаженства
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ.
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ,—самъ былъ не лучше ихъ.
Искалъ великаго въ ничтожномъ;
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И, ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ, и людей,
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она, хоть презрѣна, все—богъ.
Одно сокровище—святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ,
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ? Всегда ли вѣренъ сонъ?
На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтки плюща обвились
Вокругъ его прямого стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ,
И сломитъ кипарисъ высокій;

Жилище Зораима. Рисун. художн. Д. Митрохина.

Вкругъ кипариса плющъ обвитъ,—
Онъ не погибнетъ одиноко!..
Такъ міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ.
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ Пери молодая;
Все страстно въ ней,—и грудь, и станъ,
Глаза—два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ мрачный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей.
И ей пришло тогда желанье—
Огонь въ очахъ его родить,
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ одна могила.
    На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучомъ въ пещеру ударяетъ,
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню,—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?
    Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на лонѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ полузакрытый
Напрасно смотритъ на востокъ;
И утра ждетъ она напрасно,—
Ей не видать зари прекрасной;
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ дня не нужно вовсе намъ.
    У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ колѣнопреклоненный,

Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ея не грѣетъ.
„Но смерть,—онъ мыслитъ,—не близка;
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковая".
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ;
И намъ хотя не остается
Для заблужденья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него!
Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ.
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви, и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ.
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ;
Но скоро, при огнѣ лампады,
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли? даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.
Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима,
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ. Но понятно
По цвѣту странному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья...

И Ангелъ, мыслью поражонъ,
Достойною небесъ, желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель Создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ,
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть не та ужъ, какъ была,—
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ.
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ;
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя, какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои,
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!..

II.

Однажды, на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла,
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
„Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ

Однообразно дни влачить;
Я воленъ, но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—Давай мнѣ чашу славы!
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ,
Я не вздрогну, я выпить радъ!
Не всѣ ль блаженства лишь отравы?
Когда-нибудь—и скоро—я
Оставлю ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойному быть? О нѣтъ!
Взгляни: за этими горами,
Съ могучимъ войскомъ, подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя:
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился
Я побѣжденнымъ; нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь,
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато.
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала!...
Но если бъ даже ты желала,
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь...
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь? слезы! слезы!
О чемъ же плакать, ангелъ мой!"
И ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
„Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,

Цвѣтокъ недвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна,—
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—твой образъ, мой—цвѣтокъ!
Ты грустенъ,—я грустна съ тобою...
Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній сча́стливый для насъ!..“
Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышитъ ароматъ?
Зачѣмъ?.. Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.
Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ;
Гдѣ красный день, какъ ночь, спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ,
И обагрить не можетъ кровь.
Въ долинѣ пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны.
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе... и сразились,—
И звуку копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье—царь въ душахъ людей,
И удивленія сильнѣй.
Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,

И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни, знамена блуждали
Надъ каждой темною толпою,
И, съ крикомъ смерти роковой,
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...
И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь, ни царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И смѣлой важностью чела.
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова!
И шумно навзничь онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо гордый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.
    На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
И грудь высоко подымая,
Боязнью сердце билось въ ней;
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали.
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый.
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить,
Что многихъ онъ лишилъ отрады

Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.—Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты!...
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...
Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенья?..
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ...
Все тихо вкругъ... Онъ все нейдетъ!...
Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину.
Идетъ межъ труповъ, чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа.
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
И вотъ недвижна! Такова
Была бъ лилея надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ? Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?...
Кто это, раненный стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою.
Но часъ кончины ужъ надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!
„Ты здѣсь! теперь?—и ты ли, Ада?
О, твой приходъ мнѣ не отрада;
Зачѣмъ?... Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы;
Смерть не должна быть ихъ предметомъ.
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... Что пользы въ этомъ?...

Д. И. Митрохинъ:

*„Не бойся крови, дай мнѣ руку!
Я виноватъ передъ тобой“.*

Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь,—
И вижу... И приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Я жертва сѣни гробовой,
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.
Не бойся крови, дай мнѣ руку!
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! Ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...
    Мой другъ! Къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую, къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О! кто бъ подумалъ! какъ я молодъ,
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,—
Когда бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...
    Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ,—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя.
Но..." Тутъ, какъ арфы дальней звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли,
И ослабѣлъ примѣтно онъ.
    Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.

Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна, какъ всегда.
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Чтò на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И хочетъ юноша напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
И все, что можетъ онъ сказать,—
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя, какъ ледъ,
Течетъ по каплямъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незванный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ и вздрогнулъ, и вздохнулъ,
И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими очами,
Ликъ, прежде милый, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей!
Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ тихимъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ свѣтъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ...
Его отчизна въ небесахъ:
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!..
Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:

За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему,
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ,—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой,—
Людей узналъ онъ: состраданья
Они не могутъ заслужить,
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...
Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ:
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
Его привѣтственныя рѣчи,
И мраченъ неподвижный взоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!...

288. Каллы [1])

(ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ).

'Tis the clime of the East; 'tis the land of the Sun—
Can he smile on such deeds as his children have done?
Oh! wild as the accents of lovers' farewell
Are the hearts which they bear, and the tales which they tell.

Byron. The Bride of Abydos.

I.

„Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ,
Клянись имъ слѣдовать душою...
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ
И отомстить за побѣжденныхъ;

1) По-черкесски —„убійца".

И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на землѣ—орудье мщенья,
Палачъ, а жертва—Акбулатъ!...
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!—
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой:
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади;
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный, и поди!"
Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій,
Безмолвно чистя свой кинжалъ,
Уроку мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но, чуждый страха, онъ готовъ
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

II.

Ужъ день погасъ. Угрюмо бродитъ
Аджи вкругъ сакли... И давно
Въ горахъ все тихо и темно.
Луна, какъ желтое пятно,
Изъ тучки въ тучку переходитъ,
А вѣтеръ свищетъ и гудётъ.
Какъ призракъ, юноша идетъ
Теперь къ завѣтному порогу;
Кинжалъ изъ кожаныхъ ножонъ
Ужъ вынимаетъ понемногу...
И вдругъ дыханье слышитъ онъ.
Аджи не долго разсуждаетъ;
Врагу заснувшему онъ въ грудь
Кинжалъ безъ промаха вонзаетъ,
И въ ней спѣшитъ перевернуть.

Кому убійцей быть судьбина
Велитъ, — тотъ будь имъ до конца.
Одинъ погибъ, но съ кровью сына
Смѣшать онъ долженъ кровь отца.
Предъ нимъ старикъ: власы сѣдые,
Черты открытаго лица
Спокойны и усы большіе

Рис. М. Ю. Лермонтова.

Уста закрыли бахромой,
И для молитвы сжаты руки...
Зачѣмъ ты взоръ потупилъ свой,
Аджи? Ты мщенья слышишь звуки!
Ты слышишь?.. То отецъ родной!—
И съ ложа внизъ, окровавленный,
Свалился медленно старикъ,

И сталъ ужасенъ блѣдный ликъ,
Лобзаньемъ смерти искаженный.
Взглянулъ убійца молодой...
И жертвы ищетъ онъ другой!
Обшарилъ стѣны онъ, чуть дышитъ,
Но не встрѣчаетъ ничего,
И только сердца своего
Біенье трепетное слышитъ.
Ужели всѣ погибли?—Нѣтъ!
Вѣдь дочь была у Акбулата...
И ждетъ ее—въ семнадцать лѣтъ—
Судьба отца и участь брата...
И вотъ луны дрожащій свѣтъ
Проникнулъ въ саклю, озаряя
Два трупа на полу сыромъ
И ложе, гдѣ роскошнымъ сномъ
Спала дѣвица молодая.

III.

Мила, какъ сонный херувимъ,
Передъ убійцею своимъ
Она, раскинувшись небрежно,
Лежала; только сонъ мятежной,
Волнуя дѣвственную грудь,
Мѣшалъ свободно ей вздохнуть.
Однажды, полные томленья,
Открылись черные глаза;
И—тайный признакъ упоенья—
Блистала ярко въ нихъ слеза;
Но, испугавшись мрака ночи,
Мгновенно вновь закрылись очи...
Увы! ихъ радость и любовь,
И слезы не откроютъ вновь...
И онъ смотрѣлъ. И въ думахъ тонетъ
Его душа... Проходитъ часъ...
Чей это стонъ? Кто такъ простонетъ,—
И не послѣдній въ жизни разъ?
Кто, услыхавъ такіе звуки,
До гроба можетъ ихъ забыть?
О, какъ не трудно различить
Отъ крика смерти—голосъ муки!

IV.

Сидитъ мулла среди ковровъ,
Добытыхъ въ Персіи счастливой,
Въ дыму табачныхъ облаковъ

Кальянъ свой куритъ онъ лѣниво.
Вдругъ слышенъ быстрый шумъ шаговъ.
Въ крови, съ зловѣщими очами,
Аджи вбѣгаетъ молодой;
Въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой...
Зачѣмъ онъ съ женскими власами
Пришелъ? И что тебѣ, мулла,
Подарокъ съ женскаго чела?
„О, какъ вѣрны мои удары!—
Ужаснымъ голосомъ сказалъ
Аджи.—Смотри, узналъ ли, старый?..
Ну, что же?—вотъ что“... И кинжалъ
Въ груди безчувственной торчалъ..

V.

На вышинѣ горы священной,
Вечернимъ солнцемъ озаренной,
Какъ одинокій часовой,
Бѣлѣетъ памятникъ простой:
Какой-то столбикъ округленный,
Чалмы подобіе на немъ,
Шиповникъ стелется кругомъ.
Оттуда синія пустыни
И гребни самыхъ дальнихъ горъ—
Свободы вѣчныя твердыни--
Пришельца открываетъ взоръ.
Забывши міръ и имъ забытый,
Рукою дружеской зарытый,
Подъ этимъ камнемъ спитъ мулла,—
И вмѣстѣ съ нимъ его дѣла.
Другого любитъ безъ боязни
Его любимая жена,
И не боится тайной казни
Отъ злобной ревности она...

VI.

И въ это время слухъ промчался
(Гласитъ преданье), что въ горахъ
Безвѣстный странникъ показался,
Опасный въ мірѣ и бояхъ,
Какъ дикій звѣрь людей чуждался,
И женщинъ онъ ласкать не могъ!...
. . . .
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.

И онъ лишь знаетъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ осталося ему.

289—290. Аулъ Бастунджи.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стихъ небрежной:
Какъ сына, ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ раннихъ лѣтъ кипитъ въ моей крови
Твой жаръ и бурь твоихъ порывъ мятежной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ—твой, всегда и всюду твой!...
Твоихъ вершинъ зубчатые хребты
Меня носили въ царствѣ урагана,
И принималъ меня, лелѣя, ты
Въ объятія изъ синяго тумана.
И я глядѣлъ въ восторгѣ съ высоты,
И надо мной, какъ остовъ великана,
Въ степи обросшій мохомъ и травой,
Лежали горы грудой вѣковой.
Надъ дѣтской головой моей вѣнцомъ
Свивались облака твои сѣдыя,
Когда по нимъ гремя катился громъ,
И, пробудясь отъ сна, какъ часовые,
Пещеры окликалися кругомъ...
Я понималъ ихъ звуки роковые;
И въ край надзвѣздный пылкою душой
Леталъ на колесницѣ громовой!...
Моей души не понялъ міръ,—ему
Души не надо; въ мракъ ея глубокой,
Какъ вѣчности таинственную тьму,
Ничье живое не проникнетъ око.
И въ ней-то недоступныя уму
Живутъ воспоминанья о далекой
Святой землѣ. Ни свѣтъ, ни шумъ земной
Ихъ не убьетъ... Я твой! Я всюду твой!...

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Между Машу́комъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ, горами

Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ сброшенныхъ грозой...

II.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ;
И въ знойный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки, съ пикой за спиной,
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ,
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

III.

И тамъ, когда вечерняя заря
Бѣлѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ—пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ,
Въ густой травѣ на полѣ роковомъ.

IV.

Сгорѣлъ аулъ—и слухъ объ немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: „скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?"

V.

Въ аулѣ томъ безъ ближнихъ и друзей
Когда-то жили два родные брата;
И въ Пятигорьѣ не было грознѣй
И не было отважнѣй Акбулата.
Меньшой былъ слабъ и нѣженъ съ юныхъ дней,
Какъ цвѣтъ весенній подъ лучомъ заката;
Чуждался битвъ и крови онъ и зла,
Но искра въ немъ таилась... и ждала...

VI.

Отецъ ихъ былъ убитъ въ чужомъ краю,
А мать Селимъ убилъ своимъ рожденьемъ,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
Онъ никому не могъ быть утѣшеньемъ;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!...

VII.

Онъ росъ одинъ... на волѣ безъ заботъ,
Какъ птичка межъ землей и небесами.
Блуждая съ дѣтства средь родныхъ высотъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ безбрежный сводъ;
Порой въ степи, застигнутый мечтами,
Одинъ сидѣлъ до поздней ночи онъ,
И вкругъ него леталъ чудесный сонъ...

VIII.

И земляки—зачѣмъ? то знаетъ Богъ—
Чуждались ихъ бесѣды; особливо
Паслись ихъ кони; и за ихъ порогъ
Переступали люди боязливо;
И даже молодой Селимъ не могъ,
Свой тонкій станъ, высокій и красивый,
Въ бешметъ шелко̀вый, праздничный одѣвъ,
Привлечь одной улыбки гордыхъ дѣвъ.

IX.

Сбиралась ли ватага удальцовъ
Отбить табунъ, иль бранною забавой
Потѣшиться,—оставя бѣдный кровъ,
Имъ вслѣдъ, съ усмѣшкой горькой и лукавой,
Смотрѣли братья, сумрачно, безъ словъ,
Какъ смотритъ облакъ иногда двуглавый,
Засѣвъ межъ скалъ, на свѣтлый бѣгъ луны,
Одинъ исполненъ грозной тишины.

X.

Дивились всѣ взаимной ихъ любви,
И не любилъ никто ихъ... оттого ли,
Что никому они дѣла свои
Не повѣряли и надменной воли
Склонить предъ чуждой волей не могли?...

Не знаю,—тайна ихъ угрюмой доли
Темнѣе строкъ, начертанныхъ рукой
Прохожаго на плитѣ гробовой...

XI.

Была ихъ сакля меньше всѣхъ другихъ,
И съ плоской кровли мохъ висѣлъ зеленой.
Рядкомъ блистали на стѣнахъ простыхъ
Арканъ, сѣдло съ насѣчкой вороненой,
Два башлыка, двѣ шашки боевыхъ,
Да два ружья, которыхъ стволъ граненой,
Едва прикрытый шерстянымъ чехломъ,
Былъ закопченъ въ дыму пороховомъ.

XII.

Однажды Акбулата ждалъ Селимъ
Съ охоты. Было поздно. На долину
Туманъ ложился, какъ прозрачный дымъ;
И сквозь него, прорѣзавъ половину
Косматыхъ скалъ, какъ буркою густымъ
Одѣтыхъ мракомъ,—дикую картину
Родной земли и неба красоту
Обозрѣвалъ задумчивый Бешту.

XIII.

Вдали тянулись розовой стѣной,
Прощаясь съ солнцемъ, горы снѣговыя;
Машукъ, склоняся лысой головой
Черезъ струи Подкумка голубыя,
Казалось, думалъ тяжкою стопой
Перешагнуть въ помѣстія чужія.
Съ мечети слѣзъ мулла. Аулъ дремалъ...
Лишь въ крайней саклѣ огонекъ блисталъ.

XIV.

И ждетъ Селимъ. Сидитъ онъ часъ, и два.
Гуляя въ полѣ, горный вѣтеръ плачетъ,
И подъ окномъ колышется трава.
Но, чу! далекій топотъ... кто-то скачетъ...
Примчался. Фыркнулъ конь, заржалъ... Сперва
Спрыгнулъ одинъ, потомъ другой. Что это значитъ?
То не сайгакъ, не волкъ, не звѣрь лѣсной!
Онъ прискакалъ съ добычею иной.

XV.

И въ саклю молча входитъ Акбулатъ,
Самодовольно взорами сверкая.

Селимъ къ нему: „Ты загулялся, братъ!
Я, чай, съ тобой не дичь одна лѣсная“.
И любопытно онъ взглянулъ назадъ,
И видитъ онъ: черкешенка младая
Стоитъ въ дверяхъ, мила, какъ херувимъ.
И поблѣднѣлъ невольно мой Селимъ.

XVI.

И въ немъ, какъ будто пробудясь отъ сна,
Зашевелилось сладостное что-то...
— „Люби ее! она—моя жена!—
Сказалъ тогда Селиму братъ.—Охотой
Родной аулъ покинула она.
Нашъ бѣдный домъ хранимъ ея заботой
Отнынѣ будетъ. Зара!—вотъ моя
Отчизна, все богатство, вся семья!...“

XVII.

И Зара улыбнулась, и уста
Хотѣли вымолвить слова привѣта,
Но замерли.—Вдоль по челу мечта
Промчалась тѣнью. По словамъ поэта,
Казалось, вся она была слита,
Какъ гурія, изъ сумрака и свѣта;
Бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ
Являлась грудь, поднявшая покровъ.

XVIII.

Черны глаза у серны молодой,
Но у нея глаза чернѣе были:
Сквозь тѣнь рѣсницъ, исполнены душой,
Они блаженствомъ сердцу говорили!
Высокій станъ искусною рукой
Былъ стройно перетянутъ безъ усилій;
Сквозь черный шелкъ витого кушака
Блистало серебро исподтишка.

XIX.

Змѣились косы на плечахъ младыхъ,
Оплетены тесемкой золотою;
И мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ-подъ нихъ,
Былъ разрисованъ жилкой голубою.
Она была прекрасна въ этотъ мигъ,
Прекрасна вольной дикой простотою,
Какъ южный плодъ румяный, золотой,
Обрызганный душистою росой.

XX.

Селимъ смотрѣлъ. Высоко билось въ немъ
Встревоженное сердце чѣмъ-то новымъ.
Какъ сладко, страстно пламеннымъ челомъ
Прилегъ бы онъ къ грудямъ ея перловымъ!...
Онъ вздрогнулъ, вышелъ... сумраченъ лицомъ,
Кинжалъ рукою стиснувъ.—На шелкòвомъ
Коврѣ лѣниво Акбулатъ лежалъ,
Курилъ и думалъ... О! когда бъ онъ зналъ!...

XXI.

Промчался день, другой... и много дней.
Они живутъ, какъ прежде, нелюдимо.
Но разъ... шумѣла буря, все чернѣй
Утесы становились. Съ воемъ мимо,
Подобно стаѣ скачущихъ звѣрей,
Толпою рѣзвыхъ, жадныхъ псовъ гонимой,
Неслися другъ за другомъ облака,
Косматыя, какъ перья шишака.

XXII.

Очами Акбулатъ ихъ провожалъ
Задумчиво съ порога сакли бѣдной.
Вдругъ шорохъ. Онъ глядитъ... предъ нимъ стоялъ
Селимъ, безъ шапки, пасмурный и блѣдный:
На поясѣ звеня висѣлъ кинжалъ,
Рука блуждала по оправѣ мѣдной;
Слова кипѣли смутно на устахъ,
Какъ бьется пѣна въ тѣсныхъ берегахъ.

XXIII.

И юношѣ съ участіемъ живымъ
Онъ молвилъ: „Что съ тобой?—не понимаю!
Скажи!“—„Я гибну!—отвѣчалъ Селимъ,
Сверкая мутнымъ взоромъ.—Я страдаю...
Одною думой день и ночь томимъ...
Я гибну!... Ты ревнивъ, ты вспыльчивъ,—знаю!
Безумца не захочешь ты спасти...
Такъ, я виновенъ... Но, прости!... прости...“

XXIV.

— „Скажи, тебя обидѣлъ кто-нибудь?—
Обиду злобы кровью смыть могу я!
Иль конь пропалъ? Забудь о немъ, забудь,—

Въ горахъ коня красивѣе найду я!
Иль отъ любви твоя пылаетъ грудь,
И чуждой дѣвы хочешь поцѣлуя?...
Ее увезть легко во тьмѣ ночной,—
Она—твоя! Но молви: что̀ съ тобой?"

XXV.

„Легко спросить, но тяжко разсказать
И чувствовать!... Молился я Пророку,
Чтобъ ангеламъ велѣлъ онъ ниспослать
Хоть каплю влаги пламенному оку!...
Ты видишь, есть ли слезы?... О! не трать
Молитвъ напрасныхъ... Къ яркому Востоку
И Западу взывалъ я... но въ моей
Душѣ все шевелится грусть, какъ змѣй...

XXVI.

Я проклялъ небо... Осѣдлалъ коня,
Пустился въ степь. Безъ цѣли мы блуждали,
Не различалъ ни ночи я, ни дня...
Но вслѣдъ за мной мечты мои скакали!
Я гибну, братъ!... Пойми, спаси меня!
Твоя душа не крѣпче бранной стали;
Когда я былъ ребенкомъ, ты любилъ
Ребенка... помнишь это! иль забылъ?

XXVII.

Послушай... бурно молодость во мнѣ
Кипитъ, какъ жаркій ключъ въ скалахъ Машу̀ка.
Но ты, въ твоей суровой сѣдинѣ
Видна усталость жизни, лѣнь и скука.
Пускай летать ты можешь на конѣ,
Звенящую стрѣлу бросать изъ лука,
Догнать оленя и врага сразить...
Но... такъ, какъ я, не можешь ты любить!...

XXVIII.

Не можешь ты безмолвно цѣлый часъ
Смотрѣть на взоръ живой, но безотвѣтный,
И утопать въ сіяньи милыхъ глазъ,
Тая въ груди, какъ месть, огонь завѣтный!
Обнявши Зару, я видалъ не разъ,
Какъ ты томился скукою примѣтной...
Я бъ отдалъ жизнь за поцѣлуй такой,
И... еслибъ могъ, не пожалѣлъ другой!..."

XXIX.

Какъ облака, висящія надъ нимъ,
Сталъ мраченъ ликъ суровый Акбулата,
Дрожь пробѣжала по усамъ сѣдымъ,
Взоръ покраснѣлъ, какъ зарево заката.
„Что произнесть рѣшился ты, Селимъ!"—
Воскликнулъ онъ. Селимъ не слушалъ брата.
Какъ бѣдный рабъ, онъ палъ къ его ногамъ
И волю далъ страданью и мольбамъ.

XXX.

— „Ты видишь: я погибъ... Спасенья нѣтъ...
Отчаянье, любовь... вездѣ! повсюду!
О! ради прежней дружбы... прежнихъ лѣтъ...
Отдай мнѣ Зару!... уступи!... Я буду
Твоимъ рабомъ... Послушай: сжалься!... Нѣтъ,
Нѣтъ!... ты меня, какъ ветхую посуду,
Съ презрѣньемъ гордымъ кинешь за порогъ...
Но, видишь: вотъ кинжалъ!... а тамъ—есть Богъ!...

XXXI.

Когда бъ хотѣлъ, я бъ могъ давно, повѣрь,
Упиться счастьемъ, прѐзрѣть все святое!
Но я подумалъ: нѣтъ, какъ лютый звѣрь,
Онъ растерзаетъ сердце молодое!—
И вотъ пришло раскаянье теперь,
Пришло, но поздно! Я ошибся вдвое,
Я, какъ глупецъ, остался на земли,
Одинъ, одинъ... безъ дружбы и любви!...

XXXII.

Что медлить? Я готовъ... Не размышляй!
Одинъ ударъ—и мы спокойны оба.
Увы! минута съ ней—небесный рай!
Жизнь безъ нея—скучнѣй, страшнѣе гроба!
Я здѣсь, у ногъ твоихъ... Рѣшись, иль знай:
Любовь хитрѣй, чѣмъ ревность или злоба;
Я вырву Зару изъ твоихъ когтей;
Она моя и быть должна моей!"

XXXIII.

Умолкъ. Блѣднѣй снѣговъ былъ нѣжный ликъ;
Въ очахъ дрожали слезы изступленья;
Межъ губъ слова слились въ невнятный крикъ,

Мучительный, ужасный... Сожалѣнье
Угрюмый братъ почувствовалъ на мигъ.
„Пройдетъ,—сказалъ онъ,—время заблужденья.
Есть много звѣздъ, одна другой свѣтлѣй:
Красавицъ много безъ жены моей!...

XXXIV.

Что далъ мнѣ Богъ, того не уступлю.
А что сказалъ я, то исполню свято.
Пророкъ зритъ мысль и слышитъ рѣчь мою.
Меня не тронутъ ни мольбы, ни злато!...
Прощай!... Но если... если...“—„Я люблю,
Люблю ее!—сказалъ Селимъ, объятый
Тоской и злобой.—Я просилъ, скорбѣлъ...
Ты не хотѣлъ!.. Такъ помни жъ: не хотѣлъ!“...

XXXV.

Его уста скривилъ холодный смѣхъ,
Онъ продолжалъ: „Все кончено отнынѣ!
Нѣтъ для меня ни дружбы, ни утѣхъ!...
Благодарю тебя!... Ты, какъ о сынѣ,
Объ юности моей пекся: сказать не грѣхъ,
По волѣ нѣжилъ ты цвѣтокъ въ пустынѣ,
По волѣ оборвалъ его листы...
Я буду помнить,—помни только ты!...“

XXXVI.

Онъ отвернулся и исчезъ, какъ тѣнь.
Стоялъ недвижимъ Акбулатъ смущенный,
Мрачнѣй, чѣмъ громомъ опаленный пень...
Шумѣла буря. Вѣтромъ наклоненный,
Скрипѣлъ полуразрушенный плетень,
Да иногда, грозою заглушенный,
Изъ бѣдной сакли раздавался вдругъ
Безпечной, нѣжной, вольной пѣсни звукъ...

XXXVII.

Такъ иногда, одна въ степи чужой,
Залетная пѣвица, птичка юга,
Поетъ на вѣткѣ дикой и сухой,
Когда вокругъ шумитъ, бушуетъ вьюга,—
И путникъ внемлетъ съ тайною тоской,
И думаетъ: то, вѣрно, голосъ друга!
Его душа, живущая въ раю,
Сошла печаль привѣтствовать мою!...

XXXVIII.

. . . . Селимъ сѣдлаетъ вѣрнаго коня,
Гребенкой мѣдной гриву разбирая;
Кубанскою оправою звеня,
Уздечка блещетъ; крѣпко обвивая
Сѣдло съ конемъ, сцѣпились два ремня.
Стремена ровны, плетка шелковàя
На арчагѣ мотается. Храпитъ,
Косится конь... Пора, садись, джигитъ!

XXXIX.

Горячъ и статенъ конь твой вороной!
Какъ красный угль, его сверкаетъ око,
Нога стройна, косматый хвостъ трубой,
И лоснится хребетъ его высокой,
Какъ черный камень, сглаженный волной;
Какъ саранча, легко въ степи широкой
Порхаетъ онъ подъ легкимъ сѣдокомъ,
И голосъ твой давно ему знакомъ!...

XL.

И молча на коня вскочилъ Селимъ;
Нагайкою махнулъ, привсталъ немного
На стременахъ... Затрепеталъ подъ нимъ
И захрапѣлъ товарищъ быстроногой.
Скачокъ, другой... ноздрями паръ, какъ дымъ...
И полетѣлъ знакомою дорогой,
Какъ пыльный листъ, оторванный грозой,
Летитъ крутясь по степи голубой!..

XLI.

Размашисто скакалъ онъ; и кремни,
Какъ брызги разсыпаяся, трещали
Подъ звонкими копытами. Они
Сырую землю мѣрно поражали;
И долго вслѣдъ ущелія одни
Другъ другу этотъ звукъ передавали,
Пока вдали, мгновенный, какъ симунъ,
Не скрылся всадникъ и его скакунъ.

XLII.

Какъ духъ изгнанья, быстро онъ исчезъ
За пеленой волнистаго тумана...
У табуна сторожевой черкесъ,

Дивяся, долго вслѣдъ ему съ кургана
Смотрѣлъ, и думалъ: „Много есть чудесъ!..
Великъ Аллахъ!.. Ужасна власть шайтана!
Кто скажетъ мнѣ, что этого коня
Хозяинъ мрачный—сынъ земли, какъ я?“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Межъ виноградныхъ лозъ, нагорный ключъ,
Отъ мирнаго аула недалеко,
Бѣжалъ по камнямъ, свѣтелъ и гремучъ.
Небесъ восточныхъ голубое око
Глядѣлось въ немъ, и плавалъ жаркій лучъ
Въ его волнѣ студеной и глубокой;
И мелкій дождь серебряныхъ цвѣтовъ
Въ него съ прибрежныхъ сыпался деревъ.

II.

Вотъ мирный часъ, когда на водопой
Бѣжитъ къ потоку сернъ пугливыхъ стая,
Шумя по листьямъ и травѣ густой.
Вотъ часъ, когда черкешенка младая
Идетъ купаться тайною тропой.
Нагую ножку въ воду погружая,
Она дрожитъ, смѣется... и вокругъ
Кидаетъ взглядъ, гдѣ дышатъ страсть и югъ!

III.

Не бойся, Зара!—всюду тишина,
Присядь на камень, сбрось покровъ узорной!
Вода въ ручьѣ прозрачна, холодна,
Смиритъ волненье груди непокорной,
И освѣжитъ твой смуглый станъ она.
Но, чу!.. Постой!.. Чей это шагъ проворный
Не въ добрый часъ раздался межъ кустовъ?..
Святой Пророкъ!—Скорѣй, гдѣ твой покровъ?..

IV.

Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары. Страстенъ, молодъ
Огонь руки сей!.. Сакля далека...
Что дѣлать?.. Въ грудь ея смертельный холодъ

М. Зайцевъ: „Но сильно чья-то жаркая рука
Хватаетъ руку Зары“.

Проникъ, какъ пуля мѣткаго стрѣлка,
И сердце громко билось въ ней, какъ молотъ...
„Селимъ, ты здѣсь?.. Злой духъ тебя принесъ!
Зачѣмъ пришелъ ты?“—„Я?.. какой вопросъ!“

V.

— „Селимъ!.. О! я погибла!“—„Можетъ быть.
Такъ что жъ?“—„Ужель ни капли сожалѣнья!
Чего ты хочешь?“—„Я хочу любить!
Хочу!—Ты видишь, краткія мученья
Меня ужъ измѣнили... скучно жить,
Какъ звѣрю, одному... часамъ терпѣнья
Насталъ послѣдній срокъ!.. Я снова здѣсь.
Я твой навѣкъ, душой и тѣломъ,—весь!

VI.

Я зналъ, что вашъ Пророкъ—не мой пророкъ,
Что люди—мнѣ чужіе, а не братья;
Я странствовалъ въ пустынѣ одинокъ
И сумраченъ, какъ дивъ—дитя проклятья!
Безъ страха я давно бъ въ могилу слегъ,
Но холодны сырой земли объятья...
Ахъ! я мечталъ хоть мигъ одинъ заснуть,
Мою главу склонивъ къ тебѣ на грудь...

VII.

Бѣги со мной!.. Оставь свой бѣдный домъ.
Я молодъ, свѣжъ; твой мужъ—старикъ суровый!
Рѣшись, спѣши! Мнѣ тайный путь знакомъ,
Мое ружье вѣрнѣй стрѣлы громовой,
Кинжалъ мой блещетъ гибельнымъ лучомъ,
Моя рука быстрѣй, чѣмъ взглядъ и слово,
И у меня жилище есть въ горахъ,
Гдѣ отыскать насъ можетъ лишь Аллахъ!

VIII.

Мой домъ изрытъ въ разсѣлинахъ скалы:
Въ немъ до меня два барса дружно жили;
Узнавъ пришельца, голодны и злы,
Они, воспрянувъ, бросились, завыли...
Я ихъ убилъ, и въ тотъ же день орлы
Кровавыя ихъ кости растащили,
И кожи ихъ у входа, по бокамъ,
Висятъ, какъ тѣни, въ страхъ другимъ звѣрямъ.

IX.

Тамъ ложе есть изъ моха и цвѣтовъ,
Тамъ есть родникъ, межъ камней изсѣченный,
Его питаетъ влага облаковъ,
И брызжетъ онъ, журча, струею плѣнной.
Бѣги со мной!.. Никто твоихъ слѣдовъ
Не различитъ въ степи, мой другъ безцѣнный!
И только мѣсяцъ съ солнцемъ золотымъ
Узнаютъ, какъ и кто тобой любимъ!..“

X.

Обнявши станъ ея полунагой,
Едва дыша, склонившись къ ней устами,
Онъ ждалъ отвѣта съ страхомъ и тоской...
Она молчала. Шаткими вѣтвями
Шумѣлъ надъ ними вѣтеръ полевой,
И тѣни листьевъ темными рядами
Бродили по челу ея... Она,
Какъ мраморный кумиръ, была блѣдна.

XI.

— „Рѣшись же, Зара... ждать я не могу!
Ты поблѣднѣла?.. Что такое?.. слезы?
Но развѣ здѣсь ты предана̀ врагу?
Иль рѣчь любви похожа на угрозы?
Иль ты меня не любишь?—Нѣтъ, я лгу...
Твои уста нѣжнѣй ира́нской розы,
Они не могутъ это произнесть!..
Пусть нѣтъ въ тебѣ любви, но... жалость есть!..

XII.

О, какъ я былъ бы счастливъ, какъ богатъ,
Подъ звѣздами Аллы, одинъ съ тобою!..
Скажи: тебя не любитъ Акбулатъ?
Онъ золъ, ревнивъ, онъ пасмуренъ душою?
И рѣчь его хладнѣе, чѣмъ булатъ?..
Онъ для тебя постылъ... Бѣги со мною!
Но ты качаешь молча головой...
Не онъ тобой любимъ!.. Но кто жъ другой?

XIII.

Скорѣй,—откуда? гдѣ онъ—назови!
Я вытержу зловѣщее названье...
Я обниму, какъ брата, и въ крови

Запечатлѣю братское лобзанье.
Кто жъ онъ, счастливый царь твоей любви?
Пускай придетъ дразнить мое страданье,
При мнѣ тебя и нѣжить, и ласкать...
Я радъ смотрѣть, клянусь... и радъ молчать!..“

XIV.

И онъ склонилъ мятежную главу,
И онъ закрылъ лицо свое руками,
И видно было ей, какъ на траву
Упали двѣ слезы двумя звѣздами.
Безъ смысла и безъ звука, на яву,
Какъ бы во снѣ, онъ шевелилъ устами
И, наконецъ, припалъ къ землѣ сырой,
Какъ та земля, и хладный и нѣмой.

XV.

Ей стало жаль; она сказала вдругъ:
„Не плачь!... ужасенъ видъ твоей печали!
Отецъ мой былъ великій воинъ: югъ,
И сѣверъ, и востокъ о немъ слыхали.
Онъ былъ свирѣпый врагъ, но вѣрный другъ,
И низкой лжи уста его не знали...
Я дочь его, и честь его храню:
Умру, погибну,—но не измѣню!

XVI.

— Оставь меня! я счастлива съ другимъ!“
— „Неправда!..“—„Я люблю его!.. конечно!“
— „Онъ мой злодѣй, мой врагъ!!“—„Селимъ, Селимъ!
Кто жъ виноватъ?.. Онъ правъ!—ужели вѣчно
Не примиритесь вы?“—„Мириться? съ нимъ?..
Да кто же я, чтобъ злобой скоротечной
Дразнить людей и небо!“—„Ты жестокъ!“
— „Какъ быть?—такую душу далъ мнѣ рокъ!“

XVII.

— „Прощай! ужъ поздно! Богъ разсудитъ насъ!
Но если я съ тобой увижусь снова,
То это будетъ, знай, въ послѣдній разъ...“
Онъ тихо всталъ, и болѣе ни слова.
И тихо удалился... День угасъ;
Лишь блѣдный лучъ изъ-за Бешту крутова
Едва свѣтилъ прощальною струей
На блѣдный ликъ черкешенки младой.

XVIII.

Селимъ не возвращался.—Акбулатъ
Спокоенъ. Онъ не видитъ, что порою
Его жены доселѣ ясный взглядъ
Туманится невольною слезою.
Вотъ, разъ съ охоты ѣхалъ онъ назадъ.
Аулъ дремалъ въ тѣни, таясь отъ зною;
Съ мечети божьей лишь мулла сѣдой
Ему смѣясь киваетъ головой.

XIX.

И говоритъ: „Куда спѣшишь, мой сынъ!
Не лучше ли гулять въ широкомъ полѣ?
Черкесъ прямой—всегда, вездѣ одинъ,
И служитъ только родинѣ да волѣ!
Черкесъ землѣ и небу господинъ,
И чуждый врагъ ему не страшенъ болѣ;
Но если бъ онъ послушался меня,
Жену бы кинулъ, а купилъ коня!“

XX.

— „Молись себѣ Пророку, злой мулла,
И не мѣшайся такъ въ дѣла чужія.
Твой вѣренъ гласъ,—моя вѣрнѣй стрѣла!
За весь табунъ твой не отдамъ жены я!“
И тотъ въ отвѣтъ: „Я не жалаю зла,
Но вспомнишь ты слова мои простыя!“
Смутился Акбулатъ,—потупилъ взоръ,
И скачетъ онъ скорѣй къ себѣ на дворъ.

XXI.

Съ дрожащимъ сердцемъ въ саклю входитъ онъ,
Глядитъ: на ложѣ смятомъ и разрытомъ
Кинжалъ знакомый блещетъ безъ ножонъ.
Любимый конь не ржетъ, не бьетъ копытомъ,
Нейдетъ навстрѣчу Зара. Мертвый сонъ
Повсюду. Лишь на очагѣ забытомъ
Сверкаетъ пламень.—Онъ не взвидѣлъ дня:
Нѣтъ ни жены, ни лучшаго коня!

XXII.

Безъ силъ, безъ думъ, недвижимъ, какъ мертвецъ,
Пронзенный сзади пулею несмѣлой,
Съ открытымъ взоромъ встрѣтившій конецъ,

Присѣлъ онъ на порогъ,—и что кипѣло
Въ его груди, то знаетъ лишь Творецъ.
Часы бѣжали. Небо потемнѣло,
Съ росой на землю пала тишина,
Изъ тучъ косматыхъ прянула луна.

XXIII.

Блѣднѣй луны сидѣлъ онъ недвижимъ.
Вдругъ слышенъ топотъ; все яснѣй, яснѣе.
Вотъ мчится въ полѣ конь. Какъ легкій дымъ,
Волною грива хлещетъ вдоль по шеѣ,
И вьется что-то бѣлое надъ нимъ,
Какъ покрывало... Конь летитъ быстрѣе...
Знакомый конь!.. Вотъ близко, прискакалъ...
Но вдругъ затрясся, захрипѣлъ... и палъ.

XXIV.

Издохшій конь недвижимо лежитъ,
На немъ колеблясь блещетъ покрывало;
Черкесской пулей тонкій холстъ пробитъ,
Кровь запеклась на немъ струею алой!
Къ коню въ смущеньи Акбулатъ бѣжитъ...
Лицо надеждой снова заблистало:
— „Спасибо, другъ, не позабылъ меня!"—
И гладитъ онъ издохшаго коня.

XXV.

И покрывала бѣлаго конецъ
Нетерпѣливой поднялъ онъ рукою,
Склонился. Мѣсяцъ свѣтитъ... О, Творецъ!
Чей блѣдный трупъ онъ видитъ предъ собою?
Глубоко въ грудь, какъ скорпіонъ, свинецъ
Впился, насытясь кровью молодою;
Ремень, обвившій нѣжный станъ кругомъ,
Къ сѣдлу надежнымъ прикрѣпленъ узломъ.

XXVI.

Какъ ранній снѣгъ, бѣла и холодна,
Безчувственно рука ея лежала,
Обрызганная кровью... и луна
По гладкому челу, скользя, играла;
Съ безцвѣтныхъ устъ, какъ слабый призракъ сна,
Послѣдняя улыбка исчезала,
И опустясь рѣсницы бахромой
Бездушный взоръ таили подъ собой.

XXVII.

Узналъ ли ты, несчастный Акбулатъ,
Свою жену, подругу жизни старой?
Чей сладкій голосъ, чей веселый взглядъ
Былъ одаренъ невѣдомою чарой,
Плѣнялъ тебя лишь день тому назадъ?..
Все понялъ онъ. Стоитъ надъ мертвой Зарой,
Терзаетъ грудь и рветъ одежды онъ,
Зоветъ ее... Но крѣпокъ мертвыхъ сонъ!..

XXVIII.

Да упадетъ проклятіе людей
На жизнь Селима! Пусть въ степи палящей
Отъ глазъ его сокроется ручей!
Пускай булатъ рукѣ его дрожащей
Измѣнитъ въ битвѣ, и въ кругу друзей
Тоска туманитъ взоръ его блестящій;
Пускай, одинъ бродя во тьмѣ ночной,
Онъ чей-то шагъ все слышитъ за собой!

XXIX.

Да упадетъ проклятіе Аллы
На голову убійцы молодого;
Пускай умретъ не въ битвѣ—отъ стрѣлы
Невѣдомой разбойника ночного,
И полумертвый, на хребтѣ скалы,
Три ночи и три дня лежитъ безъ крова;
Пусть зной палитъ и бьетъ его гроза,
И хищный коршунъ выклюетъ глаза!...

XXX.

Когда придетъ, покинувъ выси горъ,
Его душа къ обѣщанному раю,
Пускай Пророкъ свой отворотитъ взоръ
И грозно молвитъ: „я тебя не знаю!..“
Тогда, понявъ язвительный укоръ,
Воскликнетъ онъ: „Прости мнѣ, умоляю!..“
И снова скажетъ грѣшнику Пророкъ;
„Ты былъ жестокъ,—и я съ тобой жестокъ!“

XXXI.

И въ ту же ночь, за часъ передъ зарей,
Съ мечети грянулъ вѣщій звукъ набата.
Народъ сбѣжался... Какъ маякъ ночной,

Пылала ярко сакля Акбулата.
Вокругъ нея огонь вился змѣей,
Кидая къ небу съ трескомъ искры злата;
И чей-то смѣхъ мучительный и злой
Сквозь дымъ и пламя вылеталъ порой.

XXXII.

И ницъ упалъ испуганный народъ...
„Молитесь, дѣти!—это смѣхъ шайтана!“
Сказалъ мулла таинственно, и вотъ,
Какой-то темный стихъ изъ Алкорана
Запѣлъ онъ громко.—Но огонь реветъ
И мечется сильнѣе урагана,
И, не внимая жалобнымъ мольбамъ,
Расходится по крышамъ и стѣнамъ.

XXXIII.

И зарево на дальнихъ высотахъ
Трепещущимъ румянцемъ отразилось;
И серна горъ, лежавшая въ кустахъ,
Послышавъ крикъ, вздрогнула, пробудилась;
Ее невольно обнялъ тайный страхъ:
Стряхнувъ съ себя росу, она пустилась...
И спавшіе подъ сѣнію скалы
Взвилися съ крикомъ дикіе орлы...

XXXIV.

Сгорѣлъ аулъ, и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь иногда въ туманный день черкесъ
О немъ, вздохнувъ, разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: „Скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?“

291.

Кто видѣлъ Кремль въ часъ утра золотой,
Когда лежитъ надъ городомъ туманъ,
Когда межъ храмовъ съ гордой простотой,
Какъ царь, бѣлѣетъ башня-великанъ?..

1832 г.

292. Морякъ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!
О дѣтствѣ говорить не стану.
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И, какъ змѣю, мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ,—
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я, какъ сѣтей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ,—
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья.
Въ немъ были ласки и укоръ,
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный;
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена.

Безумны были эти лѣта!
Но что жъ! ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны,
И всякій плакалъ, кто любилъ,—
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугàми,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ,
А волны—волны все однѣ!...
Я—обожатель ихъ свободы;
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы,
Богъ вѣсть откуда и куда;
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей—съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ.
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...

(Sic transit gloria mundi).

293. * * *.

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ!
Меня друзья бы не узнали,

И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей, явилися морщины
И ненавистныя сѣдины.
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье,
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы,
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ, перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
. . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однѣхъ лишь крайностяхъ горитъ,
И вѣчно (тщетно рокъ свирѣпой
Возсталъ) меня не охладитъ,
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Понынѣ всюду за Мазепой...

294. Баллада.

Куда такъ проворно, жидовка младая?
Часъ утра, ты знаешь, далекъ...
Потише! Распалась цѣпочка златая,
И скоро спадетъ башмачокъ.
Вотъ мостъ, вотъ чугунныя влѣво перилы
Блестятъ отъ огня фонарей;
Держись за нихъ крѣпче... устала? нѣтъ силы?...
Вотъ домъ, и звонокъ у дверей.

Безмолвно жидовка у двери стояла,
Какъ мраморный идолъ, блѣдна,
Потомъ, за шнурокъ потянувъ, постучала,
И кто-то взглянулъ изъ окна.
И страхомъ и тайной надеждой пылая,
Еврейка глаза подняла...
Конечно, ужаснѣй минута такая
Столѣтій печали была.
Она говорила: „Мой ангелъ прекрасной,
Взгляни еще разъ на меня,
Избавь свою Сарру отъ пытки напрасной,
Избавь отъ ножа и огня.
Отецъ мой сказалъ, что законъ Моисея
Любить запрещаетъ тебя.
Мой другъ! я внимала отцу, не блѣднѣя,
Затѣмъ что внимала любя.
И мнѣ обѣщалъ онъ страданья, мученья,
И ножъ наточилъ роковой,
И вышелъ... Мой другъ, берегись его мщенья!
Онъ будетъ, какъ тѣнь, за тобой!...
Отцовскаго мщенья ужасны удары!
Бѣги же отсюда скорѣй...
Тебѣ не измѣнятъ уста твоей Сарры
Подъ хладной рукой палачей.
Бѣги!..." Но на ликъ, изъ окна наклоненный,
Блеснулъ неожиданный свѣтъ,
И что-то сверкало въ рукѣ обнаженной,
И мраченъ глухой былъ отвѣтъ.
И тяжкое что-то на камни упало,
И стонъ раздался подъ стѣной,—
Въ немъ все улетающей жизнью дышало,
И больше, чѣмъ жизнью одной!...
Поутру, толпяся, народъ изумленный
Кричалъ и шепталъ объ одномъ:
Тамъ, въ домѣ, былъ русскій, кинжаломъ пронзенный,
И женщины трупъ подъ окномъ.

295. Гусаръ.

Гусаръ! ты веселъ и безпеченъ,
Надѣвъ свой красный доломанъ;
Но знай: покой души не вѣченъ,
И счастье на землѣ—обманъ.
Крутя лѣниво усъ задорной,
Ты вспоминаешь шумъ пировъ;

Но берегися думы черной,—
Она чернѣй твоихъ усовъ.
Пускай судьба тебя голубитъ,
И страсть безумная смѣшитъ,
Но и тебя никто не любитъ,
Никто тобой не дорожитъ!
Когда ты, ментикомъ блистая,
Торопишь сѣраго коня,
Не мыслитъ дѣва молодая:
„Онъ здѣсь проѣхалъ для меня“.
Когда ты вихремъ на сраженье
Летишь, безчувственный герой,—
Ничье, ничье благословенье
Не улетаетъ за тобой.
Гусаръ! ужель душа не слышитъ
Въ тебѣ желанія любви!
Скажи мнѣ, гдѣ твой ангелъ дышитъ?
Гдѣ очи милыя твои?
Молчишь,—и умъ твой безнадежнѣй,
Когда полнѣе твой бокалъ...
Увы! зачѣмъ отъ жизни прежней
Ты разомъ сердце оторвалъ!
Ты не всегда былъ тѣмъ, что нынѣ;
Ты жилъ, ты слишкомъ много жилъ,
И лишь съ послѣднею святыней
Ты пламень сердца схоронилъ.

996. Тростникъ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,
Въ другой конецъ подулъ.
И, будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ,—
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
„Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачехи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ-любимецъ
У мачехи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честны̀хъ людей.
И разъ пошли подъ-вечеръ
Мы на берегъ крутой
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ,—
Любить я не могла,
И деньги мнѣ дарилъ онъ,—
Я денегъ не брала.
Несчастную сгубилъ онъ,
Ударивъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ:
Ты мнѣ помочь не въ силахъ,
А плакать не привыкъ!“

297. Баллада.

(СЪ НѢМЕЦКАГО).

Изъ воротъ выѣзжаютъ три витязя въ рядъ,
Увы!
Изъ окна три красотки во слѣдъ имъ глядятъ:
Прости!
Напрасно въ бояхъ они льютъ свою кровь,
Увы!
Разлука пришла,—и дѣвичья любовь
Прости!

Ужъ три витязя новыхъ въ ворота спѣшатъ,
Увы!
И красотки печали своей говорятъ:
Прости!

298. Бой.

Сыны небесъ однажды надо мною
Слетѣлися, воздушныхъ два бойца:
Одинъ—серебряной обвѣшанъ бахромою,
Другой—въ одеждѣ чернеца.
И, видя злость противника второва,
Я пожалѣлъ о воинѣ младомъ.
Вдругъ поднялъ онъ концы сребристаго покрова,
И я подъ нимъ замѣтилъ громъ.
И кони ихъ ударились крылами,
И ярко брызнулъ изъ ноздрей огонь...
Но вихорь отступилъ передъ громами,
И палъ на землю черный конь.

299. * * *.

Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастію на зло:
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ:
Чт̀о безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?
Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ;
Онъ покупаетъ неба звуки,—
Онъ даромъ славы не беретъ.

300. * * *.

Non, si j'en crois mon espérance,
J'attends un meilleur avenir.
Je serai malgré la distance
Près de vous par le souvenir.
Errant sur un autre rivage,
De loin je vous suivrai,
Et sur vous si grondait l'orage,—
Rappelez moi, je reviendrai.

301. * * *.

Смѣло вѣрь тому, что вѣчно,
Безначально, безконечно,
Что прошло и что настанетъ,
Обмануло иль обманетъ.
Если сердце молодое
Встрѣтитъ пылкое другое,
При разлукѣ, при свиданьѣ
Закажи ему молчанье.
Все на свѣтѣ рѣдко стало,
Есть надежды—счастья мало.
Не забвеніе разлука:
То—блаженство, это—мука.
Если счастьемъ дорожилъ ты,
То зачѣмъ его дѣлилъ ты?
Для чего не жилъ въ пустынѣ?
Иль объ этомъ вспомнилъ нынѣ?

302. (Новгороду.)

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель! Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны
Безвредно протекли; гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ душъ увлекъ въ свое паденье!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ?
Ужели Волховъ твой—не Волховъ прежнихъ лѣтъ?
. . . .

303. Къ * * *.

Мой другъ, напрасное старанье!
Скрывалъ ли я свои мечты?
Обыкновенный звукъ, названье—
Вотъ все, чего не знаешь ты.
Пусть въ этомъ имени хранится,
Быть можетъ, цѣлый міръ любви;
Но мнѣ ль надеждами дѣлиться?
Надежды... о, онѣ—мои,

Мои!—Онѣ—святое царство
Души задумчивой моей...
Ни страхъ, ни ласки, ни коварство,
Ни горькій смѣхъ, ни плачъ людей,—
Дай мнѣ сокровища вселенной,—
Ужъ никогда не долетятъ
Въ тотъ уголъ сердца отдаленный,
Куда запряталъ я мой кладъ.
Какъ помню, счастье прежде жило,
И слезы крылись въ мѣстѣ томъ,
Но счастье скоро измѣнило,
А слезы вытекли потомъ.
Беречь сокровища святыя
Теперь я выученъ судьбой;
Не встрѣтятъ ихъ глаза чужіе:
Они умрутъ во мнѣ, со мной!...

304. Къ * * *.

Печаль въ моихъ пѣсняхъ, но что за нужда?
Тебѣ не внимать имъ, мой другъ, никогда!
Онѣ не прогонятъ улыбку святую
Съ тѣхъ устъ, для которыхъ живу и тоскую.
Къ тебѣ не домчится ни слово, ни звукъ,
Отзывъ безпокойный невѣдомыхъ мукъ.
Пѣвца твоя ласка утѣшить не можетъ...
Зачѣмъ же онъ сердце твое потревожитъ?
О, нѣтъ! одна мысль, что слеза омрачитъ
Тотъ взоръ несравненный, гдѣ счастье горитъ,
Безумные бъ звуки въ груди подавила,
Хоть прежде за нихъ лишь пѣвца ты любила.

305. Два великана.

Въ шапкѣ золота литого
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другого
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.
За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.
И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,

Поверженный Наполеонъ. Рисун. художн. Понсанъ.

И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ!
Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою, —
Ахнулъ дерзкій и упалъ...
Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

306. Желаніе.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ дощатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море,
Беззаботенъ и одинъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.
Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ;
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

Рисун. С. В. Иванова.

307. Къ * * *.

Прости! мы не встрѣтимся болѣ,
Другъ другу руки не пожмемъ.
Прости! твое сердце на волѣ,
Но счастья не сыщетъ въ другомъ.
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опять затрепещетъ оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погибъ такъ давно.
Есть звуки—значенье ничтожно
И презрѣно гордой толпой.
Но ихъ позабыть невозможно:
Какъ жизнь, они слиты съ душой;
Какъ въ гробѣ зарыто былое
На днѣ этихъ звуковъ святыхъ,
И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!
Мгновеніе вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность ничто передъ нимъ:
Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй:
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться было бъ труднѣй!

308. * * *.

Примите дивное Посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово писанье,
Но Павелъ вамъ отдастъ его.
Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь,—красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетенъ, все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,—
А нѣтъ не пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..

И, наконецъ, я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ! какъ оно, я не былъ воленъ,
Болѣзнью жизни—скукой боленъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ);
Я не завидовалъ, какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

309. Челнокъ.

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибенный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ,—
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется, что спитъ.
Никто ему не ввѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ не годится и на волѣ,
Погибъ, и данъ ему покой.

310. * * *.

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ!
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой набѣгъ бы разрушалъ,
И къ моей студеной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ;
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщенъ;
Безпокойство и прохлада

Были бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальнемъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

311. * * *.

Что толку жить!.. безъ приключеній
И съ приключеньями—тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прекрасно съ шумною толпою
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать;
Невольно указать повсюду,
Подъ гордой важностью лица,
Въ мужчинѣ—глупаго льстеца,
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть—
Все веселѣе умереть!
Конецъ! Какъ звучно это слово,
Какъ много—мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ,
Проститъ вамъ каждую обиду
По добротѣ души своей,
Для пользы вашей и церквей
Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вамъ услыхать.
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіáнинъ, то гранитъ,
На сорокъ лѣтъ, по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ.
Когда жъ стѣснится ужъ кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой,
И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
И молча ляжетъ съ вами рядомъ

Дѣвица нѣжная, одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
Не возмутится вашъ покой...
Что за блаженство, Боже мой!

Рисун. художн. Р. Морманнъ.

312. Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокой
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что̀ ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?
Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ,
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой...
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

313. * * *.

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но—безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый:
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ,—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ,—онъ чувствуетъ одинъ!

314. * * *.

Слова разлуки повторяя,
Полна надеждъ душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смѣло вѣришь ей... но я?..
Оставь страдальца, будь покойна:
Гдѣ бъ ни былъ этотъ міръ святой,
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ довольно и одной!
Тому ль пускаться въ безконечность,
Кого измучилъ краткій путь?
Меня раздавитъ эта вѣчность,
Мнѣ страшно здѣсь не отдохнуть.
Я схоронилъ навѣкъ былое,
И нѣтъ о будущемъ заботъ:
Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдаетъ!...

315. * * *.

Безумецъ я! вы правы, правы!
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣпь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять?
Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
Я обманулся, вижу самъ.
Пускай, какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ зато и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять;
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пускай возвышусь я надъ вами,—
Но удалюсь ли отъ себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно,
Чему не смѣю вѣрить вновь?..

316. * * *.

Она не гордой красотою
Прельщаетъ юношей живыхъ,
Она не водитъ за собою
Толпу вздыхателей нѣмыхъ.
И станъ ея—не станъ богини,
И грудь волною не встаетъ,
И въ ней никто своей святыни
Припавъ къ землѣ, не признаетъ.
Однако, всѣ ея движенья,
Улыбка, рѣчи и черты
Такъ полны жизни, вдохновенья,
Такъ полны чудной простоты;
Но голосъ душу проникаетъ,
Какъ вспоминанье лучшихъ дней...
И сердце любитъ и страдаетъ,
Почти стыдясь любви своей.

Рис. М. Ю. Лермонтова.

317. Измаилъ-Бей.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

So moved on earth Circassia's daughter,
The loveliest bird of Franguestan!

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ, посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ.
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ—
Она поетъ о солнцѣ юга!
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки;
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онѣ меня въ младенчествѣ носили

И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подъ вечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся, какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья, и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи окликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,
Блистаетъ, какъ цвѣты небесъ и рая...
Въ вечерній часъ дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багряными краями,
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту, но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!..

III.

И дики тѣхъ ущелій племена,
Имъ богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей

Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага—не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь—за кровь,
И ненависть безмѣрна, какъ любовь.

„Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ"...
Рисун. художн. М. А. Врубеля.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ-чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.

Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледя̀ной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней, мшистою скалою
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей престарикъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился!
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,—
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, не знаемый толпою,
Чтобы, какъ тайна, онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ,—до конца
Я доскажу! Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!..

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машу̀комъ день встаетъ,
А за крутымъ Бешту садится,
Близь рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной.
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный.
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.

Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

VII.

Не все судьба голубитъ насъ,
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды,—солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,—
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепéща, жены близъ мужей
Держали плачущихъ дѣтей;
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли.
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ,
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Магомета? порицанье?
О, нѣтъ! Примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,

И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы!
Мила черкесу тишина
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя!
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!“
Такъ думалъ каждый; и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ,
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ [1]) не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродячій отдохнулъ,
Построенъ новый былъ аулъ
(Его слѣдовъ не видно нынѣ),
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой;
Ужъ Росламбекъ съ бреговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ.
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ:
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной,

[1]) Гяуровъ, невѣрныхъ.

Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ
Цвѣтущей, узкою долиной,
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ, налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ-за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной [1]).

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью пораженъ:
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находитъ;
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ.
Все пусто! Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлой!..

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ

[1]) Бештау.

Не различить мнѣ съ козаками?
Я не ошибся,—онъ черкесъ,
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ:
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у бреговъ;
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,
Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной зараженъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое принесъ?

XIII.

Какъ наши юноши, онъ молодъ,
И хладенъ блескъ его очей.
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ:
Пусть будетъ это сердце камень,—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ!

XIV.

И все прошедшее явилось,
Какъ тѣнь умершаго, ему;
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть, и какъ, и почему!

Онъ въ поле выѣхалъ пустое.
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ,—что такое?
Какъ будто на-смѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ,
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ.
И вотъ, съ винтовкой безъ штыка,
Въ кустахъ онъ видитъ козака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ
И чистымъ русскимъ языкомъ:
„Козакъ, скажи мнѣ,—вопрошаетъ,—
Давно ли пусто здѣсь кругомъ?"
—„Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ!
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся
Тому сегодня пятый годъ".

XV.

Козакъ умолкъ. Но что съ тобою,
Черкесъ? зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку козака!
Увы! свершилось наказанье:
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый козакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный,—
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали,
Какъ лезвее кровавой стали,
Глаза его, и въ этотъ мигъ
Душа и адъ—все было въ нихъ!
Оборотясь, съ улыбкой злобной
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ:
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть,

Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ—ни слова!

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ;
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,
И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится;
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится!..

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь,
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть,—
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ,—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
„Я знаю васъ,—онъ шепчетъ,—знаю,
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю,
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня!..“
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ, какъ вѣтеръ степи,
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнитъ: „Недалеко,
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко“.

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною

Нагіе тянутся хребты:
Невѣрны, странны, какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ!
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ!
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады,
Конь непривычный устаетъ.
Ужъ солнце къ западу идетъ,
И больше въ воздухѣ прохлады,
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора;
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй.
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились;
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло.
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья;
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ!

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучомъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;
Катясь чрезъ узкія долины,

Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный
Звуча теряется вдали.
Погасъ блѣднѣя день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камнéй ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною.
Такъ сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ),
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась. Вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И всталъ... Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ. (Слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенной,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной).
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался путникъ утомленный.
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ,—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана

Свѣтилися въ ущельи томъ:
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ,
Чернѣютъ крыши земляныя,
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой,
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя.
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено,
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о̀ землю ногой,
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ.—„Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?“—„Я странникъ“—былъ отвѣтъ.
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный; вкругъ коня
Онъ самъ заботится, хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ, привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый
И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ.
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ,
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому.
Проходитъ непримѣтно часъ,—
Они сидятъ; и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ, лезгинецъ, ужъ давно
(Такъ было небомъ суждено)
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ;
При нихъ молчитъ еще кручина,
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья.
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ:
Украсть, отнять—имъ все равно,
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено;
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любого уведутъ коня,
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы!
Сегодня дома лишь одинъ
Его любимый старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ. Онъ почти не дышитъ;
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая!

XXV.

И кто бъ ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, въ движеньи черныхъ глазъ,
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ,—
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:—
Прелестный ликъ, но хладная душа!—
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою,
Освобожденной отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшей въ міръ, чтобъ утѣшать людей.
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:

Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалился образъ милой,
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь!

XXVI.

Нѣжна, какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила, какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужова
Знакомый звукъ, родныхъ два слова!
Такъ утѣшительно-мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ... Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;
Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ ко̀сы темныя небрежно
Бѣгутъ. Ужъ, вѣрно, часъ она
Ихъ расплетала, заплетала:
Она понравиться желала...
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала,
Идти ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что̀ скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры,—
Ихъ привлекаетъ лезвее
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва...
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась и опять

Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ,
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней.
Смѣется, шутитъ онъ, но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ,—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ, почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,—
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ:
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ! она уйдетъ!..

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей
И, какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей,—
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится; онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ, такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ:
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей,
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла,—

Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла:
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ!
И часто думаютъ они,
Что ихъ излѣчитъ край далекой,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни.
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ
И мыслитъ: „Нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья!
Безсильный, свѣтлый лучъ зари
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится!

XXX.

Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной.
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?“
. . . .

XXXI.

Пора! Яснѣетъ ужъ востокъ.
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ;
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога

Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ,
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

„Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала".

Рисунокъ худ. М. А. Врубеля.

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
„Твой конь готовъ! моей рукой

Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ;
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново,
Любезный странникъ. Все готово!
Твой конь прекрасенъ: не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень, сглаженный потокомъ;
Какъ уголь, взоръ его блеститъ,
Лишь наклонись,—онъ полетитъ.
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.

XXXIII.

Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой;
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать?—быть можетъ, будетъ время,
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ.
И если чаша пированья
Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь,—
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь!

XXXIV.

Прiютъ нашъ малъ, зато спокоенъ,
Его не тронетъ русскiй воинъ.
И что имъ взять?—пять-шесть коней
Да наши грубыя одежды?..
Повѣрь ты скромности моей,
Откройся мнѣ: куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?

Чего искать? останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ,
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя?—не знаю.
Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мнѣ, отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

XXXV.

Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ...
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ,
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ нà руки склони.
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ,—
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?..“
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся,—испугался,
И, состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

„Не обвиняй меня такъ строго!
Скажи, чего ты хочешь? слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много,
Ихъ міръ изъ зависти унесъ!
Но не рѣшусь судьбы мятежной

Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ!
Все, что меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ,
Щадить—мнѣ власти не дано!
И не простого человѣка
(Хотя въ одеждѣ я простой),—
Утѣшься, Зара!—предъ собой
Ты видишь брата Росламбека!
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О! не жалѣй о томъ! Прости, прости!“

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальнiй звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О, Зара, Зара! краткою мечтою
Ты дорожила; гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова;
Все, что прошло, ты оживляешь снова!..
По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ и ждетъ его она;
И постепенно вѣтромъ разносимой
Все ближе, ближе топотъ—и все мимо!
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь, и близокъ онъ,—и вдругъ погасъ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,

Она сама между снѣговъ родится.
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло,
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! волна не дремлетъ.
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,—
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь!

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно новый изгнанный народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенье,
Когда свершить придуманное мщенье.
Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ;
Союзники сбирались потаенно;
И умный князь, лукавый Росламбекъ,
Склонялся передъ русскими смиренно,
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы разорялъ во тьмѣ ночной,
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться или съ нимъ равняться.
Не должно мыслей открывать своихъ
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта,
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта!
Старайся первымъ быть вездѣ, всегда,
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,

Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много успѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою принужденья!
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ
И не проси никакъ вознагражденья!
Народъ—ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать, но украдь!

IV.

У Росламбека братъ когда-то былъ;
О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужіе.
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежной!
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза!
Въ пещерѣ темной, гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ,—
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ!

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ничью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не знавалъ:
Не у груди, подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ!
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ,
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ;

И лишь орлы да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою!..
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ...

VI.

Горой отъ солнца заслоненный
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою.
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь, въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ,
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ!
Тамъ лугъ душистый, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,
И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,

Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ,
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула. Темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ,—
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ: онъ пѣвецъ!
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины.

IX.

Черкесская пѣсня.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ,
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить завидна доля,
Но еще милѣе воля!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!
Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ:
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ...
Отчего?—жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!..
Не измѣнитъ добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
Онъ какъ вихрь въ степи широкой,—
Съ нимъ все близко, что далеко.

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня!

X.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь,
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними вслѣдъ.
„Великъ Алла и Магометъ!—
Воскликнулъ князь.—Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ святыни,
И въ наши синія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ!“

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ; поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,
Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жъ Росламбекъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло?—Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ. И властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,

Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ!
Ей все плѣнительно, что ново!
„Простынетъ!“ мыслитъ Росламбекъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ;
Ея насмѣшливый призрàкъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война! знакомый людямъ звукъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынной
Промчался кликъ: „Война! война!“
И пробудились племена,
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана—
Вотъ нынѣ пѣсня молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
„Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!...
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ велъ Ахметъ-Булатъ!“—
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ. Облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядяся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь, какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего
И бѣлыхъ путниковъ его
Межъ тѣмъ упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы, какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина

Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры.
Къ вершинамъ ихъ прицѣплена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце; такъ порой
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженной
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему!

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой;
Къ аулу нѣтъ пути инова.
И мыслятъ горцы: „Врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова!“
Но прямо врагъ идетъ на нихъ,
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
И Росламбекъ совѣтъ сзываетъ,
Онъ говоритъ: „Въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной...
Погибнутъ молча наши гости,
И ихъ разбросанныя кости,
Добыча врановъ и волковъ,
Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ
И втайнѣ местію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ“.

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратной,
Но не согласенъ Измаилъ;
Взмахнулъ онъ шашкою булатной,
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ,
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,

Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
„Я не разбойникъ потаенный,
Я видѣть, видѣть кровь люблю,
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу
И даже болѣе, чѣмъ ты,
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!..“
И поединка ожидали
Межъ братьевъ мòлча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ... всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ!
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь три столѣтья, очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй,
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней.
Она ни мохомъ, ни кустами
Не зарастаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ... Богъ вѣсть, куда!
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмелемъ и плющомъ,
Лежитъ полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышитъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ; и вотъ онъ мчится,

Терновъ колючихъ не боится
И хмель коварный грудью рветъ;
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,
Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ, но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай,
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата!
Но люди, люди... что̀ природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужъ клевета и зависть, все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь [1]) алмазъ,
Но гордый камень въ свой урочный часъ
Ему обратно отданъ былъ волнами!...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ;
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ, и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.
Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому,
Что въ морѣ бѣдъ, какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ,

---

[1]) Поликратъ.

Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

„Безсмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,—
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ.
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ. И нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой:
Ты жмешь ей руку; грудь и плечи
Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милой,
Волшебный взоръ,—все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться!
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?“—
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два и много!.. Онъ вскочилъ
И слушаетъ; но все утихло снова.
И говоритъ онъ: „Это сонъ больнова!“

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится;
Трещитъ огонь, и дымъ клубится.
И что же? Призракъ видитъ онъ!
Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу,
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу...
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— „Чего ты хочешь отъ меня?“
— „Гостепріимства и защиты!
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
Свой путь въ горахъ я потерялъ,

Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И козаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночнова—
Равно ты можешь! Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова;
Твоей я чести предаюсь!“
— „Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь,—садись и грѣйся“.

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была.
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала;
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья;
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
„Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы и волю
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной?
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно?
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ?
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?“—

XXII.

„Ты ошибаешься, черкесъ!
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ,—
Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ,

Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчая пышную зарю,
И ваше племя я люблю,
Но одного я ненавижу!
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой!
Себѣ иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ,
Но выслушай, ты все узнаешь...
И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскимъ войскѣ Измаилъ;
Но, образованный, межъ нами
Родными бредилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался,
Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ ихъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ наслажденье
Не почиталъ онъ никогда...
Не знаю—было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой,
Или испорченныя чувства!...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился, какъ игрой,
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

XXIV.

Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей,
Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любилъ!—ни словъ опасныхъ,
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ.
Кудрями дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ,
Ты клятвамъ страсти не внималъ.

И не былъ ты обманутъ ими!
Но я любилъ! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ—
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ, разсѣялись мечты!
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты!

XXV.

Въ то время Измаилъ случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запылалъ онъ тайно.
Межъ тѣмъ какъ въ дальнемъ я краю
Искалъ въ бояхъ конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой скромность побѣждать
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить, иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ,
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ...
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего.
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI.

Но скоро скуку пресыщенья
Постигъ виновный Измаилъ.

Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ.
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ Мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И казни грозной мечъ просвищетъ
Надъ непреклонной головой;
Пусть ликъ одежда измѣняетъ,
Не взоръ,—душа врага узнаетъ!

XXVII.

Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя!
Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ...
О, если бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженьи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!..
Она разсудокъ потеряла:
Рядилась, пѣла и плясала,
Иль, сидя молча у окна
По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
Ждала измѣнника она.
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Ея безумье даже было
Любовь къ нему и мысль о немъ...
Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!..“
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну.
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ да Богъ единый,
Что̀ подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ,
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады),
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой!

XXVIII.

Видали ль вы, какъ хищные и злые,
Къ оставленному трупу въ тихій долъ
Слетаются наслѣдники земные —
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь — и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ,—
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ.
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть, забвенья только нѣтъ!..

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана.
И наверху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою...
И по челу провелъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ...

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная, думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенной.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица

Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ
И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли,—
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку путника схватилъ,
И... кто бы, кто не удивился,—
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

„Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти въ шатры свои;
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись: быть можетъ,
Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней,
Нѣтъ, не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой!
Ты худо знаешь Измаила,
Смотри жъ: онъ здѣсь, передъ тобой!“
И, съ видомъ гордаго презрѣнья,
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ.
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ,
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила;
Съ нимъ вмѣстѣ слава иль могила—

Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбекъ!
(Таковъ повсюду человѣкъ).

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. „Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смиритъ враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбекъ и уздени!"
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, въ сторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ,—
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжной!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ хоть могилу!
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ козака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромной,
Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной,
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно было бъ отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей

Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! и Западъ, и Востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
„Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!“
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ!

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель.
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей,
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою.
Но жены горъ не съ женскою душою!
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ..
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ!
„Отмсти, товарищъ!“—и въ одно мгновенье
(Достойное за смерть убійцѣ мщенье!)
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ. Черкесской вольности костеръ!...

III.

Въ аулѣ дальнемъ Росламбекъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ,
Но у него коварныя есть думы,—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ?—Безвѣстными горами

Блуждаетъ онъ, дерется съ козаками,
И, заманивъ полки ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,—
То скроются, то снова нападутъ;
Они, какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ!
Недолгій жаръ погасъ. Душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить;
И не родной аулъ,—родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить!

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ! Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также, но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба!

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаилъ!
Безвѣстной думой угнетаемъ,

Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ;
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ,—
И веселъ трудъ ему и страхъ!

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой,
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жестко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса,
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугòмъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса иль конь сомнетъ!...

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ. Но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился:
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.

„Ты могъ забыть?—Любви не нужно,
Одной лишь нѣжности наружной...
Оставь же!“—сонный говорилъ.
—„Кого оставить?“—князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье.
Онъ продолжалъ: „Къ чему сомнѣнье?
На всемъ лежитъ его презрѣнье...
Увы! что значитъ передъ нимъ
Простая дѣва иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами!..
Зачѣмъ безцѣнными устами
Онъ это имя освятилъ?“
—Не я ль?—подумалъ Измаилъ.
И, погодя, онъ слышитъ снова:
„Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца роднова,
Когда на склонѣ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страшнѣй
Его слеза!..“ Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ.—Изъ состраданья
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ и улыбнулся,
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
(Примѣта явная печали),
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ,
И, наконецъ, двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали:
И, съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь,
Но не смутился онъ душою,
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,

И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои.

X.

Не знаю... Но въ другихъ онъ чувства
Судить отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ; и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный!...
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ!
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердце утѣшать добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ.

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ.
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ! вотъ и пыль
Желтѣя поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряяся въ пустынѣ!...
Селимъ все слышалъ на горѣ.
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ,
„Они, они!"—онъ восклицаетъ,—
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой...
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись
И не могли бъ впередъ идти.

XII.

Толпа джигитовъ удалая,
Передъ горой остановясь,

Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь,—
И все утихло! Уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ,
Не власть его основа,—мнѣнье!
„Какія вѣсти?“—Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ...
Ихъ много!—„Кто не любитъ волю?“
Молчатъ. „Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь!
Въ бою мы рады лечь костями:
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать...
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!..“

XIII.

Блѣднѣетъ юноша, и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
„Нѣтъ, говоритъ онъ, я повсюду—
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
Нѣтъ, клятвы я не позабуду:
Угаснуть или жить съ тобой!
Не робокъ я подъ свистомъ пули,
Ты видѣлъ это, Измаилъ;
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ!
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова! моя любовь!
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу... О! что мнѣ смерть? О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю—жизнь и свѣтъ,
Но не оставлю Измаила!“

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь
И, наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку.

И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ!
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять!..

XV.

По косогору ходятъ кони:
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на̀ ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погруженъ
Въ мечтанье горестное онъ.
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: „Навѣрно,
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна, но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелію моей.
Ты слушая забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки
Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней!“
Селимъ запѣлъ,—и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ.

Пѣсня Селима.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ Пророку,

Любви будь вѣрнѣе!
Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба,—
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ.
Пускай его смерть и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!
Любви измѣнившій
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы.
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ!“
Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ!

„Прочь эту пѣсню!“—какъ безумный
Воскликнулъ князь. „Зачѣмъ упрекъ?..
Тебя ль послушаетъ Пророкъ?
Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу!..
Вставайте!.. Какъ? вы не готовы?
Прочь пѣсни! Крови мнѣ! пора!..
Друзья! коней!.. Вы не слыхали...
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ, и трескъ разбитой стали
Я слышалъ!.. О, не пой, не пой!
Тронь сердце: какъ дрожитъ... и что же?
Ты недовольна?.. Боже!.. Боже!..
Зачѣмъ казнить ея рукой?..“
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенной,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденной.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ...

Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою?—
И понялъ, наконецъ, Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ!
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ,—и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся.

XVI.

Толпа садится на коней;
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ подымается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье...
Все дышитъ буйствомъ и войной!
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами:
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь,
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку!
Бѣжитъ—и, будто вѣтръ пустынной,
Скользящій шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку.
Онъ бѣлъ, какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной
Плыветъ отважно и спокойно,
И вдругъ по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимой,
Какъ черный лоскутъ, мчится мимо;
Но какъ ни бейся въ вышинѣ,
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,—
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушки голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою.
„Впередъ!“ воскликнулъ онъ, „за мною!“
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель:
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ съ безпечною отвагой
Отрядъ могучихъ козаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ;
Ихъ часовые увидали,—
И пушка грянула по нимъ,
И казаки спѣшатъ навстрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился;
Одинъ подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ поле унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось,—надежды нѣтъ,
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шелковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы!..
Вдругъ пыль и крикъ,—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезной!
Глядятъ, и видятъ: надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной!..

XX.

Недолго Измаилъ стоялъ;
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся, и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ!
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ;
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ!
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули.
Но что жъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той.

XXI.

Далеко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь; и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ, соратника лишенной.
Крестомъ сжавъ руки и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ;
Его печаль была печаль героя!
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ
(Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы).

XXII.

„Бѣда!—сказалъ онъ—князя не видать!
Куда онъ скрылся?“—„Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль, и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой:

Онъ тамъ!—Смотри: летитъ, какъ съ неба пламя;
Его шишакъ и конь—вотъ наше знамя!
Онъ тамъ! Какъ духъ разитъ и невредимъ,
И все бѣжитъ и падаетъ предъ нимъ!"
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,—
А лесть была чужда степей свободы!

XXIII.

Кто этотъ русскій?—съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ!
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И козаковъ примѣромъ ободряетъ,
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ. Напрасно!—обманулся
Его свинецъ! Но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ. „Ты вновь передо мной!..
Свидѣтель Богъ: не я тому виной!.."
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла...
И, отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова; и конь ретивой,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой,
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Не долго это сердце увядало;
И миръ ему!—въ единый мигъ оно
Любить и ненавидѣть перестало...
Не всѣмъ такое счастье суждено!

XXIV.

Все жарче бой. Главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки!
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ вослѣдъ,—
И никому пощады нѣтъ!
Но что жъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей.

Какъ градъ, посыпалась картеча.
Пальбу услыша издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
Навстрѣчу гибельному строю
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ и въ горы за собою,
Какъ ни противился сѣдокъ,
Коня могучаго увлекъ...
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ.
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ:
Жизнь побѣжденнымъ—не награда!
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье,
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣней прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ;
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ побѣдить!

И, зная собственную силу,
Пока не сбросить [1]) прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу!

XXVI.

Онъ раненъ, кровь его течетъ,
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ:
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ!
Одинъ Селимъ не отстаетъ.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ:
Боязни блѣдность на челѣ.
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,
Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее „прости“
Его бы съ жизнью разлучило!
Будь передъ міромъ онъ злодѣй,—
Что̀ для любви слова людей?
Что̀ ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ! охладить любовь гоненье
Еще не разу не могло:
Она сама свое добро и зло!

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони:
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони
Между проваловъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой;
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока;
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая,
И съ неприступной высоты
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво—пропасть; по краямъ

1) Сбросятъ?

Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Никѣмъ невѣдомый потокъ
Внизу, свирѣпъ и одинокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой.
Какъ двѣ семьи враждебный генiй,
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синiй небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желанiе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ;
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ!

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ.
Пылаетъ солнце высоко...
Но есть надежда! дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ покрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющiй заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ!
Достигнутъ поворотъ желанный.
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой,—
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;

Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ.
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...
Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ,
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ!
И если бъ страшное мгновенье
Всѣ мысли не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы Провидѣнье!...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ,—и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая,
Какъ смерть, темна и холодна.
Вотъ, наконецъ, сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она,
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу, съ быстротой:
„О, пощади его!... постой!—
Воскликнулъ онъ.—Я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю такъ страстно,
Кого слабѣй нельзя любить!
Ступай! ищи другихъ по свѣту...
Всѣ жертвы бога твоего!...
Ужель меня несчастнѣй нѣту
И нѣтъ виновнѣе его?“

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,

Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ,
Онъ былъ далеко! Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ;
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука,
И, каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка;
И все, что близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній? гдѣ Селимъ?
Глядитъ—и что же передъ нимъ?
Глядитъ—уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ!

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ,
Раскрылась грудь, на шелковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ,—
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ!
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить жаль?
Скажи мнѣ, есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты,—
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу какъ ума не соблазнить,
И какъ любви стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи—пламень! вѣчная пустыня

Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня,
И только для людей порокъ она!
Во всей природѣ дышитъ сладострастье,—
И только люди покупаютъ счастье!

Прошло два года. Все кипитъ война.
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь:
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ не достоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее „прости“, съ слезами муки,
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ,—
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ?
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?
Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ!
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали!
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей!
О чемъ бы онъ ни думалъ, Западъ дальной
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ (его?) душой...
Но что за выстрѣлъ? Дымъ взвился, бѣлѣя;

Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ,
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окружонъ, любимецъ брани
Лежалъ, на вѣки нѣмъ для ихъ призваній!
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ. И казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось:
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,—
Когда душа отторгнулась отъ тѣла,
Его лица оставить не успѣла!
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,

„Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ,—одинокъ!...“
Рисун. худ. М. Врубеля.

Жестокій братъ, завистникъ вѣроломной!
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой,
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной!...
Гремучій ключъ катился невдали;
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою;
И грудь обмыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ? Какой-то локонъ золотой
(Конечно, талисманъ земли чужой),
Подъ грубою одеждою измятый,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца!

„И кто бы отгадалъ?—джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца!
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный Измаилу,
Отступнику, не выроетъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно;
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ,—одинокъ!...“

Рис. М. Ю. Лермонтова.

1833—1834 гг.

318. * * *.

Когда, надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ,
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ,—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго Богу докучалъ;
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
„Чего ты просишь?—онъ вѣщалъ,—
Ты низко палъ, но я ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно...
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!
Когда тебя, во имя Бога,
Кто пригласитъ на пиръ простой,—
Страшися мирнаго порога
Коснуться грѣшною ногой.
Смотрѣть привыкни равнодушно...“

319. * * *.

Онъ былъ въ краю святомъ,
На холмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.
Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты...
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.
Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками,
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.
Встрѣчаясь съ нимъ, подчасъ
Смущалися красотки:
Онъ п.... ихъ не разъ,
Перебирая чотки.
Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ: дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.
Пришибло старика...

320. * * *.

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной;
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Точно блинъ съ сметаной.
Каждну ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной;
Видно, тамъ, на небесахъ—
Масленица вѣчно!

321. Юнкерская молитва.

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня;
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки

Меня не ставь.
Пускай въ манежѣ
Алёхинъ гласъ
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять:
Дай разрѣшенье
Въ то воскресенье
Мнѣ опоздать!
Я, Царь Всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

322. * * *.

На серебряныя шпоры
Я въ раздуміи гляжу,
За тебя, скакунъ мой скорый,
За бока твои дрожу.
    Наши предки ихъ не знали
И, гарцуя средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоѣзженныхъ коней.
    Но съ успѣхомъ просвѣщенья,
Вмѣсто грубой старины,
Введены изобрѣтенья
Чужеземной стороны.
    Въ наше время кормятъ, холятъ,
Берегутъ спинную честь...
Прежде били,—нынче колютъ...
Что же выгоднѣй,—Богъ вѣсть!...

323. * * *.

Въ рядахъ мы стояли безмолвной толпой,
    Когда хоронили мы друга;
Лишь попъ полковой бормоталъ, и порой
    Ревѣла осенняя вьюга.
Кругомъ кивера надъ могилой святой
    Недвижны въ туманѣ сверкали;
Уланская шапка да мечъ боевой
    На гробѣ дощатомъ лежали.

И билося сердце въ груди не одно,
И въ землю всѣ очи смотрѣли,—
Какъ будто бы все, что ужъ ей отдано,
Они у ней вырвать хотѣли.
Напрасныя слезы изъ глазъ не текли,
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гробъ, застучала.
Прощай, нашъ товарищъ! не долго ты жилъ,
Пѣвецъ съ голубыми очами,
Лишь крестъ деревянный себѣ заслужилъ
Да вѣчную память межъ нами.

324. А. А. Ѳ.....ву.

О, ты, котораго зовутъ
Мошенникъ, пьяница и плутъ,
Подлецъ, баранъ и мародеръ,
На сей листокъ склони свой взоръ,
И знай: его не я одинъ,
Но всѣ писали. с . . . с . . . .
Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ.
Въ жилищѣ смрада и г . . . а
Твои блистаютъ имена;
Но прилагательными ихъ
Я не хочу марать свой стихъ...

325. Хаджи-Абрекъ.

Великъ, богатъ аулъ Джематъ,
Онъ никому не платитъ дани;
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани.
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горячихъ паръ струится;
Орелъ, недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ;
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
Да крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ,—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
„Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились,
И вѣтви древа обвалились;
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы, я старъ! мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!..
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры̀ ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой
Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая

Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...
И вотъ, пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню,
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишенъ,
Къ бѣдѣ я скоро пріучился,
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!..
Однажды, ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь, слышу: шопотъ,
И слабый крикъ, и конскій топотъ!..
Бѣгу, и вижу: подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я съ нимъ послалъ свои проклятья...
О, для чего, второй гонецъ,
Настичь не могъ ихъ мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?"—
„Я!" молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій.
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.
„Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня:
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня,
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,

И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь“.
Взошла заря. Изъ-за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ,
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый, надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышитъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору, ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ,
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Рубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;
И на краю крутого ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидитъ,
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнова,
Твоя головка ужъ готова

На грудь высокую упасть;
Рука скользнула вдоль колѣна,
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви;
Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О! гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,—
И дѣва шепчетъ: „это князь!"
Легко надежда утѣшаетъ,
Легко обманываетъ глазъ:
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ
И видитъ только въ первый разъ!
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтви молодой,
Измятый лѣтнею грозой.
„Что медлишь, путникъ, у порога?
Слѣзай съ походнаго коня;
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ,—я богата;
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!"

Хаджи-Абрекъ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

Л. О. Пастернакъ: *„Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ“.*

Леила.

Какъ! мой отецъ меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

Хаджи-Абрекъ.

Гдѣ прежде жилъ:
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

Леила.

Скажи: онъ веселъ, онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

Хаджи-Абрекъ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?...

Леила.

Я счàстлива.

Хаджи-Абрекъ (тихо).

Тѣмъ хуже!

Леила.

А? что ты молвилъ?...

Хаджи-Абрекъ.

Ничего!

— Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ, не тронуты доселѣ,
Стоятъ. Онъ страненъ, въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?
Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ,
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза, какъ звѣзды, блещутъ,
И груди полныя трепещутъ;
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ
Душа невинная объята;
Она кружится передъ нимъ,

Какъ мотылекъ въ лучахъ заката,
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой
И тихо черными очами
Поводитъ. И, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
„Развеселись, мой гость унылой!
Судьба и горе—все мечта!“

Хаджи-Абрекъ.

Довольно! Перестань, Леила!
На мигъ веселость позабудь,
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

Леила.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

Хаджи-Абрекъ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

Леила.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ;
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка, вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ,—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

Хаджи-Абрекъ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови!...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,

Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я нѐ взялъ бы вселенной!

Леила.

Ты блѣденъ!

Хаджи-Абрекъ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ имѣлъ я брата;
И онъ, такъ было суждено,
Погибъ отъ пули Бей-Булата...
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной, врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ,
И занесенъ былъ мой кинжалъ...
Но я подумалъ: „Это ль мщенье?
Что смерть? Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что-нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!“
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, какъ адомъ, вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!“

— Какъ зимній снѣгъ въ горахъ блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
„Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ

Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! Ничего не значатъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!... Говори, какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ?...
Погибнуть рано, рано мнѣ!...
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я?... О, вѣрно, нѣтъ!"

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.
„Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать!...
Ахъ!... Боже!... Ай!... дай подождать!...
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!"
Блеснула шашка... Разъ и два...
И покатилась голова...
И окровàвленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее.
И острой шашки лезвее
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила;
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы, какъ стрѣла.
Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака,
Игру безсвязную заводятъ,
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится мутный, сѣрый,
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.

Л. О. Пастернакъ: *„И острой шашки лезвее*
Обтеръ волнистою косою“.

Скорѣе, путникъ одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни;
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы теперь.
„Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ!..
То змѣй блистаетъ чешуей!..
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышишь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана.
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ;
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться,
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою — дѣти рока!..“
Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ.
Одинъ, какъ памятникъ могильной,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ;
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой,
Его товарищъ долгогривой
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно
И бережетъ, какъ свѣтъ очей.
И думаетъ старикъ согбенный:
„Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!“
Ужъ всадникъ близокъ. Подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ,
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ,—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!—
Своей Леилы голову!..
И онъ, въ безумномъ восхищеньѣ,
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье;
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.
Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился,
Взглянулъ на шашку, на коня,—
И быстро въ горы удалился.
Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные въ пыли,
Блуждая, путники нашли
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ

Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду—два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта,—
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата,
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другого не узналъ.

„Какъ нить, истлѣвшая давно, Разорвалося вдругъ оно...“
Рис. худ. Л. Пастернака.

326. Гошпиталь.

(РАЗСКАЗЪ.)

I.

Друзья! Вы помните, конечно,
Нашъ Петергофскій гошпиталь;
И многимъ, знаю я, сердечно
Съ нимъ разставаться было жаль.
Тамъ, антресоли занимая,
Старушка дряхлая, слѣпая,
Жила съ усастымъ ямщикомъ [1]).
Но дѣло вовсе не о томъ!
Ея служанка молодая
Нескромной бойкостію словъ,
Огнемъ очей своихъ лазурныхъ

[1]) Усатымъ денщикомъ.

Плѣнила нашихъ грозныхъ, бурныхъ,
Неугомонныхъ юнкеровъ.
И то сказать: на эти очи,
На эту ножку, станъ и грудь
Однажды стоило взглянуть,
Чтобъ въ продолженье цѣлой ночи
Не закрывать горящихъ глазъ
. . . .

II.

Однажды послѣ долгихъ преній
И осушивъ бутылки три,
Князь Б., любитель наслажденій,
Съ Лафою сталъ держать пари.
- „Клянуся!“ молвилъ князь удалый...
. . . .
„Шесть штукъ шампанскаго?“—„Пожалуй!“
И разошлись. Проходитъ день...
Заря угасла; вечеръ ясный.
У тѣсной лѣстницы, какъ тѣнь,
Нашъ князь вертится ежечасно,
И вотъ на первую ступень
Онъ ставитъ трепетную ногу.
Доска проклятая скрипитъ,
Боится онъ поднять тревогу...
Какъ быть? Вернуться? Страхъ и стыдъ...
Онъ осушаетъ съ ромомъ фляжку...
„Courage! mon cher... allons, скорѣй!“
Кричитъ Choubin изъ-за дверей.

III.

И, ободренный виннымъ паромъ,
Наверхъ вскарабкался нашъ князь;
Прижалъ защелку, входитъ съ жаромъ...
Чердакъ . . . . закоптѣлый
Едва лампадой озаренъ,
. . . . . и пыль со всѣхъ сторонъ.
Въ широкихъ креслахъ, въ кофтѣ бѣлой,
Въ очкахъ, недвижна, какъ гранитъ,
Слѣпая барыня сидитъ.
Она чепцомъ почти закрыта...
И мыслитъ пьяный волокита:
„Она должна быть!.. подойду!“

IV.

Въ тотъ самый мигъ со свѣчкой сальной
Всходилъ по лѣстницѣ мужикъ.

Вдругъ слышитъ онъ: . . . .
Зовутъ на помощь... гамъ и крикъ!..
Онъ дверь геройски отворяетъ,
Ударивъ кулакомъ съ-плеча...
. . . .

V.

Межъ тѣмъ мужикъ схватилъ дубину
И лѣзетъ прямо; тотъ назадъ...
Увы! на княжескую спину
Удары сыплются, какъ градъ!..
— „Эй, господа... ко мнѣ... скорѣй!..“
— „Попался . . . . постой,
Въ другой разъ будешь поумнѣй!
Вотъ разъ тебѣ, а вотъ другой!“
— „Ты знаешь ли, я князь!“—„Вотъ штука!
Когда жъ князья . . . . . старухъ.“
— „Пусти же!“—„Вишь, какой пѣтухъ...
. . . . впередъ наука!“...
Трещитъ окно, трясется домъ,
Шумъ, грохотъ, стулья вверхъ ногами,
Удары . . . .
Летятъ, встрѣчаются,—Содомъ!..
И видитъ князь: въ чуланчикъ темный
Открыта дверь,—туда скорѣй...
За нимъ съ дубиною огромной
И со свѣчой спѣшитъ Андрей...
Въ окно сквозь щели вѣтеръ свищетъ,
Гнилая утварь на полу...
Мужикъ врага повсюду ищетъ
И видитъ: что-то тамъ въ углу.
Но только неучъ размахнулся,
Вдругъ точно чортъ его схватилъ...
Остановился, заикнулся,
И тихо руку опустилъ.
Въ шинели . . . .
. . . . . Марису защитивъ рукой,
Предъ нимъ, кидая взглядъ орлиный,
Стоялъ Лафа, уланъ лихой!..
Огромный, красный прыщъ звѣздою
Блисталъ среди его чела...
. . . .

VI.

Ужаснѣй молніи небесной,
Быстрѣе смертоносныхъ стрѣлъ,

Лафа оставилъ уголъ тѣсной
И на злодѣя полетѣлъ;
Далъ въ зубы, сшибъ его,—ногою
Ему на горло наступилъ...
„Гдѣ ты, Барятинскій? за мною!
Кто противъ насъ?“ онъ возопилъ.
И князь, сидѣвшій за лоханкой,
Выходитъ робкою стопой,
И съ торжествующей осанкой
Лафа ведетъ его домой.
Какъ шаръ, по лѣстницѣ скатился
Нашъ . . . . купидонъ.
Ворчалъ, ругался и бѣсился
И, морщась, спину щупалъ онъ.

VII.

Но въ ту же ночь ихъ факторъ смѣлой,
Клянясь доставить ящикъ цѣлой,
Пошелъ Кокушкинъ со двора
Съ пригòршней полной серебра.
И поутру смѣялись, пили
Внизу, какъ прежде... А потомъ?..
Потомъ?!—что спрашивать?.. забыли...
Какъ забываютъ обо всемъ...
Князь мужика простилъ давно,
И за разбитое окно
Съ беззубой барыней разсчелся
И, отъ друзей досаду скрывъ,
Остался веселъ и счастли̏въ.

Промчались дни... Мариса, гдѣ ты?
Гдѣ губишь ты младыя лѣты?
Она исчезла!.. Никогда
Мы не найдемъ ея слѣда...
Унылъ нашъ бѣдный гошпитàль,
Онъ сталъ мрачнѣй ночной пустыни...
Смѣшно вздыхать... а, право, жаль!..

327. Петергофскій праздникъ.

Кипитъ веселый Петергофъ,
Толпа по улицамъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.

Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта,
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармы, бѣлые султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчевые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, козаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей...
. . . .
Толпы прiѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ,
Французовъ тощихъ, толстыхъ нѣмцевъ
И долговязыхъ англичанъ,—
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ тѣсныхъ и густыхъ
И сверху ярко освѣщалось
Огнями склянокъ расписныхъ...
    Гурьбу товарищей покинувъ,
У мòста Бибиковъ стоялъ
И, каску на глаза надвинувъ,
Какъ юнкеръ истинный, мечталъ...
. . . .
(Не опишу его мундиръ,
Хотя для ясности вамъ въ скобкахъ
Скажу, что былъ онъ кирасиръ.)
Стоитъ онъ пасмурный и пьяный,
Уставъ одинъ бродить вездѣ;
Съ досады, глядя на фонтаны,
Ворчитъ . . . .
„ . . . . . Два года въ школѣ.
Да отъ роду, смѣшно сказать,
Лѣтъ двадцать мнѣ—и даже болѣ,
А не могу еще по волѣ

Сидѣть въ палаткѣ иль гулять.
Нѣтъ, видишь, гонятъ, какъ скотину:
Ступай-де въ садъ, да губъ не дуй...
Да осторожнѣй будь дорогой...
. . . . Вотъ тоска!"
Умолкъ, поникнувъ головою.
Народъ толпой шумитъ вокругъ.
Вотъ кто-то легкою рукою
Его плеча коснулся вдругъ,
За фалды дернулъ, тронулъ каску.
Кутила вздрогнулъ удивленъ.
Романа чуднаго развязку
Ужъ предугадываетъ онъ.
Услышавъ вновь прикосновенье,
Онъ обернулся съ быстротой...
. . . .
Въ платкѣ и шляпкѣ голубой,
Маня улыбкой сладострастной,
Предъ нимъ хорошенькая...
Вдругъ кинулась, и ну бѣжать! [1])
Онъ вслѣдъ за нею—трудъ напрасный!
То по дорожкамъ, по мостамъ,
Легка, какъ мотылекъ воздушный,
Она мелькаетъ здѣсь и тамъ;
То, удаляясь равнодушно,
Грозитъ насмѣшливо перстомъ,
То дразнитъ дерзко языкомъ,
То вдругъ опять бѣжитъ потомъ,
Вотъ углубляется въ аллею
Все дальше, глубже. Онъ за нею,
Схватясь за ножны [2]) палаша,
Кричитъ: „постой, моя душа!..
Куда?.." Красавица не слышитъ,
Свернула въ чащу, все бѣжитъ,
Высоко грудь младая дышитъ,
И шляпка на спинѣ виситъ...
Вдругъ пошатнулась, оступилась,
Въ травѣ запуталась густой...
Кругомъ все тихо...
. . . .
И ночью, въ лагерь возвратясь,
Въ палаткѣ дымной, межъ друзьями,
Онъ рекъ, съ себя счищая грязь:
„Блаженъ, кто подъ вечеръ въ саду

[1]) Кинулась бѣжать, бѣжать; вырвалась и ну бѣжать.
[2]) Кончикъ.

Красотку добрую находитъ,
Бѣжитъ за ней, интрижку сводитъ"...
. . . .

Рис. М. Ю. Лермонтова.

328. Уланша.

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою.
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день угасъ.
Повѣсы ропщутъ: „ . . . . . .
. . . . пожалуй, эдакъ насъ
Прогонятъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?.."—
„Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу!...
Да вправо!..."—Вотъ поднялъ тревогу!—
— „Дай трубку..."—Тише!...—
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ:
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хоть, признаюся, запахъ винной
Изобличалъ его порой...
Но безъ вина что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ.
Скажу вамъ имя квартирьера:
То былъ Лафа, буянъ лихой,

Съ чьей молодецкой головой
Ни доппель-кюммель, ни мадера,
Ни джае шумное *аи*
Ни разу сладить не могли.
Его коричневая кожа
Была въ сіяющихъ угряхъ,
И, словомъ, все—походка, рожа,
На сердце наводили страхъ.
Надвинувъ шапку на затылокъ,
Идетъ онъ... Все гремитъ на немъ,
Какъ дюжина пустыхъ бутылокъ,
Толкаясь въ ящикѣ большомъ.
Шумя, какъ бѣсъ, онъ въ избу входитъ,
Шинель, скользя, валится съ плечъ,
Глазами вкругъ онъ косо водитъ
И мнитъ, что видитъ сотню свѣчъ,
(Всего одна въ избѣ [1]) лучина!—
Треща, предъ нимъ горитъ она).
Но что за дивная картина
Ея лучомъ озарена!
Сквозь дымъ волшебный, дымъ табачный,
Блистаютъ лица юнкеровъ;
Ихъ рѣчи пьяны, взоры страшны,
Кто въ сбруѣ весь, кто безъ штановъ.
Пируютъ. Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ,
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ.
„Народъ!—сказалъ Лафа, икая,—
Что тутъ сидѣть! за мной ступай:
Я поведу васъ въ двери рая!“..
„Идемъ же!..“ разъярясь, какъ звѣри,
Повѣсы загремѣли вдругъ,
Вскочили, ринулись, и съ двери
Слетѣлъ какъ разъ желѣзный крюкъ...
. . . .
Они въ пылу самозабвенья
Ни слезъ, ни слабаго моленья,
Ни тяжкихъ стоновъ не поймутъ;
. . . .
Простите, счастливые дни...
. . . .
Вотъ голоса, стукъ, гамъ—они...
Земля дрожитъ... идутъ... о, Боже!...
. . . .

[1]) Въ избѣ жъ всего одна.

Закрой глаза, Творецъ небесъ!
Зажмите уши, добры люди!...
    Когда жъ межъ сѣрыхъ облаковъ
Явилось раннее свѣтило,
Струи залива озарило
И кровли бѣдныя домовъ
Живымъ лучомъ позолотило,—
Раздался крикъ: „вставай скорѣй!"
И сборъ пробили барабаны,
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней...
Мирзу не шпоритъ Разинъ смѣлый,
Князь Носъ, сопя, къ сѣдлу прилегъ,
Никто рукою онѣмѣлой
Его не ловитъ...
. . . .
Идутъ и видятъ... Изъ амбара
Выходитъ женщина: блѣдна,
Гадка, скверна, какъ Божья кара...
. . . .
Глаза померкнувшіе впали,
Въ багровыхъ пятнахъ ликъ и грудь...
. . . .
Ужель Танюша?—полно, та ли!?
Одинъ Лафа ее узналъ,
И, дерзко тишину наруша,
Съ поднятой дланью онъ сказалъ:
„Миръ праху твоему, Танюша!..."
    Съ тѣхъ поръ промчалось много дней;
Но справедливое преданье
Навѣки сохранило ей
Уланши громкое названье!

Рис. М. Ю. Лермонтова.

1835 г.

329. * * *

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы,
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.
Что это: вызовъ ли надменной,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!
Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!
Безумцы жалкіе! вы правы:
Мы чужды ложнаго стыда,
Такъ нераздѣльны въ дѣлѣ славы

Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно,
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!
. . . .
    Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

1835 1836 гг.

330.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Then burst her heart in one long shriek,
And to the earth she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.

Byron.

Во время оно жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаилъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо, наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.
Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ,
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:
„Надежа-царь! пусти меня
На родину. Я день отъ дня
Все старѣ, даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.

Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра крутомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился, тамъ умру!“
И онъ узрѣлъ свой старый домъ:
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу;
И запестрѣлись на полу
Узоры шелковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ—младая дочь!
О ней онъ думалъ день и ночь;
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела—
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былого памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ,
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...
. . . .
Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
„А завтра быть грозѣ большой!—
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.—
Смотри-ка, молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли;
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;

И воетъ вѣтеръ, будто звѣрь.
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня,—
Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для родимаго отца!“
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.
Все въ домѣ спитъ,—не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ...
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска...
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ, и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И, странно, Оршу обнялъ страхъ...
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ,—
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой.
Но тутъ... Онъ свистнулъ, и взошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.
И молвилъ Орша: „Скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,

И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну".
И на скамью присѣлъ Сокòлъ,
И рѣчь такую онъ завелъ:
„Жилъ былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времячко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ; и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.
Тотъ царь былъ слабъ, и хилъ, и старъ,
А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.
И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою.
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь;
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шелковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну-красоту...
Вошелъ. Въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна:
Припавъ на грудь ея главой,
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить..."
И быстро на устахъ раба,—
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ,—
Улыбка вспыхнула; потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. „Ступай, Сокóлъ!—
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ,—въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!"

И по морщинамъ старика,
Какъ тѣни облака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ:
Онъ жилъ, онъ зналъ людей и свѣтъ,

„Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей".

Рис. худ. С. Иванова.

Онъ зломъ не могъ быть удивленъ;
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только по тому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!
И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ, въ рукѣ свѣча,

И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ, и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.
Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой.
На ней, предчувствіемъ объятъ,
На мигъ онъ удержалъ свой взглядъ,
И мимо. Но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.
Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей,
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку, и думаетъ старикъ:
„Нѣтъ, непорочна дочь моя;
А ты, Соколъ, ты, рабъ, змѣя;
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!“
Но вдругъ... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

Первый голосъ.

О, погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня—и мигъ со мной!...

Второй голосъ.

Не плачь... утѣшься!—близокъ часъ,—
И будетъ міръ ничто для насъ:
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы однѣ;
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,—
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ,
Тоской невольности томимъ,

Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,—
Придумалъ я свой край родной
Навѣкъ оставить, но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ;
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ;
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!...“

„Упало что то“.

Рис. худ. С. Иванова.

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...
Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...
. . . .

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ.
Глаза ихъ встрѣтились... и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.

И тяжко на цвѣтной коверъ,
Какъ трупъ, бездушный съ давнихъ поръ,
Упало что то. И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда;
И безъ усилій, безъ борьбы,
Схватили юношу рабы.
Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ,
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.
Когда жъ безумца увели,
И шумъ шаговъ умолкъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,—
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ, межъ дикихъ скалъ,
Днѣпръ безпокойный бушевалъ,—
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.
Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все спало снова крѣпкимъ сномъ,—
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe.
But talk no more of penitence...
Byron.

Народъ кишитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ, сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила;
И пѣна легкая—бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ—
Съ желѣза падаетъ на прахъ.
Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;
Вотъ слышно пѣнье, изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей;
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ:
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой!
Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ—
Издѣлье иноческихъ рукъ—
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной,
Врываясь свѣтлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,

Игралъ на каменномъ полу;
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... Жалкій трудъ,

„Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба".

Рис. худ. С. Иванова.

Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ:
Искусства горестный удѣлъ!...
На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Бояринъ Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ;
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымалися слегка.

Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И въ нетерпѣніи порой
Онъ по столу стучалъ рукой.
Въ концѣ противномъ залы той,
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.
Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса.
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка; то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То, взвившись нá небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,
Скрипъ отворяемыхъ дверей...

Они... Взошли... толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ;
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ, что̀ Божій свѣтъ,
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчуго̀мъ;
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.
Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ;
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени; суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святого чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ бояринъ головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой.
И понялъ данный знакъ монахъ,—
Укоръ, готовый на устахъ,
Словами книжными убралъ,
И такъ преступнику вѣщалъ:
„Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной,
Но въ небѣ есть Судья иной:
Онъ милосердъ,—Ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!“

Арсеній.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.

Не понимаю, что была
У васъ за мысль? Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты, вѣрно, не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба,—
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты, слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ,
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить;
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!...

Орша.

Не поминай теперь о ней
Напрасно!—У груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...
Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь;
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй,—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

Арсеній.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ, и живъ ли онъ!

Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ;
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой—дитя, судьбой—монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ: „отецъ“ и „мать“.
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ...
Напрасно! звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ,—могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было бъ въ немъ,
Облить и кровью, и стыдомъ:
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
Нѣтъ, не грози, отецъ святой!
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно, что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ:
Ты—въ рай, я—въ адъ, но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я,
Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ,
Я убѣжалъ изъ стѣнъ святыхъ.
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ, и ночь,
Забылъ печали бытія,

И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшенымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ;
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О, старецъ! чтò средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

Игуменъ.

На что намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ,—
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ,
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

Арсеній.

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной!
О, нѣтъ! ихъ тайну—не мою—
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Пытай желѣзомъ и огнемъ,—
Я не признàюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!...

Монахъ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ, и рай,
И вѣчность въ томъ или другомъ!...

Арсеній.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,

Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И, пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они—мой рай, они—мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!...

Игуменъ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя—Божья казнь!
Молись Ему...

Арсеній.

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить, и въ крови,
Неправой казнью пролитòй,
Въ крови безумца молодой,
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... Зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?

Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!..“
    Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой;
И слово „пытка“ тамъ и тамъ
Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно вималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ,
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.
. . . .
. . . .
. . . .
    Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина;
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ

Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.
Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей, и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ,
Отцу-игумену шепнулъ

„Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна...“

Рис. худ. С. Иванова.

Онъ что то скоро; тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: „Гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй,
Не затерялъ ли онъ ключей?“
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что не виновенъ онъ ни въ чемъ.
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,

И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: „бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?“
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...
Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшетка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шелковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.
Пошли прилежно по слѣдамъ;
Они вели къ Днѣпру,—и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.
„Бѣжалъ!—Но кто жъ ему помогъ?
Конечно, люди, а не Богъ!..
И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!“
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

'Tis he! 'tis he! I know him now;
I know him by his pallid brow...
Byron.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ, и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ
Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая назадъ, впередъ,

Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,

„Средь вопля женщинъ и дѣтей
Всѣ повскакали на коней“.

Рис. худ. С. Иванова.

Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна.
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали

Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ;
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ прыгаютъ, блестятъ...
    Но вьюги зимней не страшась,
Однажды, въ ранній утра часъ,
Бояринъ Орша далъ приказъ—
Собраться челяди своей,
Точить ножи, сѣдлать коней.
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ—на пиръ мечей.
    Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей
Всѣ повскакали на коней;
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота.
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза—не къ небесамъ:
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гулливая метель.
. . . .
. . . .
. . . .
Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,

С. В. Ивановъ: *„И всадникъ взъѣхалъ на курганъ“.*

То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ?—не русскій и не ляхъ,
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня;
Чела крутого смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ;
Но, разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ, прикованной къ землѣ,
Отражено, какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.
Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,
Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ,
Обезображенныхъ мечомъ,
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ.
И всадникъ взъѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
„Вотъ мѣсто,—мертвый иль живой,
Онъ здѣсь... Вотъ дубъ... Къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился... Видѣлъ я, хоть мигъ,

Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!..
Здѣсь, сквозь толпу, издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась. Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ.
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...“
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: „это онъ!“
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
„И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ
И это блѣдное чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній!—Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю, для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ,
И сожалѣнье, и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то; что часъ мой билъ,
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,

Ни капли крови нѣтъ твоей!..“
— „Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь:
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя!
Ты отомщенъ вполнѣ, давно,
А кѣмъ и какъ,—не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!“—
— „Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ!
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ, какъ мертвецъ!..“
Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой.
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И духъ отъ тѣла отлетѣлъ.
    Къ нему Арсеній подошелъ
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
    И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая, не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды

Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...
    Ужъ время шло къ закату дня.
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Ему вонзилъ, и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко. Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись; яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней;
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ.
Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ;
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдого пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клевъ
О сучья жесткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгущихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Висѣлъ косматой бахромой;
И часто, шапкой, иль рукой
Когда за нихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ, въ раздумье погруженъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня,—въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.

Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой;
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:
Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ: въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни, полъ скрипитъ,
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой,
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.
И лѣстницу Арсеній зритъ
Сквозь сумракъ. Онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ по шаткимъ ступенямъ;
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ;
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено,
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ не растаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь — но заперта;
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ.
И, вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И, затрещавъ, распался тотъ...
И, тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.
Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ...

На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако, смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.
Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ—
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй, чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ.
Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой—
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая, длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь—жилецъ могилъ...
. . . .
„Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли.
Душа прекрасная ея,
Принявъ другое бытіе,
Теперь паритъ въ странѣ святой.
И, какъ укоръ передо мной,
Ея минутной жизни слѣдъ!
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ иль безъ тревогъ,
Когда и какъ?—то знаетъ Богъ!

Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ,—
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!
„Да! я преступникъ, я злодѣй...
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первой грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, еслибъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной,—
Клянусь, я прежде, чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай Ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій, какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай?—
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ безъ божества!...
„Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! Куда?—Не все ль равно,
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда,
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ съ тоской во тьмѣ ночной,—
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...“

Рис. худ. С. Иванова.

Умирающій гладіаторъ.

Рис. худ. Л. Пастернака.

1836 г.

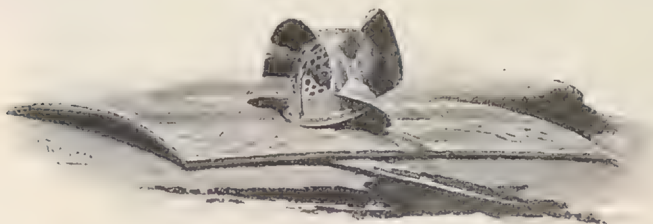
331. Умирающій гладіаторъ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ;

Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна,
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ...
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Чтò знатнымъ и толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ, освистанный актеръ!
И кровь его течетъ; послѣднія мгновенья
Мелькаютъ; близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
„Прости, развратный Римъ! Прости, о край родной!“

2 февраля 1836 г.

332. Русалка.

1.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

2.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка, и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

3.

И пѣла русалка: „На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;

Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города;

4.

И тамъ, на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

Русалка. Рис. худ. М. Врубеля.

5.

Расчесывать кольца шелкòвыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
Въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.

6.

Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышитъ, не шепчетъ во снѣ!...“

7.

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

333. Еврейская мелодія.

(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
    Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
    Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.

„Душа моя мрачна".

Рис. М. А. Врубеля.

И если не навѣкъ надежды рокъ унесъ,
    Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ,
    Онѣ растаютъ и прольются.
Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
    Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
    Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ,—теперь она полна,
    Какъ кубокъ смерти, яда полный.

334. Въ альбомъ.

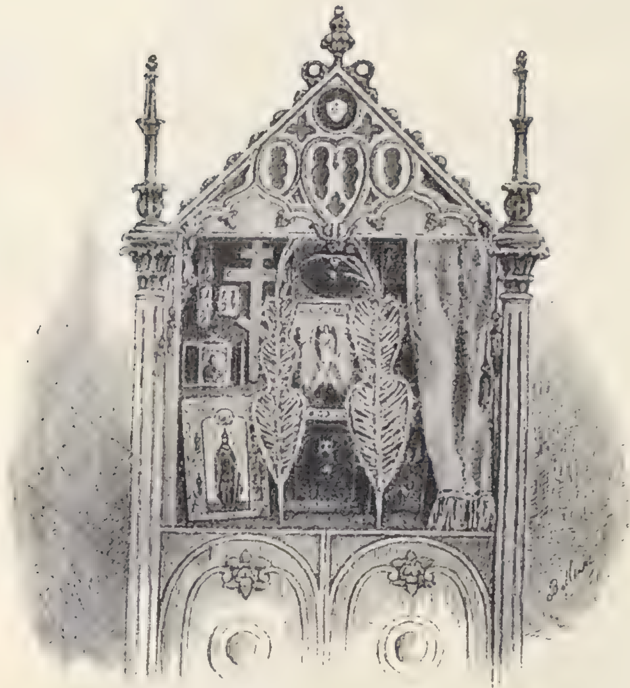
(ИЗЪ БАЙРОНА.)

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.
И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

335. Вѣтка Палестины.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...
Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Снимокъ съ кіота, передъ которымъ Лермонтовъ писалъ это стихотвореніе.

Рис. В. Менка.

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

336. Къ портрету стараго гусара.

[Н. И. БУХАРОВУ.]

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

337. Къ Бухарову.

Мы ждемъ тебя; спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

Н. И. Бухаровъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья;
Намъ милъ и усъ твой серебристой
И трубка плоская твоя;
Намъ дорога твоя отвага.
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.
Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ—
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

САШКА

338.

(НРАВСТВЕННАЯ ПОЭМА.)

I.

Нашъ вѣкъ смѣшонъ и жалокъ: все пиши
Ему про казни, цѣпи да изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышишь муки да страданья.
Такія вещи очень хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто дни свои въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ
И видѣлъ отъ нея лишь вредъ глазамъ;
Но нынче я не тотъ ужъ, какъ бывало:
Пою, смѣюсь.—Герой мой—добрый малый.

II.

Онъ былъ мой другъ. Съ нимъ я не зналъ хлопотъ,
Съ нимъ чувствами и деньгами дѣлился.
Онъ бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ;
Но я за то ни мало не сердился
И поступалъ не лучше въ свой чередъ.
Печаленъ ли, бывало, тотчасъ скажетъ,
Когда же веселъ, счастливъ—глазъ не кажетъ.
Не разъ отъ скуки онъ свои мечты

Мнѣ повѣрялъ и говорилъ мнѣ ты;
Хвалилъ во мнѣ, что прочіе хвалили,
И былъ мой вѣчный визави въ кадрили.

III.

Онъ былъ мой другъ. Ужъ нѣтъ такихъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Не тронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза сомкнулись вѣчнымъ сномъ;
И то, что ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ не понялъ ни единый.

IV.

И было ль то привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,—
Какъ разгадать? Что можетъ въ часъ такой
Наполнить сердце, жившее такъ много
И такъ недолго съ смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья—
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

V.

Будь терпѣливъ, читатель милый мой!
Кто бъ ни былъ ты: внукъ Евы иль Адама,
Разумникъ ли, шалунъ ли молодой,—
Картина будетъ, это только рама!
Отъ правилъ, утвержденныхъ стариной,
Не отступлю,—я уважаю строго
Всѣхъ стариковъ, а ихъ теперь такъ много...
Не правда ль, кто не старъ въ восьмнадцать лѣтъ,
Тотъ, вѣрно, не видалъ людей и свѣтъ,
О наслажденьяхъ знаетъ лишь по слухамъ
И преданъ былъ учителямъ да мукамъ.

VI.

Герой нашъ былъ москвичъ, и потому
Я врагъ Невѣ и невскому туману.

Тамъ (я весь міръ въ свидѣтели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Тамъ жизнь грозна, пуста и молчалива,
Какъ плоскій берегъ Финскаго залива.
Москва—не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Тамъ я впервые, въ дни надеждъ и счастья,
Былъ боленъ отъ любви и любострастья.

VII.

Москва, Москва!.. люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій,— сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежной.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ [1])
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ,—онъ упалъ.
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы!

VIII.

Ты живъ!.. Ты живъ, и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ, верхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной.

IX.

Я не философъ—Боже сохрани!—
И не мечтатель. За полетомъ пташки
Я не гонюсь, хотя въ былые дни
Не вовсе чуждъ былъ глупой сей замашки.
Ну, муза! ну, скорѣе разверни
Запачканный листокъ свой подорожный!
Не завирайся,—тутъ зоилъ безбожный...
Куда теперь намъ ѣхать изъ Кремля?

[1]) Наполеонъ. Срв. „Два великана“.

Воротъ вѣдь много, велика земля!
Кудa?—„На Прѣсню погоняй, извощикъ!“
„Старуха, прочь!.. Сворачивай, разнощикъ!“

X.

Луна катится въ зимнихъ облакахъ,
Какъ щитъ варяжскій или сыръ голландской.
Сравненье дерзко, но люблю я, страхъ,
Всѣ дерзости по вольности дворянской.
Спокойствія рачитель на часахъ
У будки пробудился, восклицая:
„Кто ѣдетъ?“—„Муза!“—„Что за чортъ! Какая?“
Отвѣта нѣтъ. Но вотъ уже пруды...
Бѣлѣетъ мостъ, по сторонамъ сады
Подъ инеемъ пушистымъ спятъ унылы;
Луна сребритъ желѣзныя перилы.

XI.

Гуляка праздный, пьяный молодецъ,
Съ осанкой важной, въ фризовой шинели,
Держась за нихъ, бредетъ. И вотъ конецъ
Периламъ.—„Все направо!“—Заскрипѣли
Полозья по сугробамъ, какъ рѣзецъ
По мрамору... Лачуги, цѣпью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнулъ знакомый огонекъ...
„Держи къ воротамъ... Стой,—сугробъ глубокъ!..
Пойдемъ по снѣгу, муза, только тише,
И платье подними какъ можно выше“.

XII.

Калитка скрыпъ... Дворъ теменъ. По доскамъ
Идти неловко... Вотъ, насилу, сѣни
И лѣстница, но снѣгомъ по мѣстамъ
Занесена. Дрожащія ступени
Грозятъ мгновенно измѣнить ногамъ.
Взошли. Толкнули дверь,—и свѣтъ огарка
Ударилъ въ очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждаетъ путь гостямъ
И вопрошаетъ: „что угодно вамъ?“
И, услыхавъ отвѣтъ краснорѣчивый,
Захлопнувъ дверь, бранится неучтиво...

XIII.

Но, несмотря на это, мы взойдемъ.
Вы знаете, для музы и поэта,

Какъ для хромого бѣса, каждый домъ
Имѣетъ входъ особый; ни секрета,
Ни запрещенья нѣтъ для насъ ни въ чемъ...
У столика въ одномъ углу свѣтлицы
Сидѣли двѣ... дѣвицы—не дѣвицы...
Красавицы... названье тутъ какъ разъ!..
Чѣмъ выгоднѣй,—узнать прошу я васъ
Отъ нашихъ дамъ, въ деревнѣ и столицѣ,—
Красавицею быть или дѣвицей?

XIV.

Красавицы сидѣли за столомъ,
Раскладывая карты, и гадали
О будущемъ. И умъ ихъ видѣлъ въ немъ
Надежды (то, что мы и всѣ видали)..
Свѣча горѣла трепетнымъ огнемъ,
И часто, вспыхнувъ, лучъ ея мгновенный
Вдругъ обливалъ и потолокъ и стѣны.
Въ углу переднемъ фольга образовъ
Тогда мѣняла тысячу цвѣтовъ,
И вѐрба, наклоненная надъ ними,
Блистала вдругъ листами золотыми.

XV.

Одна изъ нихъ (красавицъ) не вполнѣ
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы такихъ видали лишь во снѣ,
И то заснувъ, о небесахъ мечтая!
Слегка головку приклонивъ къ стѣнѣ
И устремивъ на столикъ взоръ прилежной,
Она сидѣла нѣсколько небрежно.
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое „нѣтъ“ иль „да“
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

XVI.

Она была затѣйливо-мила,
Какъ польская затѣйливая панна;
Но вмѣстѣ съ этимъ гордый видъ чела
Казался ей приличенъ. Какъ Сусанна,
Она бъ на судъ неправедный пошла
Съ лицомъ холоднымъ и спокойнымъ взоромъ;
Такая смѣсь не можетъ быть укоромъ:
Въ томъ вы должны повѣрить мнѣ въ кредитъ,
Тѣмъ болѣ, что отецъ ея былъ жидъ,

А мать, какъ помню, полька изъ-подъ Праги...
И лжи тутъ нѣтъ, какъ въ томъ, что мы—варяги.

XVII.

Когда Суворовъ Прагу осаждалъ,
Ея отецъ служилъ у насъ шпіономъ,
И разъ, какъ онъ украдкою гулялъ
Въ мундирѣ польскомъ вдоль по бастіонамъ,
Неловкій выстрѣлъ въ лобъ ему попалъ.
И многіе, вздохнувъ, сказали: „Жалкой,
Несчастный жидъ—онъ умеръ не подъ палкой!“
Его жена, пять мѣсяцевъ спустя,
Произвела на Божій свѣтъ дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по волѣ одного корнета.

XVIII.

Подъ рубищемъ простымъ она росла,
Въ невѣжествѣ, какъ травка полевая,
Прохожимъ не замѣчена, ни зла,
Ни гордой добродѣтели не зная.
Но часъ насталъ,—пора любви пришла.
Какой то смертный ей сказалъ два слова,—
Она въ объятья божества земного
Упала, но, увы, прошло дней шесть,
Ужъ полубогъ успѣлъ ей надоѣсть.
И съ этихъ поръ, чтобъ избѣжать ошибки,
Она дарила всѣмъ свои улыбки...

XIX.

Мечты любви умчались, какъ туманъ;
Свобода стала ей всего дороже.
Обманомъ сердце платитъ за обманъ
(Я такъ слыхалъ, и вы слыхали тоже).
Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ
Изображался рѣзко. Не наемной
Огонь горѣлъ въ очахъ; безъ цѣли, томно,
Покрыты свѣтлой влагой, иногда
Они блуждали, какъ порой звѣзда
По небесамъ блуждаетъ, и конечно,
Былъ это знакъ тоски нѣмой, сердечной.

XX.

Безвѣстная печаль смѣнялась вдругъ
Какою то веселостью недужной...
(Дай Богъ, чтобъ всѣхъ томилъ такой недугъ!)

Волной вставала грудь, и пламень южной
Въ ланитахъ рдѣлся, бѣлый полукругъ
Зубовъ жемчужныхъ быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локонъ, и на ликъ младой
Лоснясь катился черною струей;
И ножка разрѣзвясь, не зная плѣна,
Безстыдно обнажалась до колѣна,—

XXI.

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шумя, смѣясь, роскошно упадала.
Не спорю, мудрено ее понять,
Она сама себя не понимала,—
Ей было трудно сердцу приказать,
Какъ баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь съ невѣдомою силой
Явиться, и привѣтливой душой
Его согрѣть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаемъ,
Все это мы со временемъ узнаемъ.

XXII.

Теперь къ ея подругѣ перейдемъ,
Чтобъ выполнить начатую картину.
Онѣ недавно жили тутъ вдвоемъ,
Но души ихъ сливались во едину,
И мысли ихъ встрѣчалися во всемъ.
О, если бъ знали, сколько въ этомъ званьѣ
Сердецъ отличныхъ, добрыхъ! Но вниманье
Увлечено блистаньемъ модныхъ дамъ;
Вздыхая, мы бѣжимъ по ихъ слѣдамъ...
Увы, друзья, а наведите справки,—
Вся прелесть ихъ... въ кредитъ изъ модной лавки!

XXIII.

Она была свѣжа, бѣла, кругла,
Какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея,
Когда она смѣялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснѣя,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидѣла юбка; но плутовка
Поднять умѣла грудь, открыть плечо,
Ласкать умѣла буйно, горячо

И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

XXIV.

Она звалась Варюшею. Но я
Желалъ бы ей другое дать названье:
Скажу ль, при этомъ имени, друзья,
Въ груди моей шипитъ воспоминанье,
Какъ подъ ногой прижатая змѣя;
И ползаетъ, какъ та среди развалинъ,
По жиламъ сердца. Я тогда печаленъ,
Сердитъ, молчу или браню весь домъ,
И радъ прибить за слово чубукомъ.
Итакъ, для избѣжанья зла, мы нашу
Варюшу здѣсь перекрестимъ въ Парашу.

XXV.

Увы, минувшихъ лѣтъ безумный сонъ
Со смѣхомъ повторить не смѣетъ лира!
Живой водой печали окропленъ,
Какъ трупъ давно застывшаго вампира,
Грозя перстомъ поднялся молча онъ,
И мысль къ нему прикована... Ужели
Въ моей груди изгладить не успѣли
Столь много лѣтъ и столько мукъ иныхъ
Волшебный станъ и пару глазъ большихъ?
(Хоть, признаюсь вамъ, разбирая строго,
Получше ихъ видалъ я послѣ много).

XXVI.

Да, много лѣтъ и много горькихъ мукъ
Съ тѣхъ поръ отяготѣло надо мною;
Но перваго восторга чудный звукъ
Въ груди не умираетъ,—и порою,
Сквозь облако заботъ, когда недугъ
Мой слабый умъ томитъ неугомонно,
Ея глаза мнѣ свѣтятъ благосклонно.
Такъ въ часъ ночной, когда гроза шумитъ,
И бродятъ облака,—звѣзда горитъ
Въ дали эфирной, не боясь ихъ злости,
И шлетъ свои лучи на землю въ гости.

XXVII.

Предъ нагорѣвшей сальною свѣчой
Красавицы раздумавшись сидѣли,
И заставлялъ ихъ вздрагивать порой
Унылый свистъ играющей метели.

И какъ и вамъ, читатель милый мой,
Имъ стало скучно... Вотъ, на мѣсто знака
Условнаго, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо...
Вотъ чей то голосъ... Идутъ на крыльцо..
Параша потянулась и зѣвнула
Такъ, что едва не бухнулась со стула,

XXVIII.

А Тирза быстро выбѣжала вонъ.
Открылась дверь. Въ плащѣ, закиданъ снѣгомъ,
Явился гость... Насмѣшливый поклонъ
Отвѣсилъ и, какъ будто долгимъ бѣгомъ
Или волненьемъ былъ онъ утомленъ,
Упалъ на стулъ... Заботливой рукою
Сняла Параша плащъ, потомъ другою
Стряхнула иней съ шелковыхъ кудрей
Пришельца. Видно, нравился онъ ей...
Все нравится, что молодо, красиво,
И въ чемъ мы видимъ прибыль особливо.

XXIX.

Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ,
Изящно былъ причесанъ... и такъ далѣ.
На пальцахъ перстни изливали свѣтъ,
И галстухъ надушонъ былъ, какъ на балѣ.
Ему едва ли было двадцать лѣтъ,
Но блѣдностью казалися покрыты
Его чело и нѣжныя ланиты,—
Не знаю, мукъ ли то послѣднихъ слѣдъ,
Но имъ давно знакомъ былъ этотъ цвѣтъ.—
И на устахъ его, опаснѣй жала
Змѣи, насмѣшка вѣчная блуждала.

XXX.

Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней
Въ кругу хорошемъ, то есть въ модномъ свѣтѣ,
Онъ обжился; что часть своихъ ночей
Онъ убивалъ безплодно на паркетѣ
И что другую тратилъ не умнѣй...
Въ глазахъ его, открытыхъ, но печальныхъ,
Нашли бы вы безъ наблюденій дальныхъ
Презрѣнье, гордость; хоть онъ не былъ гордъ,
Какъ глупый турокъ иль богатый лордъ,
Но все-таки себя въ числѣ двуногихъ
Онъ почиталъ умнѣе очень многихъ.

XXXI.

Борьба раждаетъ гордость. Воевать
Съ людскими предразсудками труднѣе,
Чѣмъ тигровъ и медвѣдей поражать,
Иль со штыкомъ на вражьей батареѣ
За бѣлый крестикъ жизнью рисковать...
Клянусь, имѣть великій надо геній,
Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, если бъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ.
Но нынѣ насъ противное пугаетъ:
Неаполь мерзнетъ, а Нева не таетъ.

XXXII.

Да кто же этотъ гость? Pardon, сейчасъ!..
Разсѣянность... Monsieur, рекомендую:
Герой мой, другъ мой—Сашка! Жаль для васъ,
Что случай свелъ въ минуту васъ такую
И въ этомъ мѣстѣ... Вѣрьте, я не разъ
Ему твердилъ, что эти посѣщенья
О немъ дадутъ весьма дурное мнѣнье;
Я говорилъ,—онъ слушалъ, онъ былъ весь
Вниманье... Глядь, а вечеромъ ужъ здѣсь!..
И я нашелъ, что мнѣ его исправить
Труднѣе въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ прославить.

XXXIII.

Герой мой Сашка тихо развязалъ
Свой галстукъ... „Сашка“—старое названье!
Но „Сашка“ тотъ печати не видалъ,
И недозрѣвшій онъ угасъ въ изгнаньѣ [1]).
Мой Сашка межъ друзей своихъ не зналъ
Другого имя; дурно ль, хорошо ли,—о томъ
Разувѣрять друзей не въ нашей волѣ.
Онъ галстукъ снялъ, разсѣянно перстомъ
Провелъ по лбу, поморщился, потомъ
Спросилъ: „Гдѣ Тирза?“—„Дома“.—„Что жъ не видно
Ея?“—„Уснула“.—„Какъ ей спать не стыдно!“

XXXIV.

И онъ поспѣшно входитъ въ тотъ покой,
Гдѣ часто съ Тирзой пламенныя ночи

[1]) „Сашка“ Полежаева.

Онъ проводилъ... Все полно тишиной
И сумракомъ волшебнымъ; прямо въ очи
Недвижно смотритъ мѣсяцъ золотой,
И на стеклѣ въ узоры ледяные
Кидаетъ искры, блестки огневыя,
И голубымъ сіяніемъ стѣна
Игриво и свѣтлò озарена.
И онъ (не мѣсяцъ, но мой Сашка) слышитъ,
Въ углу на ложѣ кто то слабо дышитъ.

XXXV.

Онъ руку протянулъ,— его рука
Попала въ стѣну; протянулъ другую,—
Ощупалъ тихо кончикъ башмачка,
Схватилъ потомъ и ножку, но какую!..
Такъ миньятюрна, такъ нѣжна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумалъ онъ, не сдѣлалъ ли ей больно.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXVI.

Блаженная минута!.. Закипѣлъ
Мой Александръ, склонившись къ дѣвѣ спящей,
Онъ поцѣлуй на грудь напечатлѣлъ
И станъ ея обвилъ рукой дрожащей.
Въ самозабвеньи пылкомъ онъ не смѣлъ
Дохнуть... Онъ думалъ: „Тирза дорогая!
И жизнію и чувствами играя,
Какъ ты, я чуждъ общественныхъ связей,
Какъ ты, одинъ съ свободою моей,
Не знаю въ людяхъ ни врага, ни друга,
Живу, чтобъ жить, какъ ты, моя подруга!

XXXVII.

„Судьба вчера свела случайно насъ,
Случайно завтра разведетъ навѣчно,—
Не все ль равно, что годъ, что день, что часъ,
Лишь только бъ я провелъ его безпечно?...“
И не сводилъ онъ яркихъ, черныхъ глазъ
Съ своей жидовки и не зналъ, казалось,
Что рѣзвое созданье притворялось.
Межъ тѣмъ почла за нужное она

Проснуться и была удивлена,
Какъ надлежало... (Страхъ и удивленье
Для женщинъ въ важныхъ случаяхъ спасенье).

XXXVIII.

И, прежде потеревъ глаза рукой,
Она спросила: „Кто вы?“—„Я, твой Саша!“—
„Неужто?... Видишь, баловникъ какой!
Ступай, давно тамъ ждетъ тебя Параша!..
Нѣтъ, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу“. И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это былъ скорѣе поцѣлуй.
Да, мерзкій критикъ, что ты ни толкуй,
А есть уста, которыя украдкой
Кусать умѣютъ сладко, очень сладко!..

XXXIX.

Когда бы Тирзу видѣлъ Соломонъ,
То вѣрно бъ свой престолъ украсилъ ею,
У ногъ ея и царство, и законъ,
И славу позабылъ бы... Но не смѣю
Васъ увѣрять, затѣмъ, что не рожденъ
Владыкой, и не знаю, въ низкой долѣ,
Какъ люди цѣнятъ вещи на престолѣ;
А знаю только то, что Сашка мой
За цѣлый міръ не отдалъ бы порой
Ея улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любви восточной сказки.

XL.

„Откуда ты?“—„Не спрашивай, мой другъ!
Я былъ на балѣ!“—„Балъ! а что такое?“—
„Невѣжда! это—говоръ, шумъ и стукъ,
Толпа глупцовъ, веселье городское,
Наружный блескъ, обманчивый недугъ;
Кружатся дѣвы, чванятся нарядомъ,
Притворствуютъ и голосомъ, и взглядомъ.
Кто ловитъ душу, кто пять тысячъ душъ...
Всѣ такъ невинны, но я имъ не мужъ.
И какъ ни уважаю добродѣтель,
А здѣсь мнѣ лучше, въ томъ луна свидѣтель“.

XLI.

Какимъ то новымъ чувствомъ смущена,
Его слова еврейка поглощала.

Сначала показалась ей смѣшна
Жизнь городскихъ красавицъ, но—сначала...
Потомъ пришло ей въ мысль, что и она
Могла бъ кружиться ловко предъ толпою,
Терзать мужчинъ надменной красотою,
Въ высокія смотрѣться зеркала,
И уязвлять, но не желая зла,
Соперницъ гордой жалостью, и въ свѣтѣ
Блистать и ѣздить четверней въ каретѣ.

XLII.

Она прижалась къ юношѣ. Листокъ
Такъ жмется къ вѣткѣ, бурю ожидая.
Стучало сердце въ ней, какъ молотокъ,
Уста полураскрытыя, пылая,
Шептали что-то. Съ головы до ногъ
Она горѣла . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Но... есть во мнѣ къ стыдливости вниманье,
И цѣлый часъ я пропущу въ молчаньѣ.

XLIII.

Все было тихо въ домѣ. Облака
Нескромный мѣсяцъ дымкою одѣли,
И только раздавались изрѣдка́
Сверчка ночного жалобныя трели;
И мышь въ тѣни родного уголка
Скреблась въ обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно,
Покоилась, не думая о томъ,
Что небеса грозили близкимъ днемъ,
Что ночь... Вы на вѣку своемъ едва ли
Такихъ ночей десятокъ насчитали...

XLIV.

Но Тирза вдругъ молчанье прервала
И молвила: „Послушай, прочь всѣ шутки!
Какая мысль мнѣ странная пришла:
Что если бъ ты, откинувъ предразсудки
(Она его тутъ крѣпко обняла),
Что если бъ ты, мой милый, мой безцѣнной,
Хотѣлъ меня утѣшить совершенно,—
То завтра, или даже въ день иной,
Меня въ театръ повезъ бы ты съ собой.

Извѣстно мнѣ, все для тебѣ возможно,
А отказать въ бездѣлицѣ—безбожно".

XLV.

„Пожалуй!" отвѣчалъ ей Саша. Онъ
Изъ словъ ея разслушалъ половину:
Его клонилъ къ подушкѣ сладкій сонъ,
Какъ птица клонитъ слабую тростину.
Блаженъ, кто можетъ спать! Я былъ рожденъ
Съ безсонницей. Въ теченье долгой ночи,
Бывало, безпокойно бродятъ очи,
И жжетъ подушка влажное чело.
Душа груститъ о томъ, что ужъ прошло,
Блуждая въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лаццарони или русскій нищій...

XLVI.

И жадный червь грызетъ, грызетъ,—
Я думаю, тотъ самый, что когда то
Терзалъ Саула; но порой и тотъ
Имѣлъ отраду: арфы звукъ крылатой,
Какъ ангела таинственный полетъ,
Въ немъ воскрешалъ и слезы и надежды;
И опускались пламенныя вѣжды;
Съ гармоніей сливалася мечта,
И злобный духъ бѣжалъ, какъ отъ креста.
Но этихъ звуковъ нѣтъ ужъ въ поднебесной,—
Они исчезли съ арфою чудесной...

XLVII.

И все исчезнетъ. Вѣрить я готовъ,
Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильной
Другого, горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
Случайно уцѣлѣвшая, рукою сильной
Заброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
Свѣтила—ей двоюродные братья,
Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья
И по сродству имѣютъ въ добрый часъ
Вліянье благотворное на насъ...
А дай сойтись, такъ заварится каша—
Въ кулачки, и... прощай планета наша!

XLVIII.

И пусть они блестятъ до той поры,
Какъ ангеловъ вечернія лампады.
Придетъ конецъ воздушной ихъ игры,

Печальная разгадка сей шарады...
Любилъ я съ колокольни иль съ горы,
Когда земля молчитъ, и небо чисто,
Теряться взоромъ въ ихъ цѣпи огнистой;
И мнится, что межъ ними и землей
Есть путь, давно измѣренный душой,
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вмѣстѣ всѣ лучи ихъ свѣта.

XLIX.

Итакъ, герой нашъ спитъ. Пріятный сонъ.
Покойна ночь. А вы, читатель милой,
Пожалуйте,—иначе принужденъ
Я буду васъ удерживать силой...
Романъ, впередъ!... Не йдетъ?—Ну, такъ онъ
Пойдетъ назадъ. Герой нашъ спитъ покуда.
Хочу я разсказать, кто онъ, откуда,
Кто мать его была, и кто отецъ,
Какъ онъ на свѣтъ родился; наконецъ,
Какъ онъ попалъ въ позорную обитель,
Кто былъ его лакей и кто учитель.

L.

Его отецъ—симбирскій дворянинъ,
Иванъ Ильичъ N. N....[1]), мужъ дородный,
Богатаго отца любимый сынъ,
Былъ самъ богатъ; имѣлъ онъ умъ природный
И, что ума полезнѣй, важный чинъ;
Съ четырнадцати лѣтъ служилъ, и съ миромъ
Уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ;
А бригадиръ блаженныхъ тѣхъ временъ
Былъ человѣкъ и, слѣдственно, уменъ.
Иванъ Ильичъ нашъ слылъ, по крайней мѣрѣ,
Любезникомъ въ своей симбирской сферѣ.

LI.

Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ,
Въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья;
Спалъ очень долго, ѣлъ за четверыхъ,
Ни на кого не обращалъ вниманья
И не носилъ приличія веригъ.
Однако же, предъ знатью горделивой
Умѣлъ онъ гнуться скромно и учтиво;
Но въ этотъ вѣкъ учтивости законъ
Для исполненья требовалъ поклонъ,

[1]) Энъ Эновъ.

А кланяться закону иль вельможѣ
Считалося тогда одно и то же.

LII.

Онъ старшихъ уважалъ, зато и самъ
Почтительность вознаграждалъ улыбкой,
И ревностный хотя угодникъ дамъ,
Женился, по словамъ его, ошибкой.
Въ чемъ онъ ошибся, не могу я вамъ
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что былъ онъ грустенъ на другой день свадьбы,
И что печаль его была одна
Изъ тѣхъ, какими жизнь мужей полна.
По мнѣ, они большіе эгоисты:
Все женъ винятъ, какъ будто сами чисты.

LIII.

Благодари меня, о женскій полъ!
Я—Демосѳенъ твой: за твою свободу
Я радъ шумѣть; я непомѣрно золъ
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть имъ далъ?... Возстаньте,—часъ пришелъ!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда всѣ дѣвы! Прочь терпѣнье!
Конецъ всему есть! Беззаботно, явно
Идите всѣ за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вамъ легко,
Вѣдь въ вашихъ жилахъ—кровь, не молоко,
И... и краснѣть умѣете ужъ кстати
Отъ взоровъ и намековъ нашей братьи.

LIV.

Иванъ Ильичъ стерегъ жену свою
По старому обычаю. Безъ лести
Сказать, онъ велъ себя, какъ я люблю,
По правиламъ тогдашней старой чести.
Проказница жъ жена (не утаю)
Читать любила жалкіе романы
Или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны,
Въ бесѣдкѣ темной сидя до утра,
А мѣсяцъ и романы до добра
Не доведутъ,—отъ нихъ мечты родятся...
А искушенью только бы добраться!

LV.

Она была прелакомый кусокъ
И многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью.

Какъ быть: пчела садится на цвѣтокъ,
А не на камень; чувствамъ и веселью
Казенныхъ не назначено дорогъ.
Но въ брачной жизни Марья Николавна
Была, какъ надо, ласкова, исправна;
Но, говорятъ хоть (можетъ быть, и лгутъ),
Что долгъ супруги—только лишній трудъ,
Мужья у женъ подобныхъ (не въ обиду
Будь сказано), какъ вывѣска, для виду.

LVI.

Иванъ Ильичъ имѣлъ въ Симбирскѣ домъ
На самой на горѣ, противъ собора.
При мнѣ давно никто ужъ не жилъ въ немъ,
И онъ дряхлѣлъ, заброшенъ безъ надзора,
Какъ инвалидъ съ георгьевскимъ крестомъ.
Но нѣкогда, съ кудрявыми главами,
Вдоль стѣнъ колонны высились рядами;
Прозрачною рѣшоткой окружонъ,
Какъ клѣтка, между нихъ висѣлъ балконъ,
И надъ дверьми стеклянными въ порядкѣ
Виднѣлися гардинъ прозрачныхъ складки.

LVII.

Внутри все было пышно: на столахъ
Пестрѣли разноцвѣтныя клеенки,
И люстры отражались въ зеркалахъ,
Какъ звѣзды въ лужѣ; моськи и болонки
Встрѣчали шумно каждаго въ дверяхъ,
Одна другой несноснѣе, и далѣ
Зеленый попугай, порхая въ залѣ,
Кричалъ безстыдно: „Кто пришелъ?.. Дуракъ!"
А гость съ улыбкой думалъ: „Какъ не такъ!"
И ласково хозяйкой принимаемъ,
Чрезъ пять минутъ мирился съ попугаемъ.

LVIII.

Изъ оконъ былъ прекрасный видъ кругомъ:
Налѣво, то есть къ западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потомъ
Межъ ними церковь съ круглыми главами;
И кое-гдѣ въ тѣни—отрада днемъ—
Уютный садъ, обсаженный рябиной,
Съ бесѣдкою, цвѣтами и малиной,—
Какъ дѣтская игрушка, если вамъ
Угодно, или какъ межъ знатныхъ дамъ

Румяная крестьянка—дочь природы,
Испуганная блескомъ гордой моды.

LIX.

Подъ глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани, двойною чередой,
Плоты и барки, какъ табунъ, тѣснились,
И флюгера на длинныхъ мачтахъ бились,
Жужжа на вѣтрѣ, и скрипѣлъ канатъ
Натянутый; и сѣрой мглой объятъ,
Виднѣлся дальній берегъ, и бѣлѣли
Вкругъ острова края песчаной мели.

LX.

Нестройный говоръ грубыхъ голосовъ
Между судовъ перебѣгалъ порою;
Смѣхъ, пѣсни, брань, протяжный крикъ пловцовъ—
Все въ гулъ одинъ сливалось надъ водою.
И Марья Николавна, хоть суровъ
Казался вѣтръ, и день былъ на закатѣ,
Накинувъ шаль или капотъ на ватѣ,
Съ французской книжкой, часто сѣвъ къ окну,
Слѣдила взоромъ сизую волну,
Прибрежныхъ струй приливы и отливы,
Ихъ мѣрный бѣгъ, ихъ золотыя гривы.

LXI.

Два года жилъ Иванъ Ильичъ съ женой,
И все не тѣсны были ей корсеты.
Ея ль сложенье было въ томъ виной,
Или его немолодыя лѣты?
Не мнѣ въ дѣлахъ семейныхъ быть судьей!
Иванъ Ильичъ имѣть желалъ бы сына
Законнаго: хоть правомъ дворянина
Онъ пользовался часто, но дѣтей,
Внѣ брака прижитыхъ, злодѣй,
Раскидывалъ по свѣту, гдѣ случится,
Страшась съ своей деревней породниться.

LXII.

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
И въ той же мысли сколько муки тайной!
Оставить въ мірѣ слѣдъ и наконецъ

Исчезнуть! Быть злодѣемъ, и случайно,—
Злодѣемъ потому, что жизнь—вѣнецъ
Терновый, тяжкій,—такъ, по крайней мѣрѣ,
Должны мы разсуждать по нашей вѣрѣ...
Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но исключая два-три дня да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.

LXIII.

Бывало, этой думой удручонъ,
Я прежде много плакалъ, и слезами
Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
Но пылкій духъ мой не былъ освѣженъ,
Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
Осталось сердцу, вмѣсто слезъ и бурь тѣхъ,
Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ...
Тамъ, гдѣ весной бѣлѣлъ потокъ игривый,
Лежатъ кремни и блещутъ, но не живы!

LXIV.

Прилично бъ было мнѣ молчать о томъ,
Но я привыкъ идти противъ приличій
И, говоря всеобщимъ языкомъ,
Не жду похвалъ.—Поэтъ породы птичьей,
Любовникъ розъ, надъ розовымъ кустомъ
Урчитъ и свищетъ межъ листовъ душистыхъ...
О чемъ? Какая цѣль тѣхъ звуковъ чистыхъ?
Прошу хоть разъ спросить у соловья,—
Онъ вамъ отвѣтитъ пѣснью... Такъ и я
Пишу, что мыслю, или что придется,
И потому мой стихъ такъ плавно льется.

LXV.

Прошло два года. Третій годъ
Обрадовалъ супруговъ безнадежныхъ:
Желанный сынъ, любви взаимной плодъ,
Предметъ заботъ мучительныхъ и нѣжныхъ,
У нихъ родился. Въ домѣ весь народъ
Былъ восхищенъ, и три дня были пьяны
Всѣ на подборъ, отъ кучера до няни.
А между тѣмъ печально у воротъ
Всю ночь собаки выли напролетъ,

И, что страшнѣе этого, ребенокъ
Весь въ волосахъ былъ, точно медвѣженокъ.

LXVI.

Старухи говорили: это знакъ,
Который много счастья обѣщаетъ;
И про меня сказали точно такъ,
А правда ль это вышло?—небо знаетъ!
Къ тому жъ, полночный вой собакъ
И страшный шумъ на чердакѣ высокомъ—
Примѣты злыя; но не бывъ пророкомъ,
Я только покачаю головой.
Гамлетъ сказалъ: „Есть тайны подъ луной
И для премудрыхъ“,—какъ же мнѣ, поэту,
Не вѣрить можно тайнамъ и Гамлету?..

LXVII.

Младенецъ росъ милѣе съ каждымъ днемъ:
Живые глазки, бѣлыя ручонки
И русый волосъ, вьющійся кольцомъ,—
Плѣняли всѣхъ знакомыхъ; ужъ пеленки
Рубашечкой смѣнилися на немъ;
И первыя проказы начиная,
Ужъ онъ дразнилъ собакъ и попугая...
Года неслись, а Саша росъ, и въ пять
Добро и зло онъ началъ понимать;
Но, вѣрно, по врожденному влеченью,
Имѣлъ большую склонность къ разрушенью.

LXVIII.

Онъ росъ... Отецъ его бранилъ и сѣкъ,—
Затѣмъ, что самъ былъ съ дѣтства часто сѣченъ,
А, слава Богу, вышелъ человѣкъ:
Не стыдъ семьи, не тупъ, не изувѣченъ.
Понятья были низки въ старый вѣкъ...
Но Саша съ гордой былъ рожденъ душою
И желчнаго сложенья,—предъ судьбою,
Передъ бичомъ язвительной молвы
Онъ не склонялъ и послѣ головы.
Умѣлъ онъ помнить, кто его обидѣлъ,
И потому отца возненавидѣлъ.

LXIX.

Великій грѣхъ!.. Но чѣмъ теплѣе кровь,
Тѣмъ раньше зрѣютъ въ сердцѣ безпокойномъ

Всѣ чувства: злоба, гордость и любовь,
Какъ дерево подъ небомъ юга знойнымъ.
Шалунъ мой хмурилъ маленькую бровь,
Встрѣчаясь съ нѣжнымъ папенькой; отъ взгляда
Онъ вздрагивалъ, какъ будто бъ капля яда
Лилась по жиламъ. Это, можетъ быть,
Смѣшно—что жъ дѣлать!—онъ не могъ любить,
Какъ любятъ всѣ гостиныя собачки,—
За лакомства, побои и подачки.

LXX.

Онъ былъ дитя, когда въ тесовый гробъ
Его родную съ пѣньемъ уложили.
Онъ помнилъ, что надъ нею черный попъ
Читалъ большую книгу, что кадили,
И прочее... и что, закрывъ весь лобъ
Большимъ платкомъ, отецъ стоялъ въ молчаньѣ;
И что когда послѣднее лобзанье
Ему велѣли матери отдать,
То сталъ онъ громко плакать и кричать,
И что отецъ, немного съ нимъ поспоря,
Велѣлъ его посѣчь (конечно, съ горя)...

LXXI.

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.
До времени отвыкнувъ отъ игры,
Онъ жадному сомнѣнью сердце предалъ,
И, презрѣвъ дѣтства милые дары,
Онъ началъ думать, строить міръ воздушной,
И въ немъ терялся мыслію послушной.
Таковъ средь океана островокъ:
Пусть хоть прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ;
Ладьи къ нему съ гостями не пристанутъ,
Цвѣты жъ на немъ незнаемы увянутъ...

LXXII.

Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой,
Съ желаньями безбрежными, какъ вѣчность.
Они такъ часто спорили съ душой
И отравили лучшихъ дней безпечность.
Они летали надъ его главой,
Какъ царская корона; но безъ власти
Вѣнецъ казался бременемъ, и страсти,
Впервые пробудясь, живымъ огнемъ
Прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ

Достойной жертвы, и въ пустынѣ свѣта
На дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта.

LXXIII.

О, если бъ могъ онъ, какъ безплотный духъ,
Въ вечерній часъ сливаться съ облаками,
Склонять къ волнамъ кипучимъ жадный слухъ
И долго упиваться ихъ рѣчами,
И обнимать ихъ перси, какъ супругъ!
Въ глуши степей дышать со всей природой
Однимъ дыханьемъ, жить ея свободой!
О, если бъ могъ онъ, въ молнію одѣтъ,
Однимъ ударомъ весь разрушить свѣтъ!..
(Но къ счастію для васъ, читатель милой,
Онъ не былъ одаренъ подобной силой).

LXXIV.

Я не берусь вполнѣ, какъ психологъ,
Характеръ Саши выставить наружу
И вскрыть его, какъ съ трюфлями пирогъ.
Скорѣй судей молчаньемъ я принужу
Къ заключенью... Пусть судъ ихъ будетъ строгъ!
Пусть журналистъ всевѣдущій хлопочетъ,
Зачѣмъ тотъ плачетъ, а другой хохочетъ!...
Пусть скажетъ онъ, что бѣсомъ одержимъ
Былъ Саша,—я и тутъ согласенъ съ нимъ,
Хотя, божусь, пріятель мой, повѣса,
Взбѣсилъ бы иногда любого бѣса.

LXXV.

Его учитель чистый былъ французъ,
Marquis de Tess. Педантъ полузабавной,
Имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ
И потому бралъ деньги преисправно.
Покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ,
Онъ сочинялъ сонеты, хоть порою
По часу бился съ риѳмою одною!
Но каламбуровъ полный лексиконъ,
Какъ талисманъ, носилъ въ карманахъ онъ,
И, бывъ увѣренъ въ дамской благодати,
Не размышлялъ, что̀ кстати, что̀ не кстати.

LXXVI.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,

Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья;
Пріятель нашъ, парижскій Адонисъ,
Оставилъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И натощакъ отправился въ походъ;
И наконецъ, едва живой отъ муки,
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

LXXVII.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища народныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: „Да здравствуетъ законъ!"
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

LXXVIII.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ:
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя;
Вотъ голова, носившая вѣнецъ..
Одумайтесь! Еще моментъ, злодѣи!..
И голова оторвана отъ шеи...

LXXIX.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира...
И ты, поэтъ, [1]) высокаго чела
Не уберегъ! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно!... Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь

1) Шенье.

Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодной
Не посѣтилъ,—и ты погибъ безплодно...

LXXX.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ бездушныхъ и ничтожныхъ.
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой;
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Но истина не въ модѣ, а писать
О томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно, тѣмъ больше о такихъ предметахъ.

LXXXI.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ:
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальный листъ
И клеветой героя не унижу.
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ,
Хоть онъ отличья иногда достоинъ,
Но вѣрно намъ за тяжкій мавзолей
Не благодаренъ въ комнаткѣ своей,
И, длиннымъ одамъ внемля поневолѣ,
Зѣвая, вспоминаетъ о престолѣ.

LXXXII.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть свой трупъ въ пустыню, и высокій
Курганъ надъ нимъ насыпать, и любви—
Символъ ненарушимый—одинокій
Поставить крестъ: быть можетъ, изъ дали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
И сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ,
Его замѣтивъ, медленно придетъ,
И, отряхнувши посохъ, безнадежнѣй
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней.

LXXXIII.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,
И проклянетъ грозы безсильной вой

И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ, къ чему мнѣ слушать плачъ людской?
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница?
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
И звѣрь, огонь и вѣтеръ, и земля
Раздѣлятъ прахъ мой, и душа моя
Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!..

LXXXIV.

Пускай отъ сердца, полнаго тоской
И желчью тайныхъ тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается... Безъ волненій
Я выпилъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ лицѣ моемъ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ, и по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести...

LXXXV.

Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ
И обратимся къ нашему герою.
До этихъ поръ онъ не имѣлъ заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ средь тетрадей, книгъ, исторій,
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ философій міра... Пять системъ
Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
„Monsieur, c'est mon affaire"—(такъ мнѣ угодно!)

LXXXVI.

Но Саша не внималъ его словамъ:
Разсѣянно въ тетрадяхъ надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ, и нѣжно
Вздыхалъ онъ, и хранилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ,

Какъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

LXXXVII.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный міръ дыханьемъ возмутить
И взволновать надежды огневыя?
Къ чему?... Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить
Со всѣмъ искусствомъ древняго Фоблаза.
Его любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста, тепла, какъ небо южныхъ странъ...
Ему ль платить обманомъ за обманъ?...
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

LXXXVIII.

И Саша былъ четырнадцати лѣтъ.
Онъ привыкалъ (скажу вамъ подъ секретомъ,
Хоть важности большой во всемъ томъ нѣтъ)
Толкаться межъ служанокъ. Часто лѣтомъ,
Когда луна бросала томный свѣтъ
На тихій садъ, на сводъ густыхъ акацій,
И съ шопотомъ толпа домашнихъ грацій
Въ аллеѣ кралась,—легкою стопой
Онъ догонялъ ихъ: и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете сами)
Онѣ дразнили дерзкими перстами.

LXXXIX.

Но между нихъ онъ отличалъ одну,
Въ ней было все, что грѣетъ душу,
Волнуетъ мысли и мѣшаетъ сну.
Но я, друзья, покой вашъ не нарушу
И на портретъ накину пелену.
Ее любилъ мой Саша той любовью,
Которая по жиламъ съ юной кровью
Течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ.
Боролись въ немъ желаніе и стыдъ;
Онъ долго думалъ, какъ въ любви открыться...
Но надобно жъ на что-нибудь рѣшиться.

XC.

И мудрено ль? Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожи
И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,

Что другъ на дружку всѣ онѣ похожи.
Волнующихся персей нѣжный цвѣтъ
И алыхъ устъ горячее дыханье
Во мнѣ раждали чудныя желанья:
Я трепеталъ, когда моя рука
Атласныхъ плечъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ видалъ я безъ покрова
Все, что для васъ, конечно, ужъ не ново...

XCI.

Онъ потерялъ и сонъ и аппетитъ;
Молчитъ весь день и часто бредитъ ночь;
По коридору бродитъ и груститъ,
И ждетъ, чтобъ показалась Евы дочь,
Чтобъ ясный взоръ мелькнулъ... Суровый видъ
Принявъ, онъ иногда улыбкой хладной
Отвѣтствовалъ на взоръ ея отрадной...
Любовь вѣдь неизбѣжна, какъ судьба,
А съ сердцемъ, страхъ, невыгодна борьба!...
Итакъ, мой Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

XCII.

Случилось это лѣтомъ, въ знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. Отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли. Даже
Катилась Волга медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой,
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ съединенья
Двухъ душъ—предметъ, достойный размышленья!

XCIII.

Вдругъ слышитъ онъ: направо, за кустомъ
Сирени, шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди, и потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье.
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
Запрыгало... Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни;
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой.
И вдругъ предъ нимъ, съ Маврушей молодой

Обнявшися въ тѣни цвѣтущей вишни,
Иванъ Ильичъ... (Прости ему, Всевышній!)

XCIV.

Увы, покоясь на травѣ густой,
. . . .
Онъ всталъ, вздохнулъ (нельзя же не вздохнуть)
. . . . пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Аріадну, преданную гнѣву.

XCV.

И есть за что, не спорю... Между тѣмъ
Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлый мраморъ холоденъ и нѣмъ,
Какъ Аббадона грозный, новымъ адомъ
Испуганный, но помнящій эдемъ,
Съ поникшею стоялъ онъ головою;
И на челѣ, наморщенномъ тоскою,
Качались тѣни трепетныхъ вѣтвей...
Но вдругъ ударъ проснувшихся страстей
Перевернулъ неопытную душу,
И онъ упалъ, какъ съ неба, на Маврушу.

XCVI.

Упалъ (прости, невинность!). Какъ змѣя,
Маврушу крѣпко обнялъ онъ руками,
То холодѣя, то какъ жаръ горя,
Неистово впился въ нее устами
И—обезумѣлъ... Небо и земля
Слились въ туманъ... Мавруша простонала
И улыбнулась; какъ волна, вставала
И упадала грудь, и томный взоръ,
Какъ надъ рѣкой безлучный метеоръ,
Блуждалъ вокругъ безъ цѣли, безъ предмета,
Боясь всего: людей, а больше свѣта...

XCVII.

Теперь, друзья, скажите напрямикъ,
Кого винить?... По мнѣ, всего прекраснѣй
Сложить весь грѣхъ на чорта,—онъ привыкъ
Къ напраслинѣ; къ тому же безопаснѣй
Рога и когти, чѣмъ иной языкъ...
Итакъ замѣтимъ мы, что духъ незримый,
Но, гордый, мрачный, злой, не отразимый
Ни ладаномъ, ни бранью, ни крестомъ,

Игралъ судьбою Саши, какъ мячомъ,
И, слѣдуя пустѣйшему капризу,
Кидалъ его то вкось, то вверхъ, то книзу.

XCVIII.

Два мѣсяца прошло. Во тьмѣ ночной,
На цыпочкахъ по лѣстницѣ ступая,
Въ чепцѣ, платокъ накинувъ шерстяной,
Являлась къ Сашѣ дѣва молодая.
Задувъ лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жаркихъ тамъ объятій.
Потомъ, на мягкій пухъ привлечена,
Подъ одѣяло пряталась она;
Тяжелый вздохъ изъ груди вырывался,
И въ жаркихъ поцѣлуяхъ онъ сливался.

XCIX.

Казалось, рокъ забылъ о нихъ. Но разъ
(Не помню я, въ который день недѣли),—
Ужъ пролетѣлъ давно свиданья часъ,
А Саша все одинъ былъ на постели.
Онъ сѣлъ къ окну въ раздумьи. Тихо гасъ
На блѣдномъ сводѣ мѣсяцъ серебристой,
И неподвижно бахромой волнистой
Вокругъ его висѣли облака.
Дремало все, лишь въ окнахъ изрѣдка
Являлась свѣчка, силуэтъ рубчатый
Старухи, изъ картинъ Рембрандта взятой,

C.

Мелькая, рисовался на стеклѣ
И исчезалъ. На площади пустынной,
Какъ чудный путь къ невѣдомой землѣ,
Лежала тѣнь отъ колокольни длинной,
И даль сливалась въ синеватой мглѣ.
Задумчивъ Саша... Вдругъ скрипнули двери,
И вы бъ сказали—поступь райской пери
Послышалась. Невольно нашъ герой
Вздрогнулъ. Предъ нимъ, озарена луной,
Стояла дѣва, опустивши очи,
Блѣднѣе той луны—царицы ночи...

CI.

И онъ узналъ Маврушу. Но—Творецъ!—
Какъ измѣнилось нѣжное созданье!

Казалось, тѣло изваялъ рѣзецъ,
А Богъ вдохнулъ не душу, а страданье.
Она стоитъ, вздыхаетъ, наконецъ
Подходитъ, и холодными руками
Хватаетъ руку Саши, и устами
Прижалась къ ней, и слезы потекли
Все больше, больше, и, казалось, жгли
Ея лицо... Но кто не зрѣлъ картины
Раскаянья преступной Магдалины?

CII.

И кто бы смѣлъ изобразить въ словахъ,
Что̀ дышитъ жизнью въ краскахъ Гвидо-Рени?
Гляжу на дивный холстъ; душа въ очахъ,
И мысль одна въ душѣ,—и на колѣни
Готовъ упасть, и непонятный страхъ,
Какъ струны лютни, потрясаетъ жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой въ мірѣ вѣруетъ лишь тотъ,
Кто, какъ въ гробу, въ душѣ своей живетъ,
Кто терпитъ всѣ упреки, всѣ печали,
Чтобъ геніемъ глупцы его назвали.

CIII.

И долго молча плакала она.
Разсыпавшись на кругленькія плечи,
Ея власы бѣжали, какъ волна.
Лишь иногда отрывистыя рѣчи,
Отзывъ того, чѣмъ грудь была полна,
Блуждали на губахъ ея; но звуки
Яснѣе были словъ... И голосъ муки
Мой Саша понялъ, какъ языкъ родной;
Къ себѣ на грудь привлекъ ее рукой
И не щадилъ ни нѣжностей, ни ласки,
Чтобъ поскорѣй добраться до развязки.

CIV.

Онъ говорилъ: „Къ чему печаль твоя?
Ты молода, любима,—гдѣ жъ страданье?
Въ твоихъ глазахъ—мой міръ, вся жизнь моя,
И рай земной въ одномъ твоемъ лобзаньѣ...
Быть можетъ, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нѣтъ! И кто же смѣетъ
Тебя обидѣть? Мой отецъ дряхлѣетъ,
Французъ давно не годенъ никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и лягъ сюда!“

Мавруша, крѣпко Сашу обнимая,
Такъ отвѣчала, медленно вздыхая:

CV.

„Послушайте, я здѣсь въ послѣднiй разъ.
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыдъ, совѣсть—все, чтобъ только видѣть васъ,
Поцѣловать вамъ руки на прощанье
И выманить слезу изъ вашихъ глазъ.
Не отвергайте бѣдную—довольно
Ужъ я терплю,—но что же?.. Сердце вольно...
Иванъ Ильичъ провѣдалъ отъ людей
Завистливыхъ... Все Ванька вашъ, злодѣй,—
Черезъ него я гибну... Все готово!
Молю!.. о, киньте мнѣ хоть взглядъ, хоть слово!

CVI.

Для вашего отца впервые я
Забыла стыдъ—гдѣ у рабы защита?
Грозилъ онъ ссылкой, Богъ ему судья!
Прошла недѣля,—бѣдная забыта...
А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Онъ разбранилъ... Но что же передъ вами
Раба?—игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а тамъ?—пожалуй, хоть умри!..“
Тутъ начались слезы, восклицанья;
Но Саша ихъ оставилъ безъ вниманья.

CVII.

„Ахъ, баринъ, баринъ! вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай! тебя мнѣ больше не видать,
Зато ужъ помнить буду вѣчно, вѣчно...
Виновны оба, мнѣ жъ должно страдать.
Но такъ и быть, цѣлуй меня въ грудь, въ очи:
Цѣлуй, гдѣ хочешь, для послѣдней ночи!..
Чѣмъ свѣтъ меня въ кибиткѣ увезутъ
На дальнiй хуторъ, гдѣ Маврушу ждутъ
Страданья и мужикъ съ косматой бородой...
А ты?—вздохнешь и слюбишься съ другой!“

CVIII.

Она заплакала. Такъ точно или нѣтъ
Изгнанница младая говорила,—
Я утверждать не смѣю; двухъ, трехъ лѣтъ

Достаточна губительная сила,
Чтобы святѣйшихъ словъ загладить слѣдъ.
А тотъ, кто разсказалъ мнѣ повѣсть эту,—
Его ужъ нѣтъ... Но что за нужда свѣту?
Не вѣры я ищу,—я не пророкъ,
Хоть и стремлюсь душою на востокъ,
Гдѣ свиньи и вино такъ нынѣ рѣдки,
И гдѣ, какъ пишутъ, жили наши предки.

CIX.

Она замолкла, но не Саша; онъ
Кипѣлъ противъ отца негодованьемъ:
„Злодѣй! Тиранъ!"—и тысячу именъ,
Такихъ же милыхъ, съ истиннымъ вниманьемъ,
Онъ расточалъ ему. Но счастья сонъ,
Какъ ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готовъ былъ юноша развратный
Въ послѣдній разъ. . . . .
. . . .
. . . .
Какъ вдругъ,—о, Провидѣнье!—

CX.

Ударъ ногою съ трескомъ растворилъ
Стеклянной двери обѣ половины,
И ночника лучъ блѣдный озарилъ
Живой скелетъ вошедшаго мужчины.
Казалось, въ страхѣ съ ложа онъ вскочилъ,
Растрепанъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ,
Вошелъ и строго обратился къ Сашкѣ:
„Eh bien, monsieur, que vois-je?"—„Ah, c'est vous!"—
„Pourquoi ce bruit? Que faites vous donc?"—„....."
И молвивъ такъ (пускай проститъ мнѣ муза),
Однимъ тузомъ онъ выгналъ вонъ француза.

CXI.

И вслѣдъ за нимъ, какъ лань кавказскихъ горъ,
Изъ комнаты пустилася бѣдняжка,
Не распростясь, но кинувъ нѣжный взоръ,
Закрывъ лицо руками... Долго Сашка
Не могъ унять волненье сердца. „Вздоръ,—
Шепталъ онъ,—вздоръ: любовь не жизнь!" Но утро,
Подернувъ тучки блескомъ перламутра,
Ужъ начало заглядывать въ окно,
Какъ милый гость, ожиданный давно;

А на дворѣ, унылый и докучный,
Раздался колокольчикъ однозвучный.

CXII.

Къ окну съ волненьемъ Саша подбѣжалъ:
Разгонныхъ тройка у крыльца большого.
Вотъ сѣлъ ямщикъ и возжи подобралъ;
Вотъ чей то голосъ: „Что же, все готово?“
—„Готово“.—Вотъ садится... Онъ узналъ:
Она!.. Въ чепцѣ, платкомъ окутавъ шею,
Съ обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась въ кибитку. Бичъ лихой
Взвился. „Пошелъ!“... Колеса застучали...
И въ мигъ... Но что̀ намъ до чужой печали?

CXIII.

Давно ль?.. Но дѣтство Саши протекло.
Я разсказалъ, что знать вамъ было нужно...
Онъ сталъ съ отцомъ браниться: не могло
И быть иначе,—нѣжностью наружной
Обманывать онъ почиталъ за зло,
За низость; но правдивой мести знаки
Онъ не щадилъ (хотя бъ дошло до драки).
И потому родитель, разсчитавъ,
Что укрощать не стоитъ этотъ нравъ,
Сынка, рыдая, какъ мы всѣ умѣемъ,
Послалъ въ Москву съ французомъ и лакеемъ.

CXIV.

И тамъ проказникъ былъ препоручонъ
Старухѣ-теткѣ самыхъ строгихъ правилъ.
Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ
Ее краснѣть ни разу не заставилъ.
Она была одна изъ тѣхъ княжонъ,
Которыя, страшась святого брака,
Не смѣютъ дать рѣшительнаго знака,
И потому въ сомнѣньи ждутъ да ждутъ,
Покуда ихъ на вистъ не позовутъ;
Потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ,
За картами клевещутъ и желтѣютъ.

CXV.

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, вѣрный, осторожной,

Имѣя входъ къ владычицѣ своей
Во всякій часъ, съ покорностью возможной,
Въ уютной спальнѣ замѣняетъ ей
Служанку, то есть грѣетъ одѣяло,
Подушки, руки, ноги... Развѣ мало
Подъ мракомъ ночи дѣлается дѣлъ,
Которыхъ знать и чортъ бы не хотѣлъ.
И если бы хоть разъ онъ былъ свидѣтель,
Какъ сладко спитъ сѣдая добродѣтель!

CXVI.

Шалунъ былъ отданъ въ модный пансіонъ,
Гдѣ много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ.
Сначала пристрастился къ книгамъ онъ,
Но скоро ихъ съ презрѣніемъ оставилъ.
Онъ увидалъ, что дружба, какъ поклонъ,—
Двусмысленная вещь; что добрый малый—
Товарищъ скучный, тягостный и вялый;
Что умный—и забавнѣй и сноснѣй,
Чѣмъ тысяча услужливыхъ друзей.
И потому (считая только явныхъ)
Онъ нажилъ въ мѣсяцъ сто враговъ забавныхъ.

CXVII.

И снимокъ ихъ, какъ памятникъ святой
На двухъ листахъ, раскрашенный отлично,
Носилъ всегда онъ въ книжкѣ записной,
Обернутой атласомъ, какъ прилично,
Съ стальнымъ замкомъ и розовой каймой.
Любилъ онъ заговоры злобы тайной
Разстроить словомъ, будто бы случайно;
Любилъ враговъ внезапно удивлять,
На крикъ и брань насмѣшкой отвѣчать,
Иль, притворясь разсѣяннымъ невѣждой,
Ласкать ихъ долго тщетною надеждой.

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки;
И, наконецъ, въ студенты посвящонъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, коридоры;
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить—ромъ съ чаемъ или голый ро̀мъ;

Ихъ гордый видъ предъ гордыми властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

CXIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинной
Напрасно входитъ, кланяется чинно,—
Шумятъ... Онъ книгу взялъ, раскрылъ,—шумятъ;
Уходитъ,—втрое хуже. Сущій адъ!..
По сердцу Сашкѣ жизнь была такая,
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

CXX.

Пропустимъ года два... Я не хочу
Въ одинъ пріемъ свою закончить повѣсть.
Читатель знаетъ, что я съ нимъ шучу,
И потому моя спокойна совѣсть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событій важныхъ, новыхъ и чудесныхъ.
Но часъ придетъ, когда, въ предѣлахъ тѣсныхъ
Не заключонъ и не спѣша впередъ,
Чтобъ сократить унылый эпизодъ,
Я снова обращу вниманье ваше
На тѣ года, потраченные Сашей...

CXXI.

Теперь героевъ разбудить пора,
Пора привесть въ порядокъ ихъ одежды...
Вы вспомните, какъ сладостно вчера
Въ объятьяхъ нѣги и живой надежды
Уснула Тирза? Рѣзвый бѣгъ пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назадъ
Рукой откинувъ и на свой нарядъ
Взглянувъ съ улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позѣвала.

CXXII.

На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенныхъ лобзаній.
Она спѣшитъ лицо водой сплеснуть
И кудри безъ особенныхъ стараній

На головѣ гребенкою заткнуть;
Потомъ сорочку скинула, небрежно
Водою обмываетъ станъ свой нѣжной...
И вновь свѣжа, какъ персикъ молодой.
И на̀ плечи капотъ накинувъ свой,
Плѣнительна безстыдной наготою,
Она подходитъ къ нашему герою.

CXXIII.

Садится въ изголовьи и потомъ
На соннаго студеной влагой плещетъ.
Онъ поднялся, кидаетъ взоръ кругомъ
И видитъ, что пора: свѣтелка блещетъ,
Озарена роскошнымъ зимнимъ днемъ;
Замерзшихъ оконъ стекла серебрятся;
Въ лучахъ пылинки свѣтлыя вертятся;
Упругій снѣгъ на улицѣ хруститъ
Подъ тяжестью полозьевъ и копытъ,
И въ городѣ (что мнѣ всегда досадно),
Колокола трезвонятъ безпощадно ..

CXXIV.

Прелестный день! Какъ пышенъ Божій свѣтъ!
Какъ небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочилъ мой Саша. Вотъ ужъ онъ одѣтъ,
Атласный галстукъ повязалъ лѣниво,
Съ кудрей ночныхъ восторговъ сгладилъ слѣдъ;
Лишь синеватый вѣнчикъ подъ глазами
Изобличалъ его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порокъ.
У нашихъ дамъ найти я то же бъ могъ,
Хоть между тѣмъ ручаюсь головою,
Что ихъ невиннѣй нѣту подъ луною.

CXXV.

Изъ комнаты выходитъ нашъ герой,
И, пробираясь длиннымъ коридоромъ,
Онъ видитъ Катерину предъ собой,
Привѣтствуетъ ее холоднымъ взоромъ,
И мимо. Вотъ онъ въ комнатѣ другой:
Вотъ стулъ съ дрожащей ножкою и рядомъ
Кровать; на ней закрыта...
Храпитъ Параша, отвернувъ лицо.
Онъ плащъ надѣлъ и вышелъ на крыльцо,
И вслѣдъ за нимъ несутся восклицанья,
Чтобы не смѣлъ забыть онъ обѣщанья:

CXXVI.

Чтобъ приготовилъ модный онъ нарядъ
Для бѣдной, милой Тирзы... и такъ далѣ.
Сказать ли, этой выдумкѣ былъ радъ
Проказникъ мой: въ театрѣ, въ пестрой залѣ
Замѣтятъ ли невинный маскарадъ?
Зачѣмъ еврейку не утѣшить тайно,
Зачѣмъ толпу не наказать случайно
Презрѣньемъ гордымъ всѣхъ ея причудъ?
И что молва?—Глупцовъ крикливый судъ,
Коварный шопотъ злой старухи, или
Два-три намека въ польскомъ и въ кадрили!

CXXVII.

Ужъ Саша дома. Къ теткѣ входитъ онъ,
Небрежно у нея цѣлуетъ руку.
„Чѣмъ кончился вчерашній вашъ бостонъ?
Я бъ не рѣшился на такую скуку,
Хотя бы мнѣ давали милліонъ.
Какъ ваши зубы?.. А Фиделька гдѣ же?
Она являться стала что-то рѣже.
Ей надоѣлъ нашъ модный кругъ,— увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этихъ дняхъ мы ждемъ къ себѣ комету,
Которая несетъ погибель свѣту?..

CXXVIII.

И подѣломъ, вѣдь новый магазинъ
Открылся на Кузнецкомъ; не угодно ль
Вамъ посмотрѣть?.. Тамъ есть мамзель Aline,
Monsieur Dupré, Durand, французъ природной,
Теперь купецъ, а бывшій дворянинъ;
Тамъ есть мадамъ Armand; тамъ есть субретка
Fanchette—плутовка, смуглая кокетка,
Вся молодежь вокругъ ея вертится.
Мнѣ же, ей-Богу, все равно, что ни случится!
И по одной значительной причинѣ
Я только зритель въ этомъ магазинѣ.

CXXIX.

Причина эта вотъ—мой кошелекъ:
Онъ пустъ, какъ голова француза; малость
Истратилъ я; но это мнѣ урокъ—
Цѣнить дешевле вѣтреную шалость!“

И, притворясь печальнымъ сколько могъ,
Шалунъ склонился къ теткѣ, два-три раза
Вздохнулъ, чтобъ удалась проказа.
Тихонько ларчикъ отперевъ, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три бѣленькихъ бумажки...
И... вы легко поймете радость Сашки.

CXXX.

Когда же онъ пришелъ въ свой кабинетъ,
То у дверей съ недвижностью примѣрной,
Въ чалмѣ пунцовой, щегольски одѣтъ,
Стоялъ арапъ, его служитель вѣрной.
Покрытъ, какъ лакомъ, былъ чугунный цвѣтъ
Его лица; и рядъ зубовъ перловыхъ,
И блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ,
Когда смѣялся онъ иль говорилъ,
Невольный страхъ на душу наводилъ;
И въ голосѣ его, инымъ казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

CXXXI.

Союзъ довольно странный заключонъ
Межъ имъ и Сашей былъ давно. Ихъ разговоры
Казалися таинственны, какъ сонъ;
Вдвоемъ бывало ночью, точно воры,
Уйдутъ и пропадаютъ. Одаренъ
Соображеньемъ бойкимъ, нашъ пріятель
Восточныхъ словъ былъ страшный обожатель,
И потому „Зафиромъ" нареченъ
Его арапъ. За нимъ повсюду онъ,
Какъ мрачный призракъ, слѣдовалъ... и что же?—
Всѣ восхищались этой скверной рожей.

CXXXII.

Зафиру Сашка что-то прошепталъ;
Зафиръ кивнулъ курчавой головою,
Блеснулъ, какъ рысь, очами, денегъ взялъ
Изъ бѣлой ручки черною рукою;
Онъ долго у дверей стоялъ
И говорилъ все время, по несчастью,
На языкѣ чужомъ, и тайной страстью
Онъ одушевленъ казался. Между тѣмъ,
Облокотясь на столъ, задумчивъ, нѣмъ,
Герой печальный моего разсказа
Глядѣлъ на африканца въ оба глаза.

CXXXIII.

И, наконецъ, онъ подалъ знакъ рукой,
И тотъ исчезъ быстрѣй китайской тѣни.
Проворный, хитрый, съ смѣлою душой,
Онъ жилъ у Саши, какъ служебный геній,
Домашній духъ (по-русски домовой);
Какъ Мефистофель, быстрый и послушной,
Онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно,
Добро и зло. Ему была законъ
Лишь воля господина. Вѣдалъ онъ,
Что кромѣ Саши въ цѣломъ Божьемъ мірѣ
Никто, никто не думалъ о Зафирѣ.

CXXXIV.

Однако были дни давнымъ-давно,
Когда и онъ, на берегу Гвинеи,
Имѣлъ родной шалашъ, жену, пшено
И ожерелье красное на шеѣ,
И мало ли?.. О, тамъ онъ былъ звено
Въ цѣпи семей счастливыхъ!.. Тамъ пустыня
Осталась неприступна, какъ святыня,
И пальмы тамъ растутъ до облаковъ,
И пѣна водъ бѣлѣе жемчугòвъ;
Тамъ жгутъ лобзанья, и пронзаютъ очи,
И перси дѣвъ чернѣй роскошной ночи.

CXXXV.

Но родина и вольность, будто сонъ,
Въ туманѣ дальнемъ скрылись невозвратно...
Въ цѣпяхъ желѣзныхъ пробудился онъ.
Для дикаря все стало непонятно—
Блестящихъ городовъ и шумъ и звонъ.
Такъ облачко, оторвано грозою,
Бродя одно подъ твердью голубою,
Куда пристать, не знаетъ: для него
Все чуждо—солнце, міръ и шумъ его;
Ему обидно общее веселье;
Оно, нахмурясь, прячется въ ущельѣ.

CXXXVI.

О, я люблю густыя облака,
Когда они толпятся надъ горою,
Какъ на хребтѣ стального шишака
Колеблемыя перья! Предъ грозою,

Въ одеждахъ золотыхъ, издалека
Они текутъ безмолвнымъ караваномъ,
И, наконецъ, одѣтыя туманомъ,
Обнявшись, свившись, будто куча змѣй,
Безпечно дремлютъ на скалѣ своей.
Настанетъ день,—ихъ вѣтеръ вновь уноситъ...
Куда, зачѣмъ, откуда?—кто ихъ спроситъ?

CXXXVII.

И послѣ нихъ на свѣтѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви поэта безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не открылъ вниманью дружбы нѣжной.
И ты, чья жизнь, какъ бѣглая звѣзда,
Промчалася неслышно между нами,
Ты мукъ своихъ не выразишь словами,
Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ Сократъ;
И, не разгаданъ глупою толпою,
Ты умеръ, чуждый жизни... Миръ съ тобою!

CXXXVIII.

И миръ твоимъ костямъ! Онѣ сгніютъ,
Покрытыя одеждою военной...
И сумраченъ и тѣсенъ твой пріютъ,
И ты забытъ, какъ часовой безсмѣнной.
Но что же дѣлать?—Жди, авось, придутъ,
Быть можетъ, кто-нибудь изъ прежнихъ братій.
Какъ знать?—земля до молодыхъ объятій
Охотница... Отвѣтствуй мнѣ, пѣвецъ,
Куда умчался ты?.. Какой вѣнецъ
На головѣ твоей? И все ль, какъ прежде,
Ты любишь насъ и вѣруешь надеждѣ?

CXXXIX.

И вы, вы всѣ, которымъ столько разъ
Я подносилъ пріятельскую чашу,
Какая буря вдаль умчала васъ?
Какая цѣль убила юность вашу?
Я здѣсь одинъ. Святой огонь погасъ
На алтарѣ моемъ. Желанье славы,
Какъ призракъ, разлетѣлося. Вы правы:
Я не рожденъ для дружбы и пировъ...
Я въ мысляхъ вѣчный странникъ, сынъ дубровъ,
Ущелій и свободы; и, не зная
Гнѣзда, живу, какъ птичка кочевая.

CXL.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ,
И, грубо пробуждая ихъ безпечность,
Насмѣшливо указывалъ на вѣчность.

CXLI.

О, вѣчность, вѣчность! Что найдемъ мы тамъ,
За неземной границей міра?—Смутный,
Безбрежный океанъ, гдѣ нѣтъ вѣкамъ
Названья и числа; гдѣ безпріютны
Блуждаютъ звѣзды вслѣдъ другимъ звѣздамъ.
Заброшенъ въ ихъ нѣмые хороводы,
Что́ станетъ дѣлать гордый царь природы,
Который, вѣрно, созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну.

CXLII.

О, суета! И вотъ вашъ полубогъ—
Вашъ человѣкъ, искусствомъ завладѣвшій
Землей и моремъ, всѣмъ, чѣмъ только могъ,—
Не въ силахъ онъ прожить, три дня не ѣвши!
Но полно! злобный бѣсъ меня завелъ
Въ такіе толки. Вѣкъ нашъ—вѣкъ безбожный:
Пожалуй, кто-нибудь, шпіонъ ничтожный,
Мои слова прославитъ, и тогда
Нельзя креститься будетъ безъ стыда;
И поневолѣ станешь лицемѣрить,
Смѣясь надъ тѣмъ, чему желалъ бы вѣрить.

CXLIII.

Блаженъ, кто вѣритъ счастью и любви,
Блаженъ, кто вѣритъ небу и пророкамъ:
Онъ долголѣтенъ будетъ на земли,
И для сыновъ останется урокомъ!

Блаженъ, кто думы гордыя свои
Умѣлъ смирить предъ гордою толпою,
И кто грѣховъ тяжелою цѣною
Не покупалъ пурпурныхъ устъ и глазъ,
Живыхъ, какъ жизнь, и свѣтлыхъ, какъ алмазъ!
Блаженъ, кто не склонялъ чела младого,
Какъ бѣдный рабъ, предъ идоломъ другого!

CXLIV.

Блаженъ, кто выросъ въ сумракѣ лѣсовъ,
Какъ тополь, дикъ и свѣжъ, въ тѣни зеленой
Играющихъ и шепчущихъ листовъ,
Подъ кровомъ скалъ, откуда ключъ студеной
По дну изъ камней радужныхъ цвѣтовъ
Струей гремучей прыгаетъ сверкая,
И гдѣ надъ нимъ береза вѣковая
Стоитъ, какъ призракъ позднею порой,
Когда едва кой-гдѣ сучокъ гнилой
Трещитъ вдали, и мракъ между вѣтвями
Отвсюду смотритъ черными очами!

CXLV.

Блаженъ, кто посреди нагихъ степей
Межъ дикими воспитанъ табунами;
Кто пріучонъ былъ на хребтѣ коней,
Косматыхъ, легкихъ, вольныхъ, какъ надъ нами
Златыя облака, отъ раннихъ дней
Носиться; кто, главой припавъ на гриву,
Леталъ, подобно сумрачному Диву,
Черезъ пустыню, чувствовалъ, считалъ,
Какъ мѣрно конь о землю ударялъ
Копытомъ звучнымъ, и впередъ землею
Упругой былъ кидаемъ съ быстротою.

CXLVI.

Блаженъ!.. Его душа всегда полна
Поэзіей природы, звуковъ чистыхъ;
Онъ не успѣетъ вычерпать до дна
Сосудъ надеждъ; въ его кудряхъ волнистыхъ
Не выглянетъ до время сѣдина;
Онъ, въ двадцать лѣтъ желающій чего-то,
Не будетъ вѣчной одержимъ зѣвотой,
И въ тридцать лѣтъ не кинетъ край родной
Съ больною грудью и больной душой,
И не рѣшится отъ одной лишь скуки
Писать стихи, марать въ чернилахъ руки,—

CXLVII.

Или, трудясь, какъ глупая овца,
Въ рядахъ дворянства съ рабскимъ униженьемъ,
Прикрывъ мундиромъ сердце подлеца,
Искать чиновъ, мирясь съ людскимъ презрѣньемъ,
И поклоняться нѣмцамъ до конца...
И чѣмъ же нѣмецъ лучше славянина?
Не тѣмъ ли, что куда его судьбина
Ни кинетъ, онъ вездѣ себѣ найдетъ
Отчизну и картофель?.. Вотъ народъ!
И безъ таланта правитъ, и за деньги служитъ,
Всѣхъ давитъ самъ, а бьютъ его—не тужитъ!

CXLVIII.

Вотъ племя! всякій чортъ у нихъ баронъ!
И ужъ профессоръ—каждый ихъ сапожникъ!
И смѣло здѣсь и вслухъ глаголетъ онъ,
Какъ Пиѳія, возсѣвъ на свой треножникъ;
Кричитъ, шумитъ... Но что жъ?—Онъ не рожденъ
Подъ нашимъ небомъ; наша степь святая
Въ его глазахъ бездушныхъ—степь простая,
Безъ памятниковъ славныхъ, безъ слѣдовъ,
Гдѣ бъ могъ прочесть онъ повѣсть тѣхъ вѣковъ,
Которые, съ ихъ грозными дѣлами,
Унесены забвенія волнами...

CXLIX.

Кто недоволенъ выходкой моей,
Тотъ пусть идетъ въ журнальную контору,
Съ листомъ въ рукахъ, съ оравою друзей,
И, вѣруя ихъ опытному взору,
Печатаетъ анаѳему, злодѣй!..
Я кончилъ... Такъ! дописана страница...
Лампада гаснетъ... Есть всему граница—
Наполеонамъ, бурямъ и войнамъ,
Тѣмъ болѣе терпѣнью и... стихамъ,
Которые давно ужъ не звучали,
И вдругъ съ пера, Богъ знаетъ какъ, упали!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Я не хочу, какъ многіе изъ насъ,
Испытывать читателей терпѣнье,
И потому примусь за свой разсказъ
Безъ предисловій. Сладкое смятенье
Въ душѣ моей, какъ будто въ первый разъ
Ловлю прыгунью риѳму и, потѣя,
Въ досадѣ призываю Асмодея;
Какъ будто снова Богъ переселилъ
Меня въ тѣ дни, когда я точно жилъ,
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѳма *гадость*, кромѣ риѳмы *радость!*

II.

Давно когда то, за Москвой-рѣкой,
На Пятницкой, у самаго канала,
Заросшаго негодною травой,
Былъ домъ угольный; жизнь играла
Межъ стѣнъ высокихъ... Онъ теперь пустой.
Внизу живетъ съ беззубой половиной
Безмолвный дворникъ... Пылью, паутиной
Обвѣшены, какъ инеемъ, кругомъ
Карнизы стѣнъ, расписанныхъ огнемъ
И временемъ; и окна краской бѣлой
Замазаны повсюду кистью смѣлой.

III.

Въ гостиной есть диванъ и круглый столъ
На витыхъ ножкахъ, вражеской рукою
Исчерченный; но часъ ихъ не пришелъ,—
Они гніютъ незримо, лишь порою
Скользитъ по нимъ играющій Эолъ
Или еще крыло жильца развалинъ—
Летучей мыши. Жалокъ и печаленъ
Исчезнувшихъ пришельцевъ гордый слѣдъ.
Вотъ сабель ихъ рубцы, а ихъ ужъ нѣтъ:
Одинъ въ бою упалъ на штыкъ кровавый,
Другой въ слезахъ, безъ гроба и безъ славы.

IV.

Ужель никто изъ нихъ не добѣжалъ
До рубежа отчизны драгоцѣнной?
Нѣтъ, прахъ Кремля къ подошвамъ ихъ присталъ,

И русскій Богъ отмстилъ за храмъ священный...
Сердитый Кремль въ огнѣ ихъ принималъ,
И проводилъ, пылая, свѣточъ грозный...
Онъ озарилъ ихъ путь въ степи морозной—
И степь ихъ поглотила, и о томъ,
Кто намъ грозилъ и плѣномъ, и стыдомъ,
Кто надъ землей промчался, какъ комета,
Сталъ говорить съ насмѣшкой голосъ свѣта.

V.

И старый домъ, куда привелъ я васъ,
Его паденья былъ свидѣтель хладной.
На изразцахъ кой-гдѣ встрѣчаетъ глазъ
Черты карандаша, стихи и жадно
Въ нихъ ищетъ мысли, и безплодный часъ
Проходитъ... Кто писалъ? Съ какою цѣлью?
Грустилъ ли онъ, иль преданъ былъ веселью?
Какъ надписи надгробныя, онѣ
Рисуются узоромъ по стѣнѣ—
Слѣды давно погибшихъ чувствъ и мнѣній,
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній.

VI.

И образы языческихъ боговъ—
Безъ рукъ, безъ ногъ, съ отбитыми носами—
Лежатъ въ углахъ низвергнуты съ столбовъ,
Раскрашенныхъ подъ мраморъ. Надъ дверями
Висятъ портреты дѣдовскихъ вѣковъ
Въ померкшихъ рамахъ и глядятъ сурово;
И мнится, обвинительное слово
Изъ мертвыхъ устъ ихъ излетитъ... Увы!
О, если бъ этотъ домъ знавали вы
Тому назадъ лѣтъ двадцать пять и болѣ!
О, если бъ время было въ нашей волѣ!..

VII.

Бывало, только утренней зарей
Освѣтятся церквей главы златыя,
И сквозь туманъ заблещутъ надъ горой
Дворецъ царей и стѣны вѣковыя,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
Съ бѣльемъ господскимъ изъ воротъ зѣвая
Выходитъ, и сквозь утренній морозъ
Раздался первый стукъ колесъ,—

А графскій домъ ужъ полонъ суетою
И пестрыхъ слугъ заботливой толпою.

VIII.

И каждый день идетъ въ немъ пиръ горой.
Смѣются гости, и бренчатъ стаканы;
Въ стеклѣ граненомъ даръ земли чужой
Клокочетъ и шипитъ аи румяный,
И отъ крыльца каретъ недвижный строй
Далеко тянется, и въ залѣ дымной,
Въ толпѣ мужчинъ, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучшій цвѣтъ,
Мелькаютъ... Вотъ учтивый менуэтъ
Рисуется вамъ; шопотъ удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясненья...

IX.

О, какъ тогда былъ пышенъ этотъ домъ!
Вдоль стѣнъ висѣли пестрыя шпалеры,
Вездѣ фарфоръ китайскій съ серебромъ,
У зеркала . . . .

339. Монго.

Садится солнце за горой.
Туманъ дымится надъ болотомъ,
И вотъ, дорогой столбовой,
Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ высокъ и худощавъ,
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой.
Малъ и широкъ въ плечахъ другой;
Храпя, мотаетъ длинной гривой
Подъ нимъ саврасый скакунокъ—
Степей башкирскихъ сынъ счастливой.
Устали всадники. До ногъ
Отъ головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой
И рѣчь ведутъ между собой:
„Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты...“
— „Постой! ужъ эти мнѣ мосты!

Дрожатъ и смотрятъ такъ лукаво.
Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье:
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!“ —
„Нѣтъ въ семь—я самъ читалъ приказъ!“
Но прежде нужно вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,

Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ (Монго)

Актрисъ коварныхъ обожатель,
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ—
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ,
Не занимался онъ чинами,
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на-бекрень;

Имѣлъ онъ гладкую посадку —
Неловко гнулся напередъ,
И не тянулъ ноги онъ въ пятку,
Какъ долженъ каждый патріотъ.
Но если, милый, вы ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ.
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала;
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья.
Въ душѣ озлобленной его.
Маёшка былъ такихъ же правилъ,
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый, вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ на пирахъ.
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что дѣлать мнѣ,—онъ былъ таковъ.
Теперь онъ слѣдуетъ за другомъ
На подвигъ славный, роковой,
Терзаемъ пьяницы недугомъ,
Изжогой мучимъ огневой.
Пріюты нѣги и прохлады—
Вдоль по дорогѣ въ Петергофъ
Мелькаютъ въ рядъ изъ-за ограды

Разнообразные фасады
И кровли мирныя домовъ
Въ тѣни таинственныхъ садовъ.
Тамъ есть трактиръ, и онъ отъ вѣка
Зовется Краснымъ Кабачкомъ,
И тамъ для блага человѣка
Построенъ сумасшедшихъ домъ.
И тамъ пріютъ себѣ смиренный
Танцорка юная нашла,—
Краса и честь балетной сцены,
На содержаніи была:
NN., помѣщикъ изъ Казани,
Богатый волжскій старожилъ,
Безъ волокитства, безъ признаній
Ее невинности лишилъ...
„Мой другъ!—ему я говорилъ—
Ты не въ свои садишься сани:
Танцоркой вздумалъ управлять!
Ну, гдѣ тебѣ!“ . . . . .
Но обратимся поскорѣе
Мы къ нашимъ буйнымъ молодцамъ,
Они стоятъ въ пустой аллеѣ,
Коней привязываютъ тамъ.
И вотъ, тропинкой потаенной
Они къ калиткѣ отдаленной
Спѣшатъ, подобно двумъ ворамъ.
На землю сумракъ ниспадаетъ,
Сквозь вѣтви брежжитъ лунный свѣтъ
И переливами играетъ
На гладкой мѣди эполетъ.
Впередъ отправился Маёшка,
Въ кустахъ проползъ онъ, какъ черкесъ,
И осторожно, точно кошка,
Черезъ заборъ онъ перелѣзъ.
За нимъ Монго нашъ долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-какъ.
„Ну, лихо! сдѣланъ первый шагъ!
Теперь душа моя въ покоѣ,—
Судьба окончитъ остальное!“
Облокотившись у окна,
Межъ тѣмъ танцорка молодая
Сидѣла дома и одна.
Ей было скучно, и зѣвая
Такъ тихо думала она:
„Чудна судьба! о томъ ни слова!

На матушкѣ моей чепецъ
Фасона самаго дурнова,
И мой отецъ—простой кузнецъ.
А я—на шелковомъ диванѣ
Ѣмъ мармеладъ, пью шоколадъ;
На сценѣ—знаю ужъ заранѣ—
Мнѣ будетъ хлопать третій рядъ.
Теперь со мной плохія шутки!
Меня сударыней зовутъ,
И за меня три раза въ сутки
Каналью-повара дерутъ!
Мой Pierre не слишкомъ интересенъ:
Ревнивъ, упрямъ, что ни толкуй,
Не любитъ смѣха онъ, ни пѣсенъ,
Зато богатъ и глупъ, какъ . . .
Теперь не то, что было въ школѣ:
Ѣмъ за троихъ, порой и болѣ,
И за обѣдомъ пью люнель.
А въ школѣ... Боже!... Вотъ мученье!
Днемъ танцы, выправка, ученье,
А ночью жесткая постель.
Встаешь, бывало, утромъ рано,—
Бренчитъ ужъ въ залѣ фортепьяно,
Поютъ всѣ врозь, трещитъ въ ушахъ;
А тутъ сама, поднявши ногу,
Стоишь, какъ аистъ на часахъ.
Флери хлопочетъ, бьетъ тревогу...
Но вотъ одиннадцатый часъ!
Въ кареты всѣхъ сажаютъ насъ.
Тутъ у подъѣзда офицеры
Стоятъ всѣ въ рядъ, порою въ два.
Какія милыя манеры!
И все отборныя слова!
Иныхъ улыбкой ободряешь;
Другихъ бранишь и отгоняешь;
Зато, вернулись лишь домой,
Директоръ поретъ на убой:
Ни взглядъ не думай кинуть лишній,
Ни слова ты сказать не смѣй;
А самъ, прости ему Всевышній,
Вѣдь ужъ какой прелюбодѣй!..“
    Но тутъ въ окно она взглянула
И чуть не брякнулась со стула:
Предъ ней, какъ призракъ роковой,
Съ нагайкой, освѣщонъ луной,
Готовый влѣзть почти въ окошко,

Стоитъ Монго, за нимъ Маёшка.
— Что это значитъ, господа?
И кто васъ звалъ придти сюда?
Ворваться къ дѣвушкѣ — безчестно!—
„Намъ, право, это очень лестно!“
— Я васъ прошу, подите прочь.—
„Но гдѣ же проведемъ мы ночь?
Мы мчались, выбились изъ силы“.
Вы неучи! — „Вы очень милы“.
— Чего хотите вы теперь,
Ей Богу, я не понимаю!—
„Мы просимъ только чашку чаю.“
— Панфишка! отвори имъ дверь! —
Поклонъ отвѣсивши пренизко,
Монго ей бросилъ нѣжный взоръ,
Потомъ садится очень близко
И продолжаетъ разговоръ;
Сначала колкіе намеки,
Воспоминанія, упреки, —
Ну, словомъ, весь любовный вздоръ.
И нѣжный вздохъ, прилично томной,
Порхнулъ изъ груди молодой...
Вотъ ножку нѣжную порой
Онъ жметъ колѣнкою нескромной...
Маёшка, другъ великодушный,
Засѣлъ поодаль на диванъ,
Угрюмъ, безмолвенъ, какъ султанъ.
Чужое счастіе намъ скучно,
Какъ добродѣтельный романъ.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру съ . . . комъ,
Иль адъютантомъ на сраженьи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонеромъ
Или на балѣ быть танцоромъ...
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ
И думать: это не для насъ!
Межъ тѣмъ Монго горитъ и таетъ..
Вдругъ самый пламенный пассажъ
Зловѣщимъ стукомъ прерываетъ
На дворъ влетѣвшій экипажъ,—
Девятимѣстная коляска
И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.
Увы! печальная развязка!
Неотразимый гнѣвъ боговъ!

То былъ NN съ своею свитой:
Степаномъ, Өедоромъ, Никитой,
Тарасомъ, Сидоромъ, Петромъ...
Идутъ, гремятъ [1]), орутъ—содомъ!
Всѣ пьяны, прямо изъ трактира...
И на устахъ . . . .
Но нѣтъ! постой, умолкни, лира!
Тебѣ ль, поклонницѣ мундира,
Поганыхъ фрачныхъ воспѣвать!
Въ истерикѣ младая дѣва:
Какъ защититься ей отъ гнѣва?
Куда гостей своихъ дѣвать?
Подъ столъ, въ комодъ иль подъ кровать?
Въ комодѣ мѣста нѣтъ и платью,
. . . . . подъ кроватью . . .
Имъ остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Но вмигъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ,—и были таковы!..
Ужъ ночь была, ни зги не видно,
Когда свершивъ побѣгъ, обидной
Для самолюбья и любви,
Повѣсы на коней вскочили
И думы мрачныя свои
Другъ другу вздохомъ сообщили.
Дѣля печаль своихъ господъ,
Ихъ кони съ рыси не сбивались;
Упрямо убавляя ходъ,
Они . . . . спотыкались,—
И лѣность ихъ преодолѣть
Ни шпоры не могли, ни плеть.
Когда же въ комнатѣ дежурной
Они сошлися поутру,
Вспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тутъ много шутокъ, смѣху было;
И, право, Пушкинъ нашъ не вретъ,
Сказавъ, что день бѣды пройдетъ,
А что пройдетъ, то будетъ мило...
Такъ повѣсть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами.
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сдѣлать сами?..

[1]) Шумятъ.

1837 г.

340. Смерть поэта.

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу,
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.

Погибъ поэтъ! Невольникъ чести—
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде,—и убитъ!
Убитъ!.. Къ чему теперь рыданья,
Пустыхъ похвалъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья?
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, смѣлый даръ
И для потѣхи раздували
Чуть затаившійся пожаръ?..
Что жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ вынести не могъ:
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ.
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ... спасенья нѣтъ!
Пустое сердце бьется ровно,—
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что̀ за диво?.. Изъ далека,
Подобный сотнямъ бѣглецовъ,

На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой законъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый,
На что̀ онъ руку поднималъ!..
    И онъ убитъ, и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милой,

Пушкинъ на смертномъ одрѣ.

Рисун. Бруни.

Добыча ревности глухой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой [1]).
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душной
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ ничтожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей?..
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновой,

---

1) Ленскій.

Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ насмѣшливыхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ напрасной жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки чудныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:

Дантесъ.

Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ,
И на устахъ его печать.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи,
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!..
Но есть, есть Божій судъ, наперсники разврата!
Есть грозный судъ: онъ ждетъ,

Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью—
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

341. Бородино.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

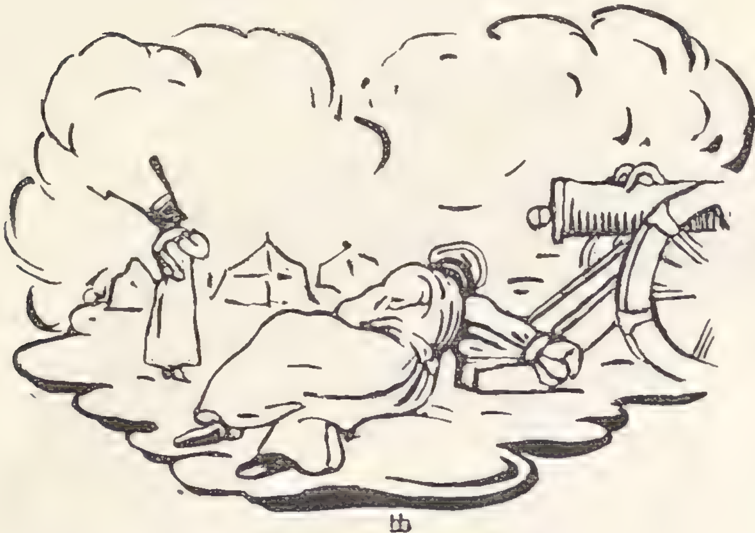

„Скажи-ка, дядя"...

Рисун. Н. В. Зарѣцкаго.

Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!"
— Да, были люди въ наше время,

Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри,—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!
Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ, что ли, командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“
И вотъ, нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,—
Французы тутъ какъ тутъ.
Забилъ зарядъ я въ пушку туго
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить?—Пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!
Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.
Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытой:
Кто киверъ чистилъ весь избитой,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.
И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...

Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.
И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну жъ былъ денекъ! Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.

„Прилегъ вздремнуть я у лафета“...
Рисун. Н. В. Зарѣцкаго.

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.
Вамъ не видать такихъ сраженій!..
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день не мало,
Что значитъ русскій бой удалой,
Нашъ рукопашный бой!..
Земля тряслась, какъ наши груди;

Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны,
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать...
Да, были люди въ наше время—
Могучее, лихое племя:
Богатыри,—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

342. Узникъ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.
Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.
Одинокъ я—нѣтъ отрады!
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ.
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой.

343. Молитва.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяньемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью иль покаяніемъ.
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,

Мадонна. Картина М. Ю. Лермонтова.

Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

344. * * *.

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристой
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

345. Сосѣдъ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайной;
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь, а послѣ — тайной.
Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И, опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ, —
Тогда, чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю, — и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они — не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...
И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далекò несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ, и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

346. * * *.

Разстались мы, но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.
И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ;
Такъ храмъ оставленный — все храмъ,
Кумиръ поверженный — все богъ!

347. Эпиграмма на Кукольника.

Въ большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
„Что, братецъ, жаль! Вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше бъ не родился!“

348. * * *.

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной.
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей,
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?
Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла;
Начать готовъ я жизнь другую.
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

349. * * *.

Она поетъ—и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

350. Кинжалъ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.
Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.
И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.
Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой,
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

351. * * *.

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый,—
Какъ птичка въ клѣткѣ,
Сердце запрыгаетъ.
Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе,—
Душа навстрѣчу имъ
Изъ груди просится.
И какъ то весело,
И плакать хочется...
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся!

352. * * *.

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой,
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.
За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи—
Грузинскій мой булатъ...
И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ,
При звукѣ томъ душа трепещетъ,
И въ сердцѣ кровь кипитъ.
Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжной
И встрѣтилъ милый взоръ!

353. * * *.

Расписку просишь ты, гусаръ.
Я получилъ твое посланье,
Родилось въ сердцѣ упованье,
И легче сталъ судьбы ударъ.
Твои плѣнительны картины,
И дерзкой списаны рукой;
Въ твоихъ стихахъ есть запахъ винный,
А рифмы. . . . .
. . . . грязная свобода
Тебя въ пророки избрала;
Давно для глазъ твоихъ природа
Покровъ обманчивый сняла.
Чуть тронешь ты жезломъ волшебнымъ
Хоть отвратительный предметъ,
Стихи звучатъ ключомъ цѣлебнымъ,
И люди шепчутъ: онъ поэтъ.
Такъ нѣкогда въ степи безводной
Премудрый пастырь Ааронъ
Услышалъ плачъ и вопль народной,
И жезлъ священный поднялъ онъ;
И на челѣ его угрюмомъ
Надежды лучъ блеснулъ живой,
И тронулъ камень онъ нѣмой,

И брызнулъ ключъ съ привѣтнымъ шумомъ
Новорожденною струей.

354. Казбеку.

Спѣша на сѣверъ изъ далека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я—странникъ—свой поклонъ.

Казбекъ къ вечеру. Рисун. худ. А. А. Киселева.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердца тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.
Молю, да снидетъ день прохладной
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть.
Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя, въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельѣ мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.
Но есть еще одно желанье..:
Боюсь сказать... Душа дрожитъ...
Что если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ?
Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ?
Или среди могилъ холодныхъ
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?
О! если такъ...: своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

355. Ребенку.

(Въ альбомъ Арк. Павл. Петрову).

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ руки хвала и лесть;
Дай Богъ тебѣ побольше росту,—
Другія качества всѣ есть.

356. * * *.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.
Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,

У нихъ попросить сожалѣнья,
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.
Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей,—
Утесъ гранитный не повалитъ.
Его чело межъ облаковъ,
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И кромѣ бури да громовъ
Онъ никому не ввѣритъ думы.

357. * * *.

Когда стою подъ древнимъ сводомъ храма,
И хоръ гремитъ хвалебныхъ голосовъ,
Когда въ дыму кадилъ и ѳиміама
Святой обрядъ исполниться готовъ,
Когда всѣ въ прахъ склоняются смиренно,
Познавъ тщету земного бытія,
Тогда и я молюсь колѣнопреклоненно,
Но я молюсь не за себя.
О, мнѣ ужъ не о чемъ молиться,
У неба нечего просить:
Пусть невозбранно совершится
То, что должно со мною быть.

Мой конченъ путь, гляжу безъ страха
И безъ надежды я впередъ,
Я сынъ земли, могилы, праха...
И скоро прахъ меня возьметъ.
Мнѣ все равно, куда ни броситъ
Меня могучій вихрь судьбы:
Блаженства сердце ужъ не проситъ,
Въ душѣ о счастьи нѣтъ мольбы.
Такъ я стою одинъ съ моей тоскою,
Нѣтъ ни одной молитвы за себя...
Съ покорною, беззвучною душою,
Предъ будущимъ смиряюсь я,
И какъ разбойникъ...
Я говорю передъ Христомъ:
О, помяни меня, Владыко,
Егда пріидеши во Царствіи Твоемъ!
Еще молюсь за тѣхъ, которымъ нѣтъ надежды,
Которые клянутъ угрюмый рокъ,

И только ждутъ, когда засыплетъ вѣжды
Могильный имъ песокъ...
Еще молюсь за тѣхъ, которые сгубили
Во мнѣ мечты о счастьи бытія,
Которые мнѣ душу отравили,
За тѣхъ молюся я!..

358. * * *.

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою,
Я зналъ: ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый...
И я паду, и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,—
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый...
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . .

ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

359.

Охъ, ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодàновскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шолкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали—не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,

По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.
Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ

Іоаннъ Грозный. Рисун. Васнецова.

И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.
Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь,
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младого голубя сизокрылаго,—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ,—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
Вотъ промолвилъ царь слово грозное,—
И очнулся тогда добрый молодецъ.
„Гей ты, вѣрный нашъ слуга Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ, звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется,
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..."
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:
„Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчевать!
А прогнѣвалъ я тебя,—воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову...
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится".
И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
„Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромалъ худо-кованный?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?"
Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:
„Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;

Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло, горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другого нарядимся.
Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шолковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную,—
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красныя дѣвушки да молодушки
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...
На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно, будто лебедушка,
Смотритъ сладко, какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитревной.
Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мнѣ золотой казны;
Съ кѣмъ казною подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,

В. М. Васнецовъ: *Пиръ у Ивана Васильевича.*

В. Васнецовъ

Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ пòхоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...“
И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
„Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ;
Какъ полюбишься—празднуй свадебку,
Не полюбишься—не прогнѣвайся“.
„Охъ, ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...“
Ай, ребята, пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

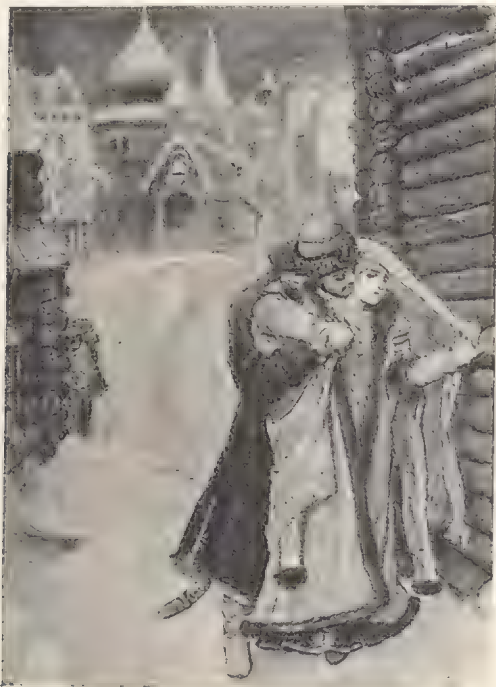
II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный мóлодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванью Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.
Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи.
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.

И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.
И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
„Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алена Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай, забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?“
— „Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алена Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли,—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются“.
И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ,
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнехонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.
Вотъ онъ слышитъ—въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые,
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная, простоволосая,
Косы русыя расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.
„Ужъ ты гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?..
Не на то предъ святыми иконами

Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!..
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила“...
И услышавъ то, Алена Дмитревна
Задрожала вся моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.
— „Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ:
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.
Отъ вечерни я домой шла нонече
Вдоль по улицѣ одинешенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ,
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— „Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной“...—
Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня целовать-ласкать,
И цалуя все приговаривалъ:
- „Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!“—
И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,

Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...
Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.

Кирибѣевичъ и Алена Дмитревна. Рисун. В. Васнецова.

Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную...
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?
Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка,
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,
На чужой сторонушкѣ пропалъ безъ-вѣсти,

В. М. Васнецовъ: *Бой Кирибѣевича съ Калашниковымъ.*

А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...“
Говорила такъ Алена Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.
Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
„Ты повѣдай намъ, старшо́й нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь, морозную?“
— „Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мной приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ, авось, Господь васъ помилуетъ!“
И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, родного, не выдадимъ!“
Ай, ребята пойте—только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной Кремлевской, бѣлокаменной,

Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми,
Какъ красавица глядя въ зеркальце,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?
Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?
Вы потѣшьте царя нашего, батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“
И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ борецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ да другъ друга поталкиваютъ.
На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя нашего, батюшку“.
Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны,—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.

Старая Москва. Рисун. худ. Васнецова.

Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.
И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться“.
Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился я отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“
И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...
Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.
Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посередь груди:
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;
На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева,
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.

И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется,
Постою за правду до-послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.
И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалого купца
И привесть его предъ лицо свое.
Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею или нехотя
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
„Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольною волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ:
Скажу только Богу единому,
Прикажи меня казнить и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...“
— „Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно,
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,

Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...“
Какъ на площади народъ собирается,
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую.
По высокому мѣсту лобному,
Во рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ навостренныимъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:
„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Аленѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!“
И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.
Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

Гей вы, ребяты удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.

„Въ рубахѣ красной съ яркой запонкой
Съ большимъ топоромъ навостреннымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается...

Рисун. худ. В. И. Сурикова.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

360. Тамбовская казначейша.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я староверомъ,
Мнѣ все равно, я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ,
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку!
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ,
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальной,
Теперь же, право, хоть куда;
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари, и мостовыя;
Тамъ два трактира есть—одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна ихъ два раза въ сутки;
Тамъ зданье лучшее—острогъ.
Короче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правой,
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.

В. М. Васнецовъ: *Прощанье съ братьями.*

И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глупцовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать;
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! такіе хваты!..
Полковникъ, вѣрно, неженатый,
А ужъ бригадный генералъ,
Конечно, дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры —
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ, однажды, утромъ рано,
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолствовалъ кабакъ,
. . . .
. . . .
Уланы, справа по шести,
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ *Двухъ Слѣпыхъ*.

V.

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,

Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
„Малашка, дура! Катерина!
„Скорѣе туфли и платокъ!
„Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
„Два года ставни отворяютъ..."
Вотъ ставни настежь. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ,—

„И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшія дѣвицъ
Ряды суровыхъ пыльныхъ лицъ".
Рисун. худ. К. А. Трутовскаго.

И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшія дѣвицъ
Ряды суровыхъ пыльныхъ лицъ.

VI.

„Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!"—Гдѣ? майоръ?—„О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ! а конь—картина!
Да жаль, онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть..."

И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ,
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостиницы Московской,
Притона буйныхъ усачей,
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ;
Хотя невзраченъ, но спокоенъ.
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ;
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли;
Зато предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки,
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ,—
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмой,
Съ огромной лысой головой;
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была ему охота,
И потому онъ былъ игрокъ
(Его единственный порокъ);
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой
И талью, скверную порой,
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его крапленыя колоды

Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,
Пославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтеръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямь, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно—
Чуть тронетъ землю башмачокъ;
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди;
Бѣла, какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки—
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,

А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила,
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! . . . .
. . . .
. . . .

XIII.

Для бо̀льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ не лживый,
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ, тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы
. . . .
. . . .
Что жъ? знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ, повѣса милой
(Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ),
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ;
Штабъ-ротмистръ, строенъ, какъ корнетъ;
Взоръ пылкій, усъ довольно черной:
Короче—идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;

Съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣдать,
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ
То на курьерскихъ, то верхомъ,
То полупьянымъ ремонтеромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда.
И не смущенъ бы былъ и раемъ,
Когда бъ попался и туда.
Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя, однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Илъ сталъ душою заговора [1]);
Порой незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ,—но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать,
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни,
А, несмотря на то, друзья,
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . .
. . . .
. . . .
Таковъ то былъ штабъ-ротмистръ Гаринъ;
По крайней мѣрѣ, мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

[1]) Варіантъ: Чтобъ отъ кнута избавить вора.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать;
Узналъ не мало онъ смѣшнова—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять,
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся иль сваты,
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
„Бѣдняжка!—думаетъ уланъ,—
Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь; и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей!“

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ;
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдованки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши, какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжной;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонной;
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще на улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Чтъ жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?..
На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
Заняться этимъ намъ неловко...

И если правду ужъ сказать,
Ну кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестной
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ поднебесной,
И вдругъ... какой позоръ и срамъ!
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина — безъ мундира.
Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
И подѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь,—
Онъ молвилъ: „что жъ? начало есть“.

XXII.

...Два дня окно не отворялось.
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь;
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора —
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завелся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви, языкъ чудесный,
Одной лишь юности извѣстный!
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ

Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять.
Отправится ль она къ обѣдни,—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣднiй:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ все время, не крестясь.
Лучомъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующiе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ—
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было бъ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

. . . .
. . . .
. . . .

Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. „Пора къ развязкѣ!—
Такъ говорилъ любовникъ мой,—
Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой".
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—„Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не прiѣхалъ: много дѣлъ-съ;

Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать".
— „Ступай, скажи, что я пріѣду".—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель,
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадной
Заставилъ ждать себя изрядно,
И послѣ цѣлый день зѣвалъ, —
Но праздникъ въ томъ не потерялъ.
Онъ былъ устроенъ очень мило:
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ.
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный, —
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О, скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка роднова,

Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ у лѣска
Бросаетъ лучъ исподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой,
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ — не знаю, какъ случилось —
Ноги ея, иль башмачка
Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начались извиненья,
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша — не примѣръ.

XXXI.

Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить.
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить — способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tete-à-tete
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!

. . . .
. . . .
. . . .

XXXII.

Вобще, я могъ въ году послѣднемъ
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бреднямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!

Такая мудрая супруга
Въ часы любовнаго досуга
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять;
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнетизировать начнетъ,—
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!..
Плоды подобныхъ замѣчаній
Конечно бъ могъ не вѣдать міръ;
Но польза, польза—мой кумиръ!

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! молясь иной святынѣ,
Не вѣруютъ Амуру нынѣ;
Забытъ любви волшебный царь,
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ.
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву,—
Все тотъ же сонъ и на яву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна—разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. „Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!..“
Вотъ чей то шагъ,—и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданный былъ.

Немно́го, можетъ быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
Кивнувъ легонько головою,
Онъ къ Дунѣ молча подошелъ
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

„Я вижу, вы меня не ждали,—
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что́ въ страсти значитъ день, что́ часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь—на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ—
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ?—скажи, скажи!..“

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгораясь страстью томной,
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ... Ему каза́лось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой,
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: „Довольно!
Молчите, слышать не хочу!
Оставите ль?—я закричу!“

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не штуки, какъ ни говори,
А просто женское упорство,
Капризы, чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
Красотка: „ахъ!“ Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза.—
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ имениникъ—будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьѣ.
Насталъ и вечеръ, наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ!—
Домъ полонъ, что за освѣщенье!
А все—засунуть или нѣтъ
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова,
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она „да-съ“, „нѣтъ-съ“—и замолчитъ.
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.

Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ-нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ,
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты, возрастъ милой,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной:
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда-нибудь
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ.
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ—
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ,
Сажаетъ, потчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
„Іуда!“ мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;

Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный;
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ...
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ,
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
За злато совѣсть и законъ
Готовъ продать охотно онъ.
А вотъ уѣздный предводитель,—
Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ.
А вотъ, спокойствія рачитель,
Сидитъ и самъ исправникъ,—но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушенный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ,
Нетесаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ, какъ велятъ,
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... Но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ, чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,
Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ

По гладкой лысинѣ струился:
Онъ все проигрывалъ до-тла;
Въ ушахъ его *дана, взяла*
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ
И все, что въ немъ или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче—все, все до-чиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за-полночь. Треща
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,—
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей.

XLVIII.

И проситъ важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье
Иль „проиграть ужъ и жену“.
О страхъ! о ужасъ! о злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло?
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. „Очень радъ,—
Онъ говоритъ,—пускай шумятъ,
Мы кончимъ дѣло полюбовно...
Но только, чуръ, не плутовать,—
Иначе—вамъ не сдобровать!“

XLIX.

Теперь кружокъ понтеровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усатаго героя,
Который понтируетъ стоя;

Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой... Вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ вдалекѣ
Жену на креслахъ въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило,
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бъ зарыдали,
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза:
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ!
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Не мало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась;
Уланъ отчаянно игралъ;
Надъ старикомъ судьба смѣялась, —
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу въ молчаньи подошла;
Но только цвѣтъ ея чела
Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего-нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла —
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо...

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой.

К. А. Трутовскій:

„*И бросила ему въ лицо*
Свое вѣнчальное кольцо“.

Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравной;
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ,
Улана проклялъ милый полъ;
За что—мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ, конецъ печальной были,
Иль сказки, выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія, страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови, даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ;
Простымъ нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ
И не поссорилъ ихъ порядкомъ.
Что жъ дѣлать?... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья,—покамѣстъ будетъ съ васъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

252. Ангелъ.

Автографы Лерм. музея (XV, 3, XI, 41 и XX, 88) и Румянц. музея. Было вписано въ альбомъ А. М. Верещагиной. Впервые напеч. въ „Одесскомъ Альманахѣ" 1840, стр. 702. Варіанты:

Послѣ 12. Душа поселилась въ твореньи (тѣлѣ) земномъ,
Но чуждъ былъ ей міръ. Объ одномъ
Она все мечтала,—о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
13. И долго, желаньемъ напраснымъ полна,
Страдала, томилась она.
13. Съ тѣхъ поръ, непонятнымъ желаньемъ полна.

Сюжетъ заимствованъ изъ талмудической легенды о предсуществованіи душъ.

253. Ужасная судьба отца и сына.

Автографы Лерм. музея (XX, 90 и XI, 43). Впервые напеч. въ „Рус. Арх." 1872, IX, 1850. Черновой варіантъ:

30. Свѣтлыя мечты.

Отецъ Л—ва умеръ въ 1832 г.

254. Стансы.

Автографы Лерм. музея (XI, 47 и XX, 91).

255. Къ другу.

Автографъ Лерм. музея (XI, 49). Впервые напеч. въ „Русской Мысли" 1884, IV, 59—60. Черновые варіанты:

Послѣ 20. И всѣ изъ нихъ
Полетъ свободный.

256. Пора уснуть.

Автографъ Лерм. музея (XI, 51). Впервые напеч. въ „Русской Мысли" 1882, II, 180.

257. Изъ Паткуля.

Автографъ Лерм. музея (XVIII, 2). Впервые напеч. въ „Юнош. драмахъ Л—ва", Спб., 1880, стр. 321. I. P. Паткуль, лифляндецъ, перешедшій на русскую службу при Петрѣ В. и казненный въ 1707 г. Карломъ XII.

258. Солнце осени.

Автографъ Лерм. музея (XX, 52). Впервые напеч. въ „Сѣвер. Вѣстн." 1889, I, 88—89.

259. Потокъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 53). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, I, 9.

260. Не ты.

Автографъ Лерм. музея (XX, 54). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, I, 18—19. Относится, повидимому, къ В. А. Лопухиной.

261. Ночь.

Автографъ. Лерм. музея (XX, 55). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, I, 10—11.

262. Къ себѣ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 58). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, I, 19.

263. Душа моя должна.

Автографъ Лерм. музея (XX, 59). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, I, 19. Повидимому, относится къ В. А. Лопухиной. Черновой варіантъ:

12. Кто былъ не виноватъ.

264. Пускай поэта.

Автографъ Лерм. музея (XX, 61). Впервые напеч. въ „Сарат. Листкѣ" 1876, № 43.

265. Слава.

Автографъ Лерм. музея (XX, 62). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, III, 90—91.

266. Унылый колокола звонъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 64). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстн." 1889, I, 11—12.

267. Пѣсня.

Автографъ Лерм. музея (XX, 60). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, III, 89.

268. Вечеръ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 63). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, I, 15—16.

269. Хоть давно измѣнила.

Автографъ Лерм. музея (XX, 65). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, I, 16.

270. Звуки и взоръ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 67). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, I, 20.

271. Земля и небо.

Автографъ Лерм. музея (XX, 68). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ" 1889, III, 92.

272. Дай руку мнѣ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 69). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 20.

273. Изъ Андрея Шенье.

Автографъ Лерм. музея (XX, 70). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 12—13.

Переработка мотивовъ предсмертныхъ стихотвореній Шенье примѣнительно къ настроеніямъ Л—ва.

274. Не медли.

Автографъ Лерм. музея (XX, 71). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, II, 130.

275. Сосѣдъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 72). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 16—17.

276. Стансы.

Автографъ Лерм. музея (XX, 73). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 16—17.

277. Мой демонъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 74). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 13—14. См. „Мой демонъ“ въ I томѣ.

278. Нѣтъ, я не Байронъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 99). Впервые напеч. въ „Библ. для чтенія“ 1845, I—II, стр. 12. Варіанты къ 12 стиху:

Или поэтъ,—или никто.
Иль геній мой, или никто.

279. Романсъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 100). Впервые напеч. въ „Сарат. Листкѣ“ 1876, № 43.

280. Сонетъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 101). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 21.

281. Болѣзнь въ груди моей.

Автографъ Лерм. музея (XX, 102). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 17—18.

282. Къ * * *.

Автографъ Лерм. музея (XX, 103). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, I, 21—22.

283. Поцѣлуями прежде.

Автографъ Лерм. музея (XX, 104). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 93.

284. Послушай.

Автографъ Лерм. музея (XX, 105). Впервые напеч. въ „Сѣвер. Вѣстникѣ“ 1889, I, 22. Срв. „Демонъ“.

285. Оставь напрасныя заботы.

Автографъ Лерм. музея (XX, 106). Впервые напеч. въ „Сарат. Листкѣ“ 1876, № 43.

286. Азраилъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 57). Впервые напеч. въ „Сарат. Листкѣ“ 1876, № 43. Начало вписано 15 авг. 1831 г. въ альбомѣ Ю. Н. Бартенева (см. брошюру о немъ Б. Л. Модзалевскаго). Варіанты:

18—19. И въ темной, душной кельѣ гроба
Мой духъ вовѣки не уснетъ.

Срв. „Демонъ“.

287. Ангелъ смерти.

Автографъ Лерм. музея (XI, 20). Напеч. впервые въ Карлсруэ въ 1857 г. Черновые варіанты:

Послѣ 76. И если бъ шумъ въ ней былъ, какъ свѣтъ,
Какъ очи впалыя съ лѣтами,
Которымъ въ тяжесть бѣлый свѣтъ.
Послѣ 98. Его пронзительные взоры
Изъ-за бровей, какъ изъ-за тучъ,
Свинцовый изливали лучъ,
Когда нечаянно встрѣчали
Глаза веселой (безпечной) красоты,
Гдѣ весело пылали
Надежды, чувства и мечты.
Послѣ 205. Но какъ помочь? Душа ея,
Проживъ иное (земное бросивъ) бытіе,
Теперь вольна, какъ мысль, какъ Пери,—
Предъ ней отверзты рая двери,
И блещетъ водъ ея струя
(Блистая) чудной красотой.
И какъ хотѣть ей возвратиться,
Чтобъ въ этомъ тѣлѣ поселиться?
И кто оставитъ край святой,
Гдѣ не живетъ никто тоскуя
Для гордыхъ ласкъ и поцѣлуя
Обманчивой любви земной?

Изданіе въ Карлсруэ печатано по автографу, принадлежавшему А. М. Верещагиной (4 сент. 1831 г.).

Въ автографѣ Лерм. музея (XI, 20) планъ „Ангела Смерти“: „Написать поэму—Ангелъ Смерти. Ангелъ Смерти, при смерти дѣвы, влетаетъ въ ея тѣло изъ сожалѣнія къ любезному, и раскаивается, ибо это былъ человѣкъ мрачный и кровожадный, начальникъ Грековъ. Онъ раненъ въ сраженіи и долженъ умереть; ангелъ уже не ангелъ, а только дѣва, и его поцѣлуй не облегчаетъ смерти юноши, какъ бывало прежде; ангелъ покидаетъ тѣло дѣвы, но съ тѣхъ поръ его поцѣлуи мучительны умирающимъ“. „*Ангелъ смерти*: море колеблется, и цвѣтокъ,

отраженный волнами, долженъ колебаться; скажи, отчего ты такъ безпокоенъ!“ Повѣсть кончается вотъ чѣмъ: Съ тѣхъ поръ хладнѣе льда его объятье, и поцѣлуй его—проклятье!“.

288. Каллы.

Автографъ Лерм. музея (XXI, 3). Въ полномъ видѣ впервые напеч. въ „Рус. Мысли“ 1882, XI. Срв. „Хаджи-Абрекъ“.

Висковатовъ (II, 143—144 и „Рус. Мысль“ 1882, XI, 7—8) нашелъ въ одномъ альбомѣ конца 30-ыхъ годовъ VI-ую строфу въ такомъ видѣ:

И слѣдъ Аджи простылъ... Катился
За годомъ годъ, и вотъ въ горахъ
Абрекъ чужой всѣмъ появился,
Вселяя суевѣрный страхъ.
Какъ звѣрь, онъ отъ толпы таился,
Встрѣчаться съ женщиной не могъ,—
Быть можетъ, совѣсти упрекъ
Въ ея чертахъ найти страшился...
Слѣды страданья и тревогъ
Не укрывались отъ вниманья;
Подъ башлыкомъ упорный взоръ
Внушалъ лишь страхъ... Ни состраданья,
Ни сожалѣнья—лишь укоръ
Судьбы читался въ немъ... Никто
Не признавалъ въ Абрекѣ друга,—
Онъ поражалъ, какъ бичъ недуга...
Встрѣчалъ ли ночью онъ кого,
Встрѣчалъ ли днемъ,—всегда его
Всѣ сторонились, избѣгали,
Какъ дней проклятья иль печали.
Ему открытъ былъ всюду путь...
Хранилъ онъ вѣчное молчанье,
Но не затѣмъ, чтобъ подстрекнуть
Толпы болтливое вниманье.
И зналъ одинъ онъ, почему
Каллы ужасное прозванье
Въ горахъ присвоило ему.

Кромѣ 6 послѣднихъ стиховъ, этотъ конецъ особаго довѣрія не возбуждаетъ (повидимому, слабая поддѣлка подъ Л—ва).

289—290. Аулъ Бастунджи.

Автографъ Лерм. музея (XXI, 1). Впервые напеч. въ „Русской Мысли“ 1883, II. Черновые варіанты:

305. Его уста скривилъ свинцовый смѣхъ.
372. Небесъ восточныхъ золотое око.
412. И мраченъ, какъ печальный духъ проклятья.

Бешту—Бештау.

291. Кто видѣлъ Кремль.

Автографъ Лерм. музея (XI, 35). Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 176).

292. Морякъ.

Впервые напеч. въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова (М., 1851, стр. 197—199), съ примѣчаніемъ: „за стихи Лермонтова... читатели должны благодарить К. К. и Н. Ф. Павловыхъ“.

Очень расходящійся съ этимъ текстомъ автографъ принадлежитъ Н. В. Соловьеву („Русскій Библіофилъ“ 1913, I и Акад. изд., V, стр. 236—239, 40—42) Помѣщаемъ его ниже цѣликомъ. Срв. „Мцыри“.

Морякъ (отрывокъ).

O' er the glad waters of the dark blue sea,
Our thoughts as boundless, and our souls as free,
Far as the breeze can bear, the billows foam,
Survey our empire, and behold our home!
(The Corsair. L. Byron).

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны!—
О дѣтствѣ говорить не стану.
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимой или чуждой домъ;
Когда безъ радости поемъ,
И, какъ раба, мы топчемъ горе,
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.

Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ, что надо птицѣ:
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Какъ я могущъ себѣ казался,
Когда на воздухѣ качался,
Держась упругою рукой
За парусъ иль канатъ сырой;
Я былъ межъ небомъ и волнами,
На облака и внизъ глядѣлъ,
И не смущался, не робѣлъ,
И, все окинувши очами,
Я мчался выше. О! тогда
Я счастливъ былъ, да, счастливъ, да!

Найдите счастье мнѣ другое!
Родными былъ оставленъ я;
Мой кровъ сталъ—небо голубое,
Корабль сталъ родина моя:
Я съ нимъ тогда не разставался,
Я, какъ цѣпей, земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ:
Они всегда тѣснились къ намъ,
Катились слѣдомъ, забѣгали
Шумя, толкаяся впередъ,
И намъ нестись по лону водъ,
Казалось, запретить желали;
Но это шутка лишь была,
Они не дѣлали намъ зла.

Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полной выраженья;
Въ немъ были ласки и укоръ,
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный!
И каждый вечеръ предо мной
Они въ одеждѣ парчевой,
Какъ люди, гордые, являлись;
Обвороженъ, я началъ имъ
Молиться, какъ богамъ морскимъ,
И чувства прежнія умчались
Съ непостижимой быстротой
Предъ этой новою мечтой!..

Міръ обольстительный и странный,
Міръ небывалый, но живой,
Блестящій вмѣстѣ и туманный,
Тогда открылся предо мной;
Все оживилось: безъ значенья
Межъ тучекъ не было движенья,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена.
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?

Всѣ чувства тайной мукой полны,
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною рядами,
Какъ серебромъ и жемчугàми,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ гордясь между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ
Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ,
А волны—волны все однѣ.

обожатель ихъ свободы!—
акъ ъ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы,
Богъ вѣсть откуда и куда;
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И безполезный этотъ шумъ,
И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;

Однообразный этотъ звукъ,
И, наконецъ, всѣ эти силы,
Употребленныя на то,
Чтобъ малость обращать въ ничто!

Какъ я люблю ихъ дерзкій шопотъ
Передъ летучимъ кораблемъ,
Ихъ дикій плескъ, упрямый ропотъ,
Когда утесъ, склонясь челомъ,
Всѣ ихъ усилья презираетъ,
Не имъ грозитъ, не имъ внимаетъ;
Люблю ихъ ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну
Съ другой стихіей, съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ!—Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ Творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!—

КОНЕЦЪ.

1832 г. Sic transit gloria mundi.

293. Ахъ, нѣтъ я не тотъ...

Впервые напеч. въ „Библ. Зап.“ 1861, № 16, стр. 496—497. Подражаніе 5-ой строфѣ „Мазепы“ Байрона.

294. Баллада.

Впервые напеч. въ „Сарат. Справочномъ Листкѣ“ 1876, № 1.

295. Гусаръ.

Впервые напеч. въ „Сарат. Справочномъ Листкѣ“ 1876, № 1.

296. Тростникъ.

Впервые напеч. въ „Сарат. Справочномъ Листкѣ“ 1875, № 240. Стихотвореніе это основано на популярномъ народно-поэтическомъ мотивѣ.

297. Баллада.

Автографъ Лерм. музея (XX, 107). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, VIII, 10. Въ рукописи зачеркнуто.

298. Бой.

Автографъ Лерм. музея (XX, 108). Впервые напеч. въ „Сѣверн. Вѣстникѣ“ 1889, III, 94—95.

299. Я жить хочу.

Автографъ Лерм. музея (XX, 109). Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1854, I, стр. 6. Срв. письмо С. А. Бахметевой (іюль 1832 г.).

300. Non, si j'en...

Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1882, VIII, 391 (изъ бумагъ А. М. Верещагиной, къ которой, повидимому, и относится). У Висковатова (I, 235—236) произвольное заглавіе: „На прощаніе. А. Верещагиной“.

301. Смѣло вѣрь тому.

Автографъ Лерм. музея (XX, 110). Впервые напеч. въ „Саратов. Справочн. Листкѣ“ 1876, № 1.

302. Новгороду.

Автографъ Лерм. музея (XX, 111, безъ заглавія). Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1857, X, 190. Стихотвореніе это вызвано посѣщеніемъ Новгорода, по дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ. Срв. стихотворенія о Новгородѣ въ I томѣ („Сыны снѣговъ“ и „Послѣдній сынъ вольности“).

303. Мой другъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 113). Впервые напеч. въ „Сѣв. Вѣстн.“ 1889, II, 128.

304. Печаль въ моихъ пѣсняхъ.

Автографъ Лерм. музея (XX, 114). Впервые напеч. въ „Сарат. Справочномъ Листкѣ“ 1876, № 1. Черновой варіантъ:

11. И пѣсни и звуки въ груди подавила.

305. Два великана.

Автографы Чертковской библіотеки и Лерм. музея (XV, 9 и XX, 115). Черновые варіанты:

13. Но улыбкою одною.

Послѣ 8. Страшны (сильны) міру были оба
Съ гордымъ, пасмурнымъ челомъ;
Но въ одномъ кипѣла (таилась) злоба,
А презрѣніе въ другомъ.

Стихотвореніе это вызвано воспоминаніями объ Отечественной войнѣ. „Трехнедѣльный (?) удалецъ“ — Наполеонъ, „гранитъ“ — Св. Елена. „Старый русскій великанъ“ — вѣроятно, не Александръ I, а русскій народъ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, V, 1—2. Срв. ниже „Сашка“.

306. Желаніе.

Автографы Чертковской библіотеки („Желанья“) и Лерм. музея (XV, 11 и XX, 112). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841, XIX, кн. 11, стр. 1—2. Черновые варіанты:

5—9. Чтобъ я съ ней по синю полю
Ускакалъ на томъ конѣ.
Дайте волю, волю, волю,—
И не надо счастья мнѣ!

Въ альбомѣ Верещагиной варіанты:

5—9. Я пущусь по дикой степи,
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.
14—18. Я пущуся въ сине море,
Вдаль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

22—27. Билъ жемчужный водопадъ:
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами
Засыпая посмѣюсь.

Срв. „Узникъ“ (1837 г.) и „Выхожу одинъ я на дорогу“.

307. Прости.

Автографъ Лерм. музея (XX, 116). Впервые напеч. въ „Сарат. Справ. Листкѣ“ 1876, № 1. Срв. „Есть рѣчи—значенье...“ (1840 г.). Вѣроятно, относится къ В. А. Лопухиной.

308. Примите дивное посланье.

Автографъ Лерм. музея (XXI). Въ письмѣ С. А. Бахметевой. Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1873, III, 402—403. Павелъ—П. А. Евреиновъ, родственникъ М. Ю.

309. Челнокъ.

Автографъ Лерм. музея (XXI, письмо С. А. Бахметевой). Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1854, I, 7. Въ альбомѣ А. М. Верещагиной черновой варіантъ:

4. Волною брошенный челнокъ.

310. Для чего я не родился...

Автографъ Публичной Библіотеки (письмо М. А. Лопухиной 28 августа 1832 г.). Впервые напеч. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1863, стр. 932—933.

311. Что толку жить.

Впервые цѣликомъ напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1872, II, 239. Часть стих. ъ письмѣ М. А. Лопухиной 28 августа 1832 г. Варіанты:

ослѣ 32. Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете во-вѣкъ.
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣсто на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И, можетъ быть, изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмейстеръ изготовитъ супъ
(Все это дружески, безъ злости).
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ вашъ сваритъ,
А тамъ... Но, съ вашимъ позволеньемъ,
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

„Вѣрная жена“—Пушкинское сравненіе („Евгеній Онѣгинъ“).

312. Парусъ.

Автографы Лерм. музея (XV, 13) и Публ. Библ. (письмо М. А. Лопухиной 2 сент. 1832 г.). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1841, X, 161.

313. Онъ былъ рожденъ.

Автографъ Публ. Библ. (письмо М. А. Лопухиной въ октябрѣ 1832 г.). Впервые напеч. въ „Рус. Архивѣ“ 1863, I, 937. Срв. „Памяти кн. А. И. Одоевскаго“, „Сашка“ и „Дума“, „До времени созрѣлый плодъ“ — любимое сравненіе Л—ва.

314. Слова разлуки повторяя.

Автографъ Лерм. музея (XX, 117). Впервые напеч. въ „Сарат. Справ. Листкѣ“ 1876, № 1.

315. Безумецъ я.

Автографъ Лерм. музея (XX, 118). Впервые напеч. въ „Сарат. Справ. Листкѣ“ 1875, № 246.

316. Она не гордой красотою.

Автографъ Лерм. музея (XX, 119). Впервые напеч. въ „Сарат. Справ. Листкѣ“ 1876, № 1. Вѣроятно, относится къ В. А. Лопухиной.

317. Измаилъ-Бей.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, т. XXVII, стр. 11—25, съ такимъ примѣчаніемъ Краевскаго:

„Въ то время, какъ второе (полное) изданіе стихотвореній Лермонтова вышло въ свѣтъ, я случайно и неожиданно получилъ цѣлую поэму Лермонтова, еще неизвѣстную публикѣ. Это одно изъ первыхъ, одно изъ самыхъ раннихъ, можно сказать, дѣтскихъ произведеній покойнаго поэта, и, конечно, онъ никогда не напечаталъ бы его при своей жизни. Въ „Измаилѣ-Бэѣ“ все не зрѣло—и планъ цѣлаго, и отдѣлка подробностей: многія мѣста слабы и растянуты, многіе стихи даже поражаютъ неточностію и прозаичностью выраженія; но, несмотря на то, концепція поэмы, тонъ ея выраженія, многія отдѣльныя мѣста, многіе отдѣльно взятые стихи носятъ на себѣ отпечатокъ мощнаго и глубокаго духа поэта, и вообще все это произведеніе можетъ служить фактомъ поэзіи, духа и характера Лермонтова. Тутъ читатели встрѣтятъ, въ героѣ поэмы, тотъ же колоссальный, типическій образъ, который, съ раннихъ лѣтъ, былъ избраннымъ, любимымъ идеаломъ и являлся потомъ во всѣхъ произведеніяхъ поэта, въ которомъ Россія безвременно утратила, можетъ быть, своего Байрона. Каждая строка, каждое слово такого поэта должно быть сохранено, какъ общее достояніе современнаго общества и потомства, — и мы увѣрены, что, помѣщая „Измаила-Бэя“ въ нашемъ журналѣ, дѣлаемъ истинный подарокъ образованной части русской публики, хотя, по причинамъ, отъ насъ не зависящимъ, мы и не могли напечатать *вполнѣ* всю поэму“.

Посвященіе относится, по всей вѣроятности, къ В. А. Лопухиной. Въ нѣкоторыхъ спискахъ имѣется дата „10 мая 1832 г.“, а также эпиграфы къ II и III частямъ поэмы:

1) „High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have,
Thou art the torturer of the brave!“

S. Walter-Scott (Marmion).

2) „She told nor whence, nor why she left behind
Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool!—be still—
Is human love the growth of human will?“

L. Byron (Lara)

Эпиграфъ ко всей повѣсти—изъ „Гяура“ Байрона.

Въ ней сказывается нѣкоторое вліяніе „Конрада Валленрода" („Повѣсти Вайделота") Мицкевича. Срв. „Бояринъ Орша" и „Мцыри". Стихи 1322—1327 срв. „Евгеній Онѣгинъ".

318. Когда, надеждѣ недоступный.

Автографъ Публ. Библіотеки. Впервые напеч. въ „Русск. Стар." 1872, II, 287. Послѣдніе 5 стиховъ перечеркнуты въ рукописи.

319. Онъ былъ въ краю святомъ.

Впервые напеч. въ „Библ. Зап." 1861, № 1, стр. 19.

320. Посреди небесныхъ тѣлъ.

Автографъ Татевскаго архива. Впервые напеч. въ „Библ. Запискахъ" 1858, № 20, стр. 634—635.

321. Юнкерская молитва.

Впервые напеч. въ „Атенеѣ" 1858, № 48, стр. 289. Алеха—А. С. Стукѣевъ, командиръ юнкерскаго эскадрона.

322. На серебряныя шпоры.

Автографъ Лерм. музея (XXI). Впервые напеч. въ „Сарат. Справ. Листкѣ" 1876, № 1.

323. Въ рядахъ мы стояли.

Впервые напеч. Висковатовымъ (I, 243). Подражаніе „На погребеніе англійскаго генерала сира Джона Мура" Козлова.

324. А. А. Ѳ... ву.

Впервые напеч. въ берлинскомъ изданіи 1862 г. Ѳ...въ—А. А. Ѳаддеевъ, одно изъ начальствующихъ лицъ юнкерской школы, ненавистное юнкерамъ. Бараномъ и мародеромъ назвалъ Ѳаддеева ген. Сухозанетъ.

325. Хаджи-Абрекъ.

Впервые напеч. въ „Библ. для Чтенія" 1835, XI, 81—94. По словамъ Бурнашова:

„Разъ какъ то, въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ школѣ, Лермонтовъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ, гдѣ онъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчишкой, написалъ цѣлую маленькую поэмку изъ восточнаго быта, свободную отъ проявленій грязнаго вкуса. И замѣтьте, что по его нѣжной природѣ это вовсе не его жанръ: а онъ себѣ его напускаетъ, и все изъ какого то мальчишескаго удальства, безъ котораго эти господа считаютъ, что кавалеристъ вообще не кавалеристъ, а ужъ особенно, ежели онъ гусаръ. И вотъ, эту то поэмку у Лермонтова какъ то хитростью удалось утащить его кузену Юрьеву. Завладѣвъ этою драгоцѣнностью, Юрьевъ полетѣлъ съ нею къ Сенковскому и прочелъ ее ему вслухъ съ тѣмъ мастерствомъ, о которомъ я уже вамъ говорилъ сейчасъ. Сенковскій былъ въ восторгѣ, просилъ Юрьева сказать автору, что его стихотворенія всѣ, сколько бы онъ ихъ ни давалъ, будутъ напечатаны, лишь бы только цензура разрѣшила. А та то и бѣда, что никакая въ свѣтѣ цензура не можетъ допустить въ печать хотя и очаровательные стихи, но непремѣнно съ множествомъ грязнѣйшихъ подробностей, противъ которыхъ кричитъ чувство

изящнаго вкуса" („Русск. Арх." 1872 г., стлб. 1771—77). Иначе передается о появленіи въ свѣтъ „Хаджи-Абрека" въ Литерат. лѣтописи „Библіот. для Чтен." за октябрь 1842 г., въ разборѣ поэмы „Послѣдній Хеакъ" Вл. Зотова. „Кто нынче не помнитъ, что Лермонтовъ тоже началъ свое поэтическое поприще большою поэмою, подъ названіемъ „Абрекъ", да такою большою, что она могла быть напечатана въ „Библ. для Чт." только въ сокращеніи, съ пропускомъ главнѣйшихъ длиннотъ и страшнѣйшихъ картинъ! Самъ Лермонтовъ впослѣдствіи не помнилъ этого, и въ собраніи его поэтическихъ трудовъ она не явилась. Тщетно уговаривали мы тогда даровитаго Лермонтова не печатать своей *первой поэмы*, увѣряя юнаго поэта, что, если предчувствіе и нѣкоторыя мѣста „Абрека" не обманываютъ насъ, то, сжегши эту поэму и погодя немножко, онъ напишетъ что-нибудь истинно достойное вниманія публики, прекрасное, славное. Юный поэтъ не отставалъ: онъ былъ увѣренъ, что этотъ „Абрекъ" доставитъ ему безсмертіе, и, чтобы удовлетворить эту невинную мечту неопытности, лучшія мѣста „Абрека" были напечатаны. Вскорѣ самъ онъ убѣдился въ основательности совѣтовъ, полученныхъ при этомъ случаѣ, и болѣе не вспоминалъ объ „Абрекѣ", такъ же, какъ и никто изъ цѣнителей таланта, который развился въ немъ впослѣдствіи съ такимъ блескомъ, черезъ постепенное усовершенствованіе".

326. Гошпиталь.

Было помѣщено въ юнкерскомъ журналѣ „Школьная Заря" (1834, № IV), съ подписью „Гр. Діарбекиръ". Цѣликомъ напеч. въ заграничномъ изданіи „Русскій эротъ. Не для дамъ" (1879). Отрывки напеч. въ изд. Висковатова и Введенскаго, откуда и перепечатываются въ настоящемъ изданіи. Въ полномъ видѣ поэма напечатана быть не можетъ. Князь Б.—А. И. Барятинскій, сдѣлавшійся, за эту поэму, злѣйшимъ врагомъ Л—ва; „Лафа"—Н. И. Поливановъ. Какъ и Н. И. Шубинъ, оба они товарищи Л—ва по юнкерской школѣ. Какушкинъ служитель при юнкерской школѣ.

327. Петергофскій праздникъ.

Было помѣщено въ „Школьной Зарѣ" (1834, № IV). Отрывки были напеч. въ „Библ. Зап." 1859, XII, 374—375, берл. изд. 1862, и изд. Висковатова и Введенскаго, откуда и взяты въ наше изданіе. Герой поэмы—юнкеръ Дм. Серг. Бибиковъ.

328. Уланша.

Было помѣщено въ „Школьной Зарѣ" 1834, № IV (Гр. Діарбекиръ). Отрывки были напеч. въ „Атенеѣ" 1858, № 48, „Библ. Зап." 1859, XII, 374—375, изд. Висковатова и Введенскаго, откуда и взяты въ наше изданіе.

Въ поэмѣ описывается ночлегъ юнкеровъ-уланъ въ деревнѣ Ижоркѣ, близъ Петербурга. Ея дѣйствующія лица: Лафа—Н. И. Поливановъ, Разинъ—Александровъ и князь Носъ—кн. І. Шаховской, товарищи Л—ва.

Объ „Уланшѣ" и вообще о „Школьной Зарѣ" даетъ интересныя свѣдѣнія товарищъ М. Ю., Меринскій („Атеней" 1852, № 48, стр. 293): „Зимой, въ началѣ 1834 г., кто то изъ насъ предложилъ издавать въ школѣ журналъ, конечно, рукописный. Всѣ согласились, и вотъ какъ это было. Журналъ долженъ былъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, по середамъ; въ продолженіе семи дней накоплялись статьи. Кто писалъ и хотѣлъ помѣщать свои сочиненія, тотъ клалъ рукопись въ назначенный для того ящикъ одного изъ столиковъ, находившихся при кроватяхъ въ нашихъ каморахъ. Желавшій могъ оставаться не извѣстнымъ. По середамъ вынимались изъ ящика статьи и сшивались, составляя довольно толстую тетрадь, которая вечеромъ въ тотъ же день, при сборѣ всѣхъ насъ, громко прочитывалась. При этомъ смѣхъ и шутки не умолкали. Такихъ нумеровъ жур-

нала набралось нѣсколько. Не знаю, что съ ними сталось [1]; но въ нихъ много было помѣщено стихотвореній Л—ва, правда, большею частью, не совсѣмъ скромныхъ и не подлежащихъ печати, какъ, напр., „Уланша“, „Праздникъ въ Петергофѣ“ и др. „Уланша“ была любимымъ стихотвореніемъ юнкеровъ; вѣроятно, и теперь, въ нынѣшней школѣ, завѣтная тетрадь, тайкомъ, переходитъ изъ рукъ въ руки“.

329. Опять, народные витіи.

Автографъ Чертковской библ. Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1854, май, стр. 5. Пріятель Л—ва С. А. Раевскій, во время допроса по дѣлу о распространеніи стих. М. Ю. на смерть Пушкина, доказывалъ стих. „Опять, народные витіи“ патріотизмъ и вѣрноподданническія чувства поэта: „Л—въ неравнодушенъ къ славѣ и чести своего государя. Услышавъ, что въ какомъ то французскомъ журналѣ напечатаны клеветы на государя императора, Л—въ въ прекрасныхъ стихахъ обнаружилъ русское негодованіе противъ французской безнравственности ихъ палатъ и т. п.; сравнивая государя императора съ благороднѣйшими героями древности, а журналистовъ—съ наемными клеветниками, онъ оканчиваетъ словами:

Такъ, въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда съ тріумфомъ шелъ Фабрицій,
И раздавался по столицѣ
Народа благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ.

Начало стиховъ не помню,—они писаны, кажется, въ 1835 г.,—и тогда я всѣмъ моимъ знакомымъ раздавалъ ихъ по экземпляру съ особеннымъ удовольствіемъ“ („Вѣстникъ Европы“, 1887, I, 339—340).

330. Бояринъ Орша.

Автографы Лерм. музея (XII), Публичной и Чертковской библіотекъ и Академіи Наукъ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, т. XXIII, стр. 1—24, съ такимъ примѣчаніемъ Краевскаго:

„Эта поэма принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ Лермонтова. Она написана была еще въ 1835 году, когда Лермонтовъ только что начиналъ выступать на литературное поприще. Впослѣдствіи, строгій судья собственныхъ произведеній, онъ оставилъ намѣреніе печатать ее, и даже, взявъ изъ нея цѣлыя тирады, преимущественно изъ II главы, включилъ ихъ въ новую свою поэму „Мцыри“, помѣщенную, какъ извѣстно, въ собраніи его стихотвореній въ 1840 году. Рукопись поэмы, данная мнѣ авторомъ еще въ 1837 году, и едва ли не единственная, хранилась у меня до сихъ поръ съ другими, оставленными имъ пьесами. Считая всякое произведеніе Лермонтова драгоцѣнною собственностію русской литературы и не опасаясь упрека въ нескромности, передаю здѣсь публикѣ поэму его, отчасти нечуждую недостатковъ, свойственныхъ таланту начинающему, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блещущую красотами первоклассными“.

Черновые варіанты:

Послѣ 236. Свѣчи дрожащій красный лучъ,
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервавъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ оледенилъ...
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ,

[1]) Копіи нѣкоторыхъ изъ нихъ есть въ Лермонтовскомъ музеѣ.

Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.
После 628. Какъ мертвый образъ божества,
Внимаетъ кликамъ торжества!
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ,
Онъ все—и рабъ, и властелинъ.
Безъ чувства самъ, предметъ страстей,
И выше всѣхъ, и всѣхъ слабѣй.
Послѣ 668. Досада, любопытство, страхъ
Виднѣлись въ постныхъ ихъ чертахъ;
Прошла обѣдня въ суетахъ.
Послѣ 696. Когда жъ бояринъ все узналъ,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой,
Не зря смотрѣлъ онъ предъ собой.
Рука на небо поднялась..
Отъ синихъ губъ оторвалась
Не рѣчь, но звукъ — ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ...
Три дня, три ночи цѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.
Они прошли, — но съ этихъ поръ,
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ..
Послѣ 1009. Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли!..
Одежды длинной лоскутокъ,
Который, сгнивъ, увялъ, поблекъ.
1039—1041. Жить и страдать теперь на что?
Она — ничто и все — ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнитъ судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь — не бѣда:
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда!
803—20. Съ пятью рабами бился онъ,
Противу нашихъ удальцовъ,
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!
Напрасно онъ взывалъ къ своимъ,—
Его все войско было съ нимъ,
Здѣсь, сквозь толпу издалека,
Я видѣлъ кудри старика.
(Играли съ вѣтромъ: и рука)
Я видѣлъ, какъ его рука
(Я трижды видѣлъ, какъ рука)
Съ мечомъ три раза поднялась
И опустилась; каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней струей бѣжала кровь.
Четвертый взмахъ я тщетно ждалъ,
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ...

. . . .

Умолкъ, и слышитъ слабый стонъ,
Взглянулъ и вздрогнулъ: это онъ,
Такъ точно, передъ нимъ лежитъ,
Лишь трупами полузарытъ,
Въ снѣгу, съ изрубленнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ,
Бояринъ Орша... Кровь ручьемъ
Бѣжала по его лицу...
Онъ приближаясь (ужъ) къ концу,
Читалъ молитву про себя,
Устами тихо шевеля...
И взоръ пронзительный тогда,
Глубокій взоръ, гдѣ месть, вражда
И все (все то), чѣмъ ядовитъ упрекъ,
Все то, что въ людяхъ проклялъ Богъ,
Сливалось хладною струей
(Какой то чудной властелинъ)
Въ какой то лучъ полуземной.
(Въ единой лучъ)...
Взоръ, не встрѣчающій преградъ,
Для жизни гибельный, какъ ядъ,
Безвѣстный всадникъ устремилъ
На жертву тлѣнья и могилъ!..
И этотъ взоръ въ него проникъ:
Очнулся, вздрогнувши, старикъ,
(И будто пробудясь старикъ
Вздрогнувъ открылъ глаза свои),
Главу съ усильемъ приподнялъ
[Приподнялъ (И поднялъ) голову съ земли],
И слабымъ голосомъ сказалъ:
„Да, я узналъ тебя, узналъ“...

. . . .

Эпиграфы: къ первой главѣ—изъ „Паризины“, ко второй и третьей—изъ „Гяура“ Байрона. Срв. „Исповѣдь“ и „Мцыри“.

331. Умирающій гладіаторъ.

Автографъ Лерм. музея (XV, 10). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1842, XXI, 378. Послѣ 21 стиха въ автографѣ зачеркнуто (напеч. въ „Руси“ 1884, № 5):

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ, — игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ,
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья,
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины,
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья—
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны...

Подражаніе 140 и 141 строфамъ 4-й пѣсни „Чайльдъ-Гарольда“ Байрона.

332. Русалка.

Автографъ Лерм. музея (XV, 1). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, III, 131 – 132. Вошло въ изд. стих. 1840.

Варіанты:

14. Завернутъ въ студеный покровъ.
20. Непонятной печали полна.
27. И, шумя и крутясь, колебала рѣка.

333. Еврейская мелодія.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, IV, 80. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Переводъ „My soul is dark“ Байрона.

334. Въ альбомъ.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, IV, 81. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Переводъ „Lines written in un Album at Malta“. Байрона До Л—ва это стихотвореніе переводили И. И. Козловъ, кн. П. А. Вяземскій, А. Бистромъ, Ѳ. И. Тютчевъ, М. Сухановъ и П. Шкляревскій.

335. Вѣтка Палестины.

Автографъ Лерм. музея (XV, 8). Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1839, III, 275—276. Вошло въ изд. стих. 1840 г. (съ датой—1836 г.). По словамъ А. Н. Муравьева („Знакомство съ русскими поэтами“, Кіевъ, 1871, стр. 23—24), стихотвореніе это было написано Л—вымъ у него, въ разгаръ исторіи по поводу стихотворенія на смерть Пушкина: „я поспѣшилъ къ Л—ву, чтобы его успокоить, и, не заставъ дома, написалъ ему... Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ просилъ моего заступленія, потому что ему грозила опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи: „Вѣтка Палестины“, которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ Палестинскихъ пальмъ, привезенныхъ мною съ Востока“. Срв. „Цвѣтокъ“ Пушкина. Пальмовая вѣтка Муравьева принадлежитъ теперь великому князю Константину Константиновичу.

336. Къ портрету стараго гусляра.

Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1843, XXXI, 194.

Ник. Ив. Бухаровъ—товарищъ Л—ва по лейбъ-гвардіи гусарскому полку.

237. Бухарову.

Впервые напеч. въ „Молодикѣ“ 1844 г. (стр. 9).

338. Сашка.

Впервые напеч. цѣликомъ въ „Русской Мысли“ 1882, I. Автографъ Публ. Библ. даетъ интересные черновые наброски поэмы:

1.

Его отецъ богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ (согласно съ модой), вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ, парижскій (губернскій, придворный) Адонисъ,

Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой (крѣпкой) гильотинѣ;
Онъ молча проклялъ вольность и народъ (добрый свой народъ).
(И натощакъ отправился въ походъ)
И Мирабо и весь его причетъ
(Его вождей и глупый ихъ причетъ)
(Марата и Робеспьера).
Потомъ, взявъ трость и сумочку, отъ скуки,
(Потомъ конвента... Онъ, назвавши дураками, отъ скуки)
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

2.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища мятежныя (мятежнаго Парижа), про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца. Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье
(Носился онъ тревожною мечтою);
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ (тяжелое) паденье,
Межъ тѣмъ, какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: „да здравствуетъ законъ!"
И, въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

3.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ...
(Народъ жужжалъ...)
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея.—Народъ
Рукоплескалъ.—Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя,
И голова, носившая... вѣнецъ,
(Безмолвно) склонилася на плаху... о, Творецъ!..
(Она невинна, ея душа чиста)
Одумайтесь хоть разъ еще, злодѣи!
Взгляните вы на нѣжность этой шеи!..

4 (5).

Напрасно! (всѣ глаза) милліоны глазъ
Устремлены съ судейскимъ хладнокровьемъ
(Съ холодностью судей, молчаливымъ хладнокровьемъ)
На королеву...
И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира;
И ты, поэтъ! высокаго чела
Не уберегъ — твоя живая лира [1])
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою —
Слова, мечты съ надеждой и тоскою...
Напрасно! (негодованіе) ты прошелъ кровавой путь,

[1]) Андрей Шенье.

Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный (рѣзкой), ни смѣхъ холодный
(Ни хладной смѣхъ презрѣнья)
Не посѣтилъ — и ты (въ послѣднее мгновенье) погибъ безплодно...

4.

Взгляните на величественный...
На эту гр...
Достойно...
Оно прошло...
Ничто...
Вкругъ...

5.

И Франція (погибла!) упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ (тирановъ), бездушныхъ и ничтожныхъ (безпощадныхъ)
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой.
[И что жъ? толпа крестьянъ (въ негодованьи), безвѣстныхъ, мирныхъ
Вооружилась...]
Трехцвѣтныя знамена (горделиво) величаво
Изъ стана въ станъ неслись на пиръ кровавой...
Но наконецъ, Вандея, ты одна
Изгнанникамъ осталася вѣрна,
Твой первый крикъ съ твоимъ послѣднимъ стономъ
Всегда былъ вѣрность и любовь къ Бурбонамъ!
[Но (лишь) ты, Вандея, бѣдная страна
Упавшимъ ты осталася вѣрна,
Твой первый крикъ и стонъ послѣдній
Были бы вѣрность въ клятвѣ
И любовь къ Бурбонамъ].
Межъ тѣмъ какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
Я въ этомъ тонѣ могъ бы продолжать,
Не истощивъ предмета,—но писать
Объ томъ, что было двѣсти разъ въ газетахъ,
Смѣшно,—тѣмъ больше объ такихъ предметахъ!

6.

Къ тому же я совсѣмъ не моралистъ
(Благодѣяній въ злѣ мірскомъ не вижу,
А попросту люблю, кто сердцемъ чистъ,
И лютости и злобу ненавижу).
Ни блага въ злѣ, ни зла въ добрѣ не вижу.
Я палачу не дамъ похвальной листъ,
Но клеветой героя не унижу!
Ни плескъ восторга, ни насмѣшки свистъ
Не созданы для мертвыхъ. Царь иль воинъ,
Хоть онъ отличья иногда достоинъ,
Но, вѣрно, намъ за тяжкій мавзолей
Не благодаренъ въ комнаткѣ своей,
И, длиннымъ одамъ внемля поневолѣ,
Зѣвая, вспоминаетъ о престолѣ.

7.

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть свой трупъ въ пустыню, и высоко
Курганъ надъ нимъ насыпать, и—любви
Символъ ненарушимый-—одинокой
Поставить крестъ; быть можетъ, издали,
Когда туманъ протянется въ долинѣ,
Иль сводъ небесъ взбунтуется, къ вершинѣ
Гостепріимный нищій пѣшеходъ,
Его замѣтивъ, медленно придетъ
И, отряхнувши посохъ, безнадежнѣй
Вздохнетъ о жизни будущей и прежней,

8.

И проклянетъ, склонясь на крестъ святой,
Людей и небо, время и природу,
И проклянетъ грозы безсильный вой,
И пылкихъ мыслей тщетную свободу...
Но нѣтъ! къ чему мнѣ слушать плачъ людской,
На что мнѣ черный крестъ, курганъ, гробница!
Пусть отдадутъ меня стихіямъ! Птица
И звѣрь, огонь и вѣтеръ и земля
Раздѣлятъ прахъ мой. И душа моя
Съ душой вселенной, какъ эфиръ съ эфиромъ,
Сольется и развѣется надъ міромъ!

9.

(Тогда я буду счастливъ!
Подобно чашѣ съ ядомъ).
Пускай отъ сердца, полнаго тоской
И желчью тайныхъ тщетныхъ сожалѣній,
Подобно чашѣ, ядомъ налитой,
Слѣдовъ не остается; безъ волненій (сожалѣнья)
(И слезъ) Я выпилъ ядъ—по каплѣ, ни одной
Не проронивъ; но люди не видали
Въ лицѣ моемъ ни страха, ни печали,
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
(Смертельнымъ) тѣмъ самымъ ядомъ—и по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести.

10.

(Но это мнѣ наскучило! я снялъ,
Я разорвалъ обманчивую маску).
Но кончимъ этотъ скучный эпизодъ!
И обратимся къ нашему герою.
Онъ не имѣлъ ни горя, ни заботъ
Житейскихъ, и невинною душою
Искалъ страстей, какъ пищи. Длинный годъ
Провелъ онъ среди книгъ, исторій,
(Съ учителемъ провелъ онъ средь исторій)
(Прошелъ среди уроковъ, книгъ французскихъ)
Грамматикъ, географій и теорій
Всѣхъ (какихъ) философій міра. Пять системъ

Имѣлъ маркизъ, а на вопросъ: зачѣмъ?
Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно:
„Monsieur, c'est mon affaire“ (такъ мнѣ угодно).

11.

Но Саша не внималъ его словамъ,—
Разсѣянно въ тетрадкѣ (межъ) надъ строками
Его рука чертила здѣсь и тамъ
Какой то женскій профиль, и очами,
Горящими подобно двумъ звѣздамъ,
Онъ долго на него взиралъ (мгновенно) и нѣжно
Вздыхалъ и хоронилъ его прилежно
Между листовъ, какъ тайный милый кладъ,
Залогъ надеждъ и будущихъ наградъ,
Какъ прячутъ иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку.

12.

Но кто жъ она? Что пользы ей вскрутить
Неопытную голову, впервые
Сердечный миръ дыханьемъ (отравить) возмутить
И взволновать надежды огневыя?
(Что пользы ей) къ чему?—Онъ слишкомъ молодъ, чтобъ любить
Со всѣмъ искусствомъ (моднаго) древняго Фоблаза;
Его (душа) любовь, какъ снѣгъ вершинъ Кавказа,
Чиста, тепла, какъ небо южныхъ странъ.
Ему ль платить обманомъ за обманъ?
Но кто жъ она?—Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка!

13.

И мудрено ль?—Четырнадцати лѣтъ
Я самъ страдалъ отъ каждой женской рожи
И простодушно увѣрялъ весь свѣтъ,
Что другъ на дружку всѣ онѣ похожи;
Волнующихся персей нѣжный (алый) цвѣтъ
И (свѣжихъ, пурпурныхъ) алыхъ устъ горячее дыханье
Родили въ Сашѣ новое желанье:
Онъ трепеталъ, когда его рука
Ея одеждъ касалася слегка,
Но лишь въ мечтахъ онъ видѣлъ безъ покрова
Все, что для насъ, конечно, ужъ не ново...
(И даже часто мысленно въ пустынѣ
Наединѣ бродилъ съ своей богиней)
(Лежалъ, склонясь на грудь своей богини)
(И въ чудныхъ снахъ ...ный взоръ
И чувствовалъ....)
Онъ потерялъ и сонъ, и аппетитъ,
Молчалъ весь день (и бредилъ ночью, словомъ) и бредилъ въ ночь; бывало
По коридору бродитъ и грустить
И ждетъ, чтобъ платье мимо прошуршало,
Чтобъ ясный (нѣжный) взоръ мелькнулъ. (Сердитый) Суровый видъ
Принявъ, онъ иногда (мечталъ героемъ) улыбкой хладной
(Отдѣлаться отъ сердца) Отвѣтствовалъ на взоръ отрадной.

Но съ сердцемъ страхъ невыгодна борьба:
Оно капризно, глупо—какъ судьба.
Итакъ, мой (Сашка) Саша кончилъ съ нимъ возиться
И положилъ съ Маврушей объясниться.

15.

Случилось это лѣтомъ, въ знойной день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль, отъ трубъ высокихъ тѣнь
Ложилася на крышахъ полосами,
И паръ съ камней струился. Сонъ и лѣнь
Вполнѣ Симбирскомъ овладѣли; даже
Катилась Волга медленнѣй и глаже.
Въ саду, въ бесѣдкѣ темной и сырой
Лежалъ полураздѣтый нашъ герой
И размышлялъ о тайнѣ съединенья
Двухъ душъ—предметъ, достойный размышленья!

16.

Вдругъ слышитъ онъ: направо, за кустомъ
Сирени (знакомый) шорохъ платья и дыханье
Волнующейся груди и потомъ
Чуть внятный звукъ, похожій на лобзанье...
Какъ Сашѣ быть? Забилось сердце въ немъ,
Какъ маятникъ. Безъ дальнихъ опасеній
Онъ сквозь кусты пустился легче тѣни...
Трещатъ и гнутся вѣтви подъ рукой...
(И вдругъ онъ видитъ что жъ?..
Иванъ Ильичъ, старикъ сѣдой и грубый,
Маврушу вдругъ цалуетъ прямо въ губы...
. . . .
. . . .
. . . .
У Саши закружилось въ головѣ,
Какъ будто рой ужасныхъ привидѣній
Промчался мимо)...
И вдругъ предъ нимъ съ Маврушей молодой
(Лежитъ... увы!) Обнявшися въ тѣни цвѣтущей вишни
Иванъ Ильичъ... (Прости ему, Всевышній!)

17.

(И протянувшись) Увы!—покоясь на травѣ густой,
Проказникъ старый обнималъ безстыдно
Упругій станъ подъ юбкою простой
И не жалѣлъ ни ручки миловидной,
Ни круглыхъ персей, дышащихъ весной...
. . . .
. . . .
Онъ всталъ, вздохнулъ (задумчиво) -нельзя же не вздохнуть -
Склоня главу съ досадою на грудь,
. . . . . (онъ всталъ, покашлялъ) и пустился въ путь,
Оставивъ тутъ обманутую дѣву,
Какъ Аріадну, преданную гнѣву.

18.

И есть за что, не спорю. Между тѣмъ,
Что дѣлалъ Саша?—Съ неподвижнымъ взглядомъ,
Какъ бѣлой (мертвый) мраморъ, холоденъ и нѣмъ...

Первоначально поэма начиналась такъ (изд. Введенскаго, II, стр. 252—253 и Висковатова, II, 345—346).

1.

Свои записки нынѣ пишутъ всѣ,
И тотъ, кто славно жилъ и умеръ славно,
И тотъ, кто кончилъ жизнь на колесѣ;
И каждый лжетъ, хоть часто слишкомъ явно,
Чтобъ выставить себя во всей красѣ.
Увы!—Дѣла ихъ, чувства, мнѣнья
Погибнутъ безъ слѣда въ волнахъ забвенья;
Ни модный слогъ, ни модный фронтисписъ—
Ихъ не спасетъ отъ плѣсени и крысъ;
И хоть пути предшественниковъ склизки,
И я хочу издать мои записки.

2.

Нашъ вѣкъ ужасно страненъ! Все пиши
Ему про добровольныя изгнанья,
Про темныя волненія души,
И только слышно—муки да страданья.
Такія вещи, право, хороши
Тому, кто мало спитъ, кто думать любитъ,
Кто жизнь свою въ воспоминаньяхъ губитъ.
Впадалъ я прежде въ эту слабость самъ,
Но, видя отъ нея лишь вредъ глазамъ,
Минувшее свое, безъ дальней справки,
Я схоронить рѣшился въ книжной лавкѣ.

3.

Печальныхъ много будетъ тутъ вещей,
Но васъ онѣ заставятъ разсмѣяться.—
Когда, уставъ отъ дѣлъ, отъ ласкъ друзей,
Отъ ласкъ жены, случится вамъ остаться
Однимъ, тогда вы книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку:
Онъ дастъ вамъ трубку; мягкую подушку
Вамъ за̀ спину положитъ;—и потомъ,
Раскрывъ по серединѣ первый томъ,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать,—какъ вамъ угодно.

4.

Видѣнья сна замѣнятъ мой разсказъ,
Запутанный и, какъ они, неясный.
И если бъ могъ я спать, то въ этотъ часъ
Съ перомъ въ рукахъ я бъ на яву напрасно
Не бредилъ... Правда, мнѣ не въ первый разъ
Просиживать въ мечтахъ о томъ, что было,

Мучительныя ночи... Тайной силой
Я былъ лишенъ отъ первыхъ дѣтскихъ лѣтъ
Забвенья жизни и забвенья бѣдъ...
И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшія печали.

5.

Сонъ—благо, даръ небесъ, когда онъ тихъ
Безропотно, какъ смерть, какъ отдыхъ рая,
Но, признаюсь я, часто для иныхъ
Карикатура жизни—жизнь вторая:
Не лучше первой, полная нѣмыхъ
И безпокойныхъ образовъ другого
Таинственнаго міра, неземного;
Смущенная душа раздѣлена
Между...... и призраками сна,
Блуждаетъ въ мірѣ вымысла безъ пищи,
Какъ лазарони, а по-русски нищій...

. . . .

15.

. . . .

Она сидѣла молча и небрежно...
Въ отвѣтъ на рѣчь подруги иногда
Изъ устъ ея пустое *нѣтъ* иль *да*
Съ улыбкой вырывалось... Наконецъ, рукою
Она смѣшала карты предъ собою.

16.

. . . .

А мать, какъ слышалъ, краковская полька—
И страннаго по мнѣ тутъ нѣтъ нисколько...

17.

. . . .

И онъ былъ радъ, что умеръ не подъ палкой,
Что, признаюсь, мнѣ, право, очень жалко.

Поэма написана подъ вліяніемъ „Донъ-Жуана" Байрона и „Сашки" А. И. Полежаева. Строфа 7—сравн. „Два великана". Строфы 24—26—намеки на В. А. Лопухину.

339. Монго.

Впервые напеч. въ „Библ. Зап." 1859 г., № 12, и 1861 г., № 20. Монго—А. А. Столыпинъ, ухаживавшій тогда за балериной Е. Е. Пименовой. Маёшка—Лермонтовъ (отъ Monsieur Mayeux, фантастическаго урода, героя французскихъ карикатуръ 30-хъ годовъ). Въ поэмѣ описано одно изъ лагерныхъ приключеній (поѣздка на дачу Пименовой, около Петергофа).

340. Смерть поэта.

Автографъ Публ. Библ. и Татевскаго архива. Впервые напеч. въ „Библ. Зап." 1858, № 20, стр. 635—636 (и 1861, № 3). Черновые варіанты:

Послѣ 33. Его душа въ краю чужомъ
(Его душа въ заботахъ свѣта)
Ни разу не была согрѣта

Восторгомъ русскаго поэта,
Глубокимъ, пламеннымъ стихомъ.
Но часъ насталъ—и нѣтъ пѣвца Кавказа
Послѣ 48. И плачетъ сирая Россія.

Эпиграфъ взятъ изъ комедіи Ротру „Venceslas“.

341. Бородино.

Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1837, VI, № 2, стр. 207—211. Вошло въ изд. стих. 1840. Срав. „Поле Бородина“. Стихотвореніе было послано съ Кавказа (Висковатовъ, VI, стр. 259).

342. Узникъ.

Автографъ Лермонт. музея (XV, 2) и Чертковской библ. Впервые напеч. въ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1840, стр. 702—703. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Срав. „Желаніе“. Черновые варіанты:

13—17. Добрый конь безъ сѣдока
Ходитъ мирно въ (красномъ) чистомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, на волѣ;
Топчетъ смѣло, безъ подковъ,
Зелень (дѣвственныхъ) бархатныхъ луговъ.

Написано подъ арестомъ за стихи „На смерть Пушкина“ (какъ и №№ 343, 344, 345).

343. Молитва.

Автографъ Лерм. музея (XV, 5, „Молитва странника“) и Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1840, XI, № 7, стр. 1. Вошло въ изд. стих. 1840 г. Варіанты:

9. Окружи счастіемъ душу достойную.
10. Дай ей простыхъ друзей.

Сравн. „Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю“ Пушкина.

344. Когда волнуется...

Автографъ Румянцевскаго музея и Лерм. музея (XV, 4). Впервые напечат. въ изд. стих. 1840 г. (стр. 161—162).

345. Сосѣдъ.

Автографъ Лерм. музея (XV, 6). Впервые напеч. въ изд. стих. 1840 г. (стр. 163—164).

346. Разстались мы.

Автогр. Лерм. музея (XV, 7) и Чертк. библ. Впервые напеч. въ изд. стих. 1840 г. (стр. 65). Сравн. стих. „Я не люблю тебя“. Послѣдніе два стиха навѣяны Шатобріаномъ (или Мицкевичемъ).

347. Эпиграмма на Кукольника.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1875, IX, 59. Первоначальная редакція:

Сидѣлъ въ театрѣ я одинъ
И молча Скопину дивился;
Когда же занавѣсъ упалъ,

Сосѣдъ мой жалобно сказалъ:
„Какъ жаль, что умеръ нашъ Скопинъ,—
Ну, право, лучше бъ не родился“.

Драма Н. В. Кукольника „Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій“ вышла въ 1835 г. Эпиграмма Л—ва была, вѣроятно, написана не въ 1837 г., а раньше.

348. Гляжу на будущность.

Автографъ Чертковской библ. Впервые напечатано въ альманахѣ „Вчера и Сегодня“, I, 1845, стр. 95.

349. Она поетъ.

Автографъ Чертк. библ. Вперв. напеч. въ „Библ. Зап.“ 1859, II, № 1, стр. 23

350. Кинжалъ.

Автографы Лерм. музея (XV, 19) и Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“, 1841, XVI, іюнь, стр. 234. Черновые варіанты:

Послѣ 5. И очи черныя, твоей подобно стали,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.
И надпись мнѣ твою красавица прочла.
10. Недвижные, но полные печали.

351. Слышу ли голосъ твой.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня“, I, стр. 92.

352. Какъ небеса.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Библ. Зап.“ 1859, II, № 1, стр. 22.

353. Расписку просишь ты.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Рус. Стар.“ 1875, IX, стр. 52. Стихотвореніе относится къ товарищу Л—ва А. Л. Потапову, впослѣдствіи шефу жандармовъ.

354. Казбеку.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ альм. „Вчера и Сегодня“ 1845, I, стр. 93—94. Написано во время возвращенія изъ первой ссылки на Кавказъ.

355. Ребенку.

Впервые напеч. въ „Рус. Архивѣ“ 1864, X, 1088 (и 1867, VII, 1175). Арк. П. Петровъ былъ женатъ на двоюродной теткѣ Л—ва, Хастатовой.

356. Я не хочу.

Автографъ Чертковск. библ. Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня“, I, стр. 94—95.

357. Когда стою.

Автографъ А. П. Еремѣева („Сѣверъ“ 1912, № 1). Впервые напеч. въ „Русск. Вѣстн.“ 1856, № 14, стр. 325—326. Безъ всякихъ основаній приписывалось В. И. Соколовскому. Пріуроченіе къ 1837 г. предположительное. Стихотвореніе не отдѣлано. Срав. „Молитва“.

358. Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ альманахѣ „Вчера и Сегодня“. I, стр. 153. Черновой варіантъ:

6. Я въ мірѣ не найду мятежною душой.

359. Пѣсня про купца Калашникова.

Напеч. впервые въ „Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду“ 1838, № 18, стр. 341—347. Вошла въ изд. стихотв. 1840 г. Такъ какъ Л—въ тогда считался опальнымъ и былъ въ ссылкѣ, цензура не рѣшалась пропустить „Пѣсни“. Напечатана она была благодаря особому ходатайству Жуковскаго, съ подписью „—въ“.

По словамъ Болдакова (Соч. Л—ва, II, 408—409), „покойный Краевскій разсказывалъ... что на его письмо относительно блестящаго успѣха „Пѣсни“, Л—въ съ Кавказа, откуда она была имъ прислана, отвѣчалъ, что хотя ею и восторгаются, а и не знаютъ, что онъ набросалъ ее отъ скуки, чтобы развлечься во время болѣзни, не позволявшей ему выходить изъ комнаты“.

Въ поэмѣ широко использованы образы и пріемы народныхъ былинъ и историческихъ пѣсенъ, съ которыми Л—въ былъ знакомъ, главнымъ образомъ, по сборнику Кирши Данилова. Картина кулачнаго боя навѣяна пѣснями о Мастрюкѣ (или Кастрюкѣ). Л—ву, повидимому, были извѣстны и нѣкоторые ея устные варіанты: есть значительное сходство отдѣльныхъ мѣстъ поэмы съ варіантами этихъ пѣсенъ, которые при жизни Л—ва не были напечатаны (см. Вейнбергъ, Пѣсни про Ивана Грознаго, и Шамбинаго [1]), Пѣсни-памфлеты XVI в.). Стихи 494—505 срв. народную пѣсню „Какъ по крутому по красному по бережку“:

Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой дальной при дороженькѣ,
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ.
. . . .
Буде старъ человѣкъ пойдетъ помолиться,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится.
. . . .
Какъ младъ человѣкъ пойдетъ, въ гусли наиграется.
. . . .

Это геніальное по чувству народности, выдержанности и цѣльности произведеніе, основанное на народныхъ пѣсняхъ о кулачныхъ бояхъ при Грозномъ и его казняхъ, Л—въ съ удивительной проницательностью облекъ въ формы *скоморошьей* пѣсни, прерываемой „прибаутками“.

Русская наука тогда еще совсѣмъ не знала роли скомороховъ въ исторіи народнаго творчества. Л—въ уловилъ общій тонъ скоморошьихъ прибаутокъ въ сборникѣ Кирши Данилова и художественно примѣнилъ ихъ къ своему разсказу, въ которомъ превосходно выдержаны въ народныхъ тонахъ и характеръ царя, и общій духъ той эпохи. Неудачныхъ, не свойственныхъ народной рѣчи выраженій очень мало (напр., „*неприлично* же тебѣ“, „не родилась та рука *заколдованная*“ и проч.).

Кое-что могли дать Л—ву для его поэмы и личныя воспоминанія и наблюденія. См. Висковатовъ, VI, стр. 225, 228—229: „во время пребыванія М. Ю. въ университетѣ произошелъ случай увоза красавицы жены купца, жившаго въ Замоскворѣчьѣ по-старинному. Купецъ торговалъ въ Гостиномъ дворѣ, а хозяйствомъ его завѣдывала старуха. Проживавшій въ Москвѣ послѣ польской кампа-

[1]) См. также статьи объ этой книгѣ гг. Миллера и Соколова въ „Ж. М. Н. Пр.“ и „Вѣстникѣ Европы“ 1913 г.

ніи, оправившійся отъ полученной раны лихой гусаръ, тщетно ухаживавшій за приглянувшейся ему женой купца, похитилъ ее съ улицы, когда она возвращалась изъ церкви. Мужъ отомстилъ за поруганіе семьи и затѣмъ, арестованный, наложилъ на себя руки. Случай этотъ, глубоко затронувшій поэта, остался не безъ вліянія на „пѣсню о купцѣ Калашниковѣ“ [1]). „Интересной иллюстраціей къ настроенію поэта въ годы, когда онъ писалъ свою пѣсню про Іоанна Грознаго, можетъ служить разсказъ о томъ, какъ, побывавъ зимою 1836 г. въ Тарханахъ, Л—въ устраиваетъ между крестьянами кулачный бой. Бои эти существовали въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ и по Волгѣ до послѣдняго времени и только недавно окончательно (?) вывелись. Довольный видѣннымъ боемъ, Л—въ подарилъ крестьянамъ нѣсколько участковъ лѣсу и особенно одарилъ побѣдителя, молодого парня изъ Тарханъ. Видно, поэта занимала картина кулачнаго боя, какъ сильно распространенная въ прошломъ русская національная потѣха. Впрочемъ, забава эта была извѣстна поэту еще съ дѣтскихъ дней. Въ то время кулачные бои происходили зимой на замерзшемъ пруду помѣщичьяго сада въ Тарханахъ“.

360. Тамбовская казначейша.

Автографъ Чертк. библ. (стихи 721—742). Впервые напеч. въ „Современникѣ“ 1838, XI, стр. 149—178. Цензура уничтожила и вездѣ заставила замѣнить точками упоминанія о Тамбовѣ. Мы возстановляемъ заглавіе *самого Лермонтова*, искаженное потомъ цензурой. Стихи 27, 227—228, варіантъ къ 236, стихи 407 и 623—624, выпущенные или измѣненные цензурой, были возстановлены Висковатову А. П. Шанъ-Гиреемъ.

Поэма эта основана на дѣйствительномъ происшествіи.

[1]) См. также „Истор. Вѣстн.“ 1884, сент., стр. 594 и слѣд.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

Отрывки и наброски.

1829 г.

1. Надпись на записной книгѣ.

Владѣльца книги сей
Коль хочетъ кто узнать—
Вотъ имя здѣсь на ней
Изволь внизу читать.

М. Лермантовъ.

2. Югельскій баронъ.

БАЛЛАДА.

(А. М. В—ой).

До разсвѣта поднявшись, перо очинилъ
Знаменитый Югельскій баронъ,
И кусалъ онъ, и рвалъ, и писалъ, и строчилъ
Письмецо къ своей Сашенькѣ онъ.
И онъ крикнулъ: „мой пажъ!.. мой малютка!.. скорѣй!..
Подойди!.. что робѣешь ты такъ...“
И къ нему подошелъ долговязый лакей,
Тридцатипятилѣтній дуракъ.
„Вотъ!.. возьми письмецо ты къ невѣстѣ моей
И на почту его отнеси!
И потомъ пироговъ, сухарей, кренделей,
Чего хочешь въ награду проси!“
—„Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокій баронъ,
А захочешь узнать, я скажу почему...
Нѣтъ! ужъ лучше смолчать...“—И поклонъ.
„Пажъ!.. хочу я узнать!“—„Нѣтъ, позволь мнѣ смолчать!..“—
„Говори!“—„За невѣстой твоей
Обожателей рать кто бы могъ сосчитать?
И въ разлукѣ ты ввѣрился ей!
Не дѣвица ль она?.. и одна ли вѣрна?..
Намъ ли думать: на сѣверѣ тамъ
Все вздыхаетъ она, одинока, блѣдна;

Намъ ли вѣровать женскимъ словамъ?!
Иль одинъ обольщенъ, изумленъ, увлеченъ
Ты невѣстою милой своей?..
Нѣтъ!.. высокій баронъ, ты порой мнѣ смѣшонъ,
И письма не отправлю я къ ней..."—
Разсмѣялся баронъ,—такъ увѣренъ былъ онъ.
„Ты, малютка, мой пажъ молодой!
Знай! ты самъ ослѣпленъ! Знай, у сѣверныхъ женъ
Не въ размолвкѣ обѣты съ душой!
Тамъ дѣвица вѣрна, постоянна жена!—
Сѣверъ силой ли только великъ?..
Жизнь тамъ вѣры полна, счастья тамъ сторона,
И послушенъ тамъ сердца языкъ!
Мелкихъ птицъ, какъ вездѣ, нѣтъ въ орлиномъ гнѣздѣ.
Тамъ я выбралъ невѣсту себѣ,—
Не измѣнитъ нигдѣ"...

3. * * *.

Какая сладость въ мысли: я отецъ!
Такъ говорятъ (иль думаютъ) иные,
Когда съ невѣстой идутъ подъ вѣнецъ,
Когда на ложѣ съ трепетомъ впервые
Они кладутъ невинности конецъ.
Но горе имъ! въ любви бѣда излишекъ...
Толпа слюнявыхъ, скверныхъ ребятишекъ
Ихъ окружитъ, какъ шумныхъ пчелъ семья.
Не свяжешь ихъ. Не женитесь, друзья!
Но безъ женитьбы какъ людское сѣмя
Намъ продолжать?—о томъ въ другое время...
Таинственная цѣль есть у людей.
Различными невѣрными путями
Къ ней идутъ всѣ подъ ношею страстей,
Къ ней идутъ всѣ со смѣхомъ и слезами,
Но отстаютъ отцы отъ сыновей.
Любовь отца не встрѣтитъ той же въ сынѣ,
Живыя мысли все живутъ: въ чужбинѣ,
На полѣ битвы или подъ окномъ,
Гдѣ видѣлъ онъ головку вечеркомъ,
И шаль, и локоть ручки бѣлоснѣжной,
Склонившейся на край окна небрежно...

4. * * *.

. . . .
Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой,
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: „онъ любилъ отчизну!"
Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды,
И не найдутъ среди людей.
Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ,
И, услыхавъ твое названье,
Твой сынъ душою закипитъ.

5. ***.

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Капгаръ (?) молодой туксусъ (?)...

6. ***.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ахмедъ-Ибрагимъ,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча предъ нимъ.
И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О, слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!..

7. ***.

Dans les voeux, qu'on vous adresse,
Que les miens soient exaucés.
Ils sont dictés par la tendresse,
Mieux sentis que bien exprimés;
Vous souhaiter bonheur durable,
Tout celui que vous méritez,
Lors qu'on est comme vous aimable,
Le trop n'est pas même assez.

Ah! quel plaisir de te (vous) revoir,
Lieux chéris de mon enfance,
Ah! quel plaisir de vous revoir,
Après une aussi longue absence.
Séjour de ma jeunesse,
De mes premiers plaisirs,
...Je vis sans cesse
De mes vieux souvenirs.
Mais, amis, quelle ivresse!
Pour mon coeur quel plaisir!

De cette erreur où le sommeil me plonge,
Pourquoi voudrais-tu me priver?
Le bonheur n'existe qu'en songe,
Et je m'endors pour le trouver.

La guerre est ma patrie,
Mon harnois—ma maison.
Et en toute saison
Combattre c'est ma vie.

Je vous excuse facilement de ne m'avoir point écrit, car vous avez, j'espère, quelque chose de mieux à faire; quant à moi vous devez me pardonner de solliciter si souvent votre attention, parce que je n'ai en ce moment rien qui vienne le

placer entre vous et mes lettres. ...Je ne suis pas tout-à-fait seul maintenant; j'ai avec moi une vieille connaissance, un camarade, mais si *ancien*, que nous n'avons rien de *nouveau* à nous dire sur aucun sujet, et que nous baillons au nez l'un de l'autre dans une sorte de *quiète inquiétude*. Je n'entends parler ni de N, ni du capitaine N. avec leur *in-quarto*. Dieu ait pitié de la pauvre humanité! Nous allons fondre sur elle comme Cerbère avec nos trois livres.

Quant à moi qui vais paraître accompagné de *moi-même*, je me contente d'être comparé à Janus. Je ne suis pas du tout satisfait de N. qui s'est. ...Je suis arrivé en ville hier soir et je serai très aise de vous voir, quand cella vous sera agrèable.

Croyez moi très sincèrement.
Tout à Tous.

— Hier justement ayant acheté quatre chevaux russes que je viens d'envoyer à la campagne, dans ce moment je n'ai plus besoin de chevaux—et je suis faché de ne pas pouvoir faire usage des vôtres.

Je sous prie, M-r, d'agréer l'assurance de mon estime la plus parfaite avec la quelle je suis...

— Monsieur, me dit-il assez haut, vous n'avez point voulu parler sur cette affaire quand on vous en priait ainsi, à present vous fairiez mieux de vous taire. — Je lui repliquai que ce ne serait jamais lui qui pourrait m'imposer silence. Après le diner je lui dis: Vous m'avez tenu un propos offensant parce que votre emportement vous à ôté toute rèflexion. Vous avez dix aus de plus que moi. Votre réputation est faite et trop faite par vingt combats; la mienne ne fait que s'établir. Vous sentez qu'il me faut une satisfaction, et il en est de deux genres: Vous pouvez tout finir, si vous le voulez, en disant devant nos convives qui sont tous vos amis que vous vous reprochez votre vivacité, n'ayant eu aucune intention de m'offenser. Si je n'obtiens pas cette satisfaction, vous savez qu'il m'en faudra une autre. — Je n'en ai point à vous donner. „Eh bien, demain à sept heures du matin, j'irai chez vous pour vous demander raison d'une si étrange conduite“.

Je vous souhaite un hon voyage, ma chère cousine, et je vous prie de remetre ce paquet à ma cousine N. Je vais à la messe, et ne manquerai pas de faire un signe de croix quand on priera [illegible]. Car je predis que vous voyagerez à la nage par ce mauvais chemin.

8. Наводненіе.

И день насталъ, и истощилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы,
И быстро поднялися волны,
Сначала мрачны и безмолвны.
И царь смотрѣлъ; и, окруженъ
Толпой льстецовъ, смѣялся онъ;
И царедворцы говорили:
„Не бойся, царь... мы здѣсь... Вели,
Чтобъ берега твоей земли
Стихію злую отразили;
Ты знаешь, царь, къ борьбѣ такой
Привыкъ гранитный городъ твой“.
И гордо царь махнулъ рукою,
И раздался его приказъ.

Вотъ ждетъ, довольный самъ собою,
Что море спрячется какъ разъ.
Дружины вольныя не внемлютъ,
Встаютъ, ревутъ, дворецъ объемлютъ...
Онъ понялъ, что прошла пора,
Когда мгновенный визгъ ядра,
Лишь надъ толпою прокатился,
И рой мятежныхъ разогналъ...
И тутъ то царь затрепеталъ
И къ царедворцамъ обратился...
Но пустъ и мраченъ былъ дворецъ,
И ждетъ одинъ онъ свой конецъ.
И гордо онъ на крышу всходитъ
Столѣтнихъ царственныхъ палатъ
И сокрушенный взоръ возводитъ
На свой великій, пышный градъ...
. . . .

9. Kleine Betrachtungen.

Ich bin an meinem Lande kein Verräther,
Und nicht unwürdig bin ich meiner Väter,
Weil ich nicht euch in allen Stücken gleiche
Und nicht wie ihr auf fremden Krücken schleiche!

Weil ich bei ihrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten,
Und mich nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrot bin,
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe!

Sie haben recht,—der Teufel mag's verstehen—
Am schnellsten gehn bei uns, die rückwärts gehen,
Weil schneller sie zu ihrem Ziele kommen,
Als ich der vorwärts seinen Weg genommen!

Gott segnete mit Augen mich und Füssen—
Doch als ich auf den Füssen gehen wollte,
Und als ich mit den Augen sehen wollte,
Musst ich's im Kerker als Verbrechen büssen.

Gott gab mir eine Zunge, aber als
Ich reden wollte, ging's mir an den Hals!
Es ist ein eigen Ding in meinem Land
Und wundersamer Brauch im Schwunge hier:
Der Kluge braucht zur Dummheit den Verstand
Zum Schweigen seine Zunge hier!

10. Kleine Einfälle und Ausfälle.

Sie haben mich gepeinigt,
Weil ich zu denken wagte,
Sie haben mich gesteinigt.

Weil ich mein Denken sagte.
Weil ich es sang in Liedern
Voll Wahrheit und voll Gluth,
Sie konnten Nichts erwidern,
Daher die ganze Wuth!

Die ich mit Füssen getreten,
Weil ich sie als Esel gekannt,
Die mich um Verzeihung gebeten,
Weil ich sie Esel genannt:
Ihr, deren ganze Kunst war
Feig zu gefallen mir,
Als ich noch hoch in Gunst war
Ein schmucker Kavalier:
Wie seid ihr anders worden,
Wie geht ihr stolz einher
Im Glanze eurer Orden,
Als kennt ihr mich nicht mehr!

Die Zeit hat sich verändert,
Die ihr euch tief gebückt:
Ihr seid jetzt bunt bebändert,
Mit Sternen und Orden geschmückt.
Geht mir nur blind für mich vorbei,
So schont ihr meine Nerven,
Und spart mir die ekle Mühe dabei
Euch aus der Thüre zu werfen.

Ich neide euch nicht eure Orden,
Noch euren geschmeidigen Rücken —
Beneide nicht was ihr geworden
Durch Kriechen und durch Bücken.
Geniesst das Glück in Demuthlust,
So ist der Dinge Lauf:
Der Eine trägt es in der Brust,
Der And're trägt's darauf.

Und mag man mich verklagen,
Und mag man mit mir rechten:
Ich wasche mich nicht rein —
Doch dies kann ich euch sagen:
Nie hielt' ich's mit dem Schlechten,
Nie macht' ich mich gemein.

Ihr wolltet mich nicht verstehen,
Ihr habt mir Alles genommen:
Nur nicht meinen Stolz und Muth!
Geschlechter kommen und gehen,
Geschlechter gehen und kommen,
Und dieser Wechsel ist gut:
Denn ihr auch werdet vergehen,
Und Andere werden kommen,
Ein neues, gereinigtes Blut —
Die werden mich verstehen,
Wenn sie mein Wort vernommen,
Und dieses Verständniss ist gut.

Mein Auge war klar wie deines
Das mir so selig lacht —
Mein Herz war warm wie eines,
Man hat es kalt gemacht.
Nichts Gutes ist mir geblieben,
Ich musste von Allem lassen —
Der Himmel lehrtemich lieben,
Die Menschen lehrten mich hassen.

Wie hab'ich geglüht für das Schöne
In seliger Sängerlust —
Wie klangen die Liedestöne
Gewaltig aus meiner Brust!
Ich kämpfte in stolzem Muthe
Mit gutem Fug und Recht
Für alles Wahre und Gute —
Das schien euch schlimm und schlecht:
Ihr habt meine Leier verschlagen,
Mich meiner Freiheit beraubt,
Durch lange Kerkerplagen
Gebleicht mein junges Haupt.
Da ward durch lange Betrachtung,
Der keine Macht gewährt,
In grenzenlose Verachtung
Mein Hass zu euch gekehrt.
Ihr habt euch in allen Grössen
Als gute Schergen gezeigt,
Mir Achtung einzuflössen —
Das habt ihr nicht erreicht!

Ein einziges Wort der Gnade,
Ein einziges Wort der Reue
Eröffnete mir die Pfade
Der alten Gunst auf's Neue:
Doch lieber zusammenbreche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh'ich ein Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

Wohl ohne mein Verschulden
Geduldet hab' ich genug,
Und frei sein möcht ich nun —
Doch lieber will ich dulden
Noch mehr, als durch Verschulden
In eurem Lug und Trug
Euch, Herrn, es gleichzuthun!

Klagt nicht ob meinem Verhängniss
Nicht, dass die Frommen und Reinen
Mich von sich ausgestossen!
Ihr auch wohnt im Gefängniss:
Ich wohne in einem kleinen,
Ihr wohnt in einem grossen!

Klagt nicht ob meinem Leiden
In diesen Kerkermauern —

Ich lasse euch eure Freuden,
Und schenke euch euer Bedauern.

11. Hinaus.

Wild heulen die Donner,
Laut prasselt der Regen,
Bang fliehen die Menschen
Von Aeckern und Wegen —
Sie suchen nach Obdach
Im schützenden Haus; —
Ich möchte hinaus
Aus dem schützenden Haus!
Ich möchte hinaus,
Und lieber verkommen
In Stürmen und Blitzen,
Im Wetter und Graus,
Als länger hier sitzen
Im schützenden Haus —
Ich möchte hinaus!

12. Le blessé.

Voyez-vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, près du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul coeur ait pitié,
Mais ce qui doublement fait saigner sa blessure,
Ce qui lui fait au coeur la plus âpre morsure,
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.

13. Переводы М. Ю. Лермонтова (изъ Байрона).

1. Мракъ. (Тьма.)

Я видѣлъ сонъ, который не совсѣмъ былъ сонъ. Блестящее солнце потухло, и звѣзды темныя (въ темнотѣ) блуждали по безпредѣльному пространству, безъ пути, безъ лучей; и оледенѣлая земля плавала (повисла), слѣпая и черная, въ безлунномъ воздухѣ. Утро пришло и ушло, и опять пришло, и не принесло дня. Люди забыли о своихъ страстяхъ въ страхѣ и отчаяніи; и всѣ сердца охладѣли, сливались вмѣстѣ въ одной молитвѣ (чтобы молить) о свѣтѣ. Люди жили при огняхъ,—и престолы, дворцы вѣнценосныхъ царей, хижины, жилища всѣхъ населенцевъ міра истлѣли вмѣсто маяковъ; города развалились въ пепелъ, и люди толпились вкругъ домовъ горящихъ, чтобъ еще разъ посмотрѣть другъ на друга. Счастливы были жившіе противу вулкановъ, сихъ горныхъ факеловъ. Одна боязненная (невѣрная) надежда поддерживала міръ (свѣтъ). Лѣса были зажжены, но часъ за часомъ они падали и гибли, и треща гасли пни, и все было мрачно (черно). Чела людей—при отчаянномъ свѣтѣ—имѣли видъ чего то неземного, когда случайно (нечаянно) иногда искры на нихъ упадали. Иные ложились на землю и закрывали глаза и плакали; иные положили бороду (склоня голову) на сложенныя руки и улыбались; а другіе толпились туда и сюда и поддерживали въ погребальныхъ кострахъ пламя, и съ безумнымъ безпокойствомъ устремляли (поднимали) очи на печальное небо, подобно савану одѣвшее мертвый міръ, и потомъ съ проклятьями снова обращали ихъ на пыльную землю, и скрежетали зубами и выли. И (дикія) птицы (метались съ крикомъ на поверхности земли) кидали пронзительные крики и метались по поверхности земли и били тщетными крылами.

Лютѣйшіе звѣри сдѣлались смирны и боязливы; и змѣи, ползая, увивались межъ (людьми) толпы, шипѣли, но не уязвляли,—ихъ убивали на съѣденье люди. И война, уснувшая ранѣе, съ новой силой возобновилась... Пища покупалась кровью, и каждый печально и одиноко сидѣлъ, насыщаясь въ темнотѣ. Не оставалось любви. Вся земля имѣла одну мысль: это—смерть, близкая и безславная. Судороги голода завладѣли утробами. Люди умирали, и мясо и кости ихъ непогребенныя валялись. Тощіе (худые) были съѣдены тощими (худыми). Псы нападали (грызли) даже на своихъ хозяевъ, всѣ—кромѣ одного. И онъ былъ вѣренъ его трупу и отгонялъ съ лаемъ птицъ, и звѣрей, и людей голодныхъ, пока голодъ не изнурялъ, или новый трупъ не привлекалъ ихъ алчность; онъ самъ не искалъ пищи, но съ жалобнымъ (скорбнымъ) и протяжнымъ воемъ и съ пронзительнымъ лаемъ лизалъ руку, не отвѣчавшую его ласкѣ,—и умеръ. Толпа постепенно рѣдѣла: лишь двое изъ обширнаго города остались въ-живѣ, —и это были враги. Они встрѣтились у пепла алтаря, гдѣ грудой лежали оскверненныя церковныя утвари (священные сосуды). Они разгребали и, дрожа, подымали хладными сухими руками теплый пепелъ, и слабое дыханіе немного продержалось (но и слабый свѣтъ не долго жилъ) и произвело какъ бы насмѣшливый, чуть видный огонекъ. Тогда они подняли глаза при бо́льшемъ свѣтѣ, увидали другъ друга—увидали, и издали вопль (крикъ), и умерли. Отъ собственнаго безобразія они умерли, не зная, на чьемъ (какомъ, которомъ) лицѣ голодъ начерталъ: врагъ! Міръ былъ пустъ: многолюдный и могущій сдѣлался громадой, безвременной, безтравной, безлѣсной, безлюдной, безжизненной, громадой мертвой—хаосомъ, глыбой праха. Рѣки, озера, океанъ были недвижны, и ничего не ворочалось въ ихъ молчаливой глубинѣ. Корабли безъ пловцовъ (матросовъ) лежали, гнія въ морѣ, и ихъ мачты падали кусками: падая, засыпали на гладкой (безжизненной) поверхности, — скончались волны; (рыбы) легли въ гробъ приливы (прилива не было); луна — царица ихъ умерла прежде; истлѣли (онѣмѣли) вѣтры въ стоячемъ воздухѣ, и облака погибли. Мракъ не имѣлъ болѣе нужды въ ихъ помощи—онъ былъ повсемѣстенъ.

2. The Giaour.

Нѣтъ легкаго (нѣтъ ли) дуновенія воздуха, разсѣкающаго волну, которая катится подъ могилою Аѳинянъ. Сей блестящій гробъ на крутой, навислой скалѣ первый привѣтствуетъ возвращающуся домой ладью: онъ высоко господствуетъ надъ страною, тщетно имъ спасенною: когда снова увидитъ такого героя?...

Прекрасный климатъ, гдѣ каждое время года улыбается надъ сими благословенными островами, кои, видные издалека съ высоты Колонны, радуютъ сердце восхитительной картиной и представляютъ убѣжище уединенью. Тамъ нѣжно рябится ланита океана, отражая краски многихъ утесовъ, пойманные смѣющимися приливами, которые обмываютъ этотъ восточный эдемъ.

И если иногда мгновенный зефиръ (вѣтерокъ) взволнуетъ голубой кристаллъ моря или смететъ цвѣтъ съ дерева, да будетъ благословенъ милый вѣтерокъ, пробудившій и разнесшій здѣсь благоуханіе.

Ибо здѣсь роза,—на скалѣ или въ долинѣ, любовница (царица) соловья, дѣва, для которой его звуки, тысячи его пѣсней слышны въ высотѣ,—цвѣтетъ, краснѣя отъ разсказовъ соловья (его, любовника): его царица, царица садовъ, его роза, не сгибаемая вѣтрами, не оледеняемая снѣгами, далеко отъ зимы западной, благословляемая каждымъ временемъ года и каждымъ зефиромъ, подарокъ природы—ароматъ отдаетъ небу въ сладчайшемъ благоуханіи; она признательно (съ благодарностью) возвращаетъ и лучшіе свои цвѣты улыбающемуся небу съ благовоннымъ вздохомъ.

И много здѣсь лѣтнихъ цвѣтовъ, и много тѣни, которую любовь желала бы раздѣлить, и многія есть пещеры, манящія къ отдохновенью, которыя служатъ вертепомъ для разбойника, коего ладья, приставъ (приставая) къ скрытой здѣсь гавани, ждетъ мирнаго корабля, пока не услышитъ гитару веселаго моряка, пока

не увидитъ вечернюю звѣзду. Тогда, укрываясь съ своимъ весломъ подъ тѣнью скалистаго берега, кидается ночной грабитель на добычу свою, и перемѣняетъ пѣсни съ гитарой на отчаянные крики.

Странно, что, гдѣ природа создала жилище, достойное боговъ, и смѣшала, истощила все прекрасное въ этомъ раю,—здѣсь человѣкъ, живущій разрушеніемъ, хочетъ обращать (обращаетъ) его въ дикую пустыню, и попираетъ, подобно безсловесному животному, каждый цвѣтокъ, который не сто́итъ ниже часа трудовъ (стараній) и не требуетъ помощи ничьей руки, дабы разстилаться въ волшебной странѣ сей, но выходитъ, растетъ, отвергая всякое стараніе, и только молитъ, чтобы его пощадили (не разрушили).

Странно, что, гдѣ господствуетъ тишина, тамъ страсти безпредѣльны въ гордости своей, и жадность и хищность (буйство) дико бушуютъ (царствуютъ), дабы помрачить прелестную землю. Это какъ будто злые духи взяли верхъ надъ ангелами и укрѣпили на небесныхъ престолахъ освобожденнаго наслѣдника ада: такъ прекрасна страна (прекрасное мѣсто), созданная (созданное) для удовольствія, и такъ ненавистны тираны, разрушающіе его. . . . .

. . . .

О, страна незабвенныхъ героевъ, которая отъ долины до горныхъ пещеръ была жилищемъ свободы или могилою славы! Храмъ могущихъ! Ужели это все, что остается отъ тебя? Приближься, пресмыкающійся невольникъ! Скажи, не это ли Термопилы, эти синія воды, плещущія кругомъ? Скажи, порабощенный потомокъ свободнаго, скажи: какое это море, какой берегъ? Это заливъ... это скала Саламины (эти виды — ихъ исторія извѣстна)... Возстаньте, вспомните прошедшее и возобновите его, исторгните изъ праха отцовъ вашихъ искры огня, коимъ нѣкогда они пламенѣли!

И тотъ, кто погибнетъ въ битвѣ, къ ихъ именамъ прибавитъ свое страшное имя, коего будутъ трепетать тираны; онъ оставитъ потомкамъ надежду, знаменитость: и они прежде умрутъ, нежели посрамятъ ее; ибо, если война (бой) за свободу уже началась, она передается кровью отъ отца къ сыну, и если иногда неуспѣшно, то всегда подъ конецъ торжествуютъ... Этому свидѣтель ты, Греція, про которую доказываютъ въ безсмертныхъ столѣтьяхъ многія живыя страницы! Тогда какъ цари, скрытые въ пыльномъ мракѣ, оставили однѣ безымянныя пирамиды, твои герои, хотя общимъ приговоромъ сняты колонны на ихъ могилахъ, имѣютъ лучшіе памятники — горы высокія отечества ихъ!... Здѣсь показываетъ муза могилы тѣхъ очамъ странника, кои не могутъ умереть! Долго и печально было бы разсказывать каждый шагъ Греціи отъ величія и бѣдственности. Довольно! Никакой чуждый врагъ не могъ ослабить (унизить) духа твоего, пока самъ онъ не упалъ: такъ собственное униженіе открыло путь ненавистнымъ цѣпямъ и скипетру деспотовъ...

Что разскажетъ намъ тотъ, кто попираетъ твой брегъ? Ни пѣсни старинной, ничего, чѣмъ можетъ заняться Муза, ничего столь высокаго, какъ прежде, когда человѣкъ былъ достоинъ сего климата. Сердца, рожденныя въ твоихъ (сихъ) долинахъ, буйныя души, кои могли бы вести твоихъ сыновъ къ великимъ подвигамъ, теперь пресмыкаются отъ колыбели до могилы — рабы, нѣтъ, рабы раба, безжизненные вездѣ, кромѣ (въ) преступленія (и), оскверненные всѣми бѣдствіями рода человѣческаго, гдѣ онъ менѣе (болѣе) всего возвышается надъ тварью безсловесной, даже не имѣя ни одной дикой добродѣтели, не имѣя въ средѣ своей ни одной храброй и свободной груди. Еще теперь у сосѣднихъ пристаней они слывутъ лукавыми и взошли въ пословицу: въ этомъ только хитрый грекъ найденъ, и этимъ, лишь этимъ извѣстенъ. Напрасно свобода стала бы признавать умъ, дабы свергнуть иго съ шеи, которая льститъ ему (которой она нравится). Я больше не сожалѣю о ихъ несчастіи, однако я разскажу вамъ печальную повѣсть, и (тѣ) внимающіе мнѣ могутъ повѣрить (думать), что тотъ, кто слушаетъ ее въ первый разъ, имѣлъ право грустить...

Торопливо приближался онъ, и быстрота его бѣга привлекала мой вни

вленный взоръ, хотя, какъ ночной демонъ, онъ пробѣжалъ и скрылся отъ меня, его видъ, выраженіе лица его оставили навсегда смутное воспоминаніе въ груди моей, и еще долго послѣ въ моемъ, страхомъ пораженномъ, слухѣ раздавался (раздавались) топотъ ногъ чернаго его коня. Онъ жметъ ногами коня, онъ приближается къ крутому утесу, выдавшемуся отъ берега и бросающему тѣнь на поверхность моря; онъ минуетъ (его) и низвергается за (нею) скалу, которая освобождаетъ (скрываетъ) его отъ очей моихъ. Неумѣстенъ взоръ, преслѣдующій бѣглеца, и хотя нѣтъ ни одной звѣзды на небѣ, но все для него свѣтло кажется. Онъ скрылся, но прежде кинулъ взглядъ, который казался его послѣднимъ, на минуту удержалъ безпокойнаго своего коня, на минуту далъ ему отдохнуть, на минуту привсталъ на стременахъ... Для чего смотритъ онъ въ оливковую рощу? Полумѣсяцъ встаетъ надъ холмомъ, лампы въ мечетяхъ, погасая, трепещутъ...

3. Napoleon's Farewell.

Прости, о край (страна), гдѣ тѣнь моей славы возстала и покрыла землю своимъ именемъ. Онъ покидаетъ меня теперь, но страница его исторіи — самая мрачная или блестящая — наполнена моими подвигами. Я воевалъ съ (міромъ) цѣлымъ свѣтомъ, который побѣдилъ меня (одного) только тогда, когда метеоръ завоеваній заманилъ меня слишкомъ далеко. Я противился народамъ, которые боялись меня оставленнаго, послѣдняго, единственнаго плѣнника изъ милліоновъ бывшихъ на войнѣ.

Прости (же), Франція! Когда твой вѣнецъ короновалъ меня, я сдѣлалъ тебя алмазомъ, дивомъ и красою земли,—но твоя слабость повелѣваетъ, чтобъ я тебя оставилъ, какъ нашелъ, увядшую славой и упавшую своимъ именемъ. (О!) Ибо сердца старыхъ бойцовъ моихъ были приведены въ отчаяніе (бурею) нападеніемъ бури и непогоды, хотя сраженія были выиграны, и орелъ, орелъ, коего взоръ померкнулъ, могъ бы снова подняться, встрѣтивъ солнце побѣды.

Итакъ, прости же, Франція! Но если свобода снова появится у тебя, вспомни обо мнѣ, — фіалка надежды еще растетъ, скрываясь въ глубинѣ долинъ твоихъ; хотя она увяла, слезы твои могутъ воскресить ее. Я могу еще смѣшать непріятелей, насъ окружающихъ, а твоя душа еще можетъ внять голосу моему; въ цѣпи, которая насъ оковала, еще есть кольца, могущія разорваться; тогда, обратясь, призови начальника твоего выбора.

4. Верро.

Извѣстно, по крайней мѣрѣ должно было быть извѣстно, что во всѣхъ странахъ католическаго исповѣданія нѣсколько недѣль до поста народъ веселится и празднуетъ, сколько хочетъ; покупаютъ раскаяніе передъ тѣмъ, чтобы сдѣлаться богомольными, какого бы высокаго или низкаго состоянія ни были, пируютъ, играютъ, пляшутъ, пьютъ, маскируются и употребляютъ все, что можно получить попросивши...

Примѣчанія къ приложенію.

1. Надпись.

Этой стихотворной надписью открывается записная книга 1829 г. См. академическое изданіе, т. V, стр. 34. Рукопись Публичной библіотеки.

2. Югельскій баронъ.

Напечатано въ книгѣ В. Анненковой „Для избранныхъ“ (М., 1844, стр. 193—195). Пародія на „Замокъ Смальгольмъ“ Вальтеръ-Скотта въ переводѣ Жуковскаго. Посвящено А. М. Верещагиной, вышедшей замужъ за виртембергскаго посланника барона Гюгеля.

Анненкова кончила это стихотвореніе такъ:

„Ей, какъ вѣчной звѣздѣ,
Ей ввѣряюсь, какъ самой судьбѣ.
Такъ!.. снѣговъ въ сторонѣ, будетъ вѣрною мнѣ!“
Пажъ невольно барону внималъ,
И безъ словъ, въ тишинѣ, онъ сознался въ винѣ
И на почту съ письмомъ побѣжалъ.

3. Какая сладость въ мысли.

Автографъ Публ. библ. Впервые напечатано Висковатовымъ (I, 140). Срав. „Сашка“ LXII.

4. Свершитъ блистательную тризну.

Автографъ Чертк. библ. Впервые напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1875, XIV, кн. 9, стр. 58.

5. Лилейной рукой поправляя.

Автографъ Публ. библ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1844, XXXII, кн. 1, стр. 201.

6. На буркѣ.

Автографъ Публ. библ. Впервые напеч. въ „Отеч. Зап.“ 1844, т. XXXII, кн. 1, стр. 200.

7. Наброски (на франц. языкѣ).

Автографъ Публ. библ. Впервые напеч. въ академ. изд., т. V, стр. 33—34.

8. Наводненіе.

Автогр. Чертк. библ. (первые 4 стиха). Остальные въ рукописномъ сборн. Н. И. Второва („Былое“ 1906, май). Въ стих. замѣтно вліяніе „Торжества смерти“ В. С. Печерина.

9—11. Kleine Betrachtungen. Kleine Einfälle und Ausfälle. Hinaus.

Сохранились въ переводѣ Фр. Боденштедта („Michail Lermontoff's Poetischer ass"). Переводъ Д. Д. Минаева:

Мелочи и отрывки.

Нѣтъ, я не измѣнялъ родной странѣ,
Своихъ отцовъ достоинъ я вполнѣ.
И походить на васъ нисколько не желаю:
На костыляхъ чужихъ, какъ вы, не ковыляю.

Не потому ль, что стыдъ за васъ мнѣ щеки жжетъ,
Что звонъ цѣпей мнѣ слуха не ласкаетъ,
Что блескъ штыковъ меня не привлекаетъ, -
Кричите вы, что я не патріотъ?

Не потому ль, что я не старовѣръ, что въ жилахъ
Кровь у меня кипитъ и я стремлюсь впередъ,
Вы утверждаете, что я не патріотъ
И край родной любить и понимать не въ силахъ?

Можетъ быть, они и правы: тутъ самъ бѣсъ собьется съ толку.
Тотъ у насъ идетъ быстрѣе, кто всегда назадъ ползетъ,
И своей достигнетъ цѣли незамѣтно, втихомолку,
Между тѣмъ, я въ это время только двинулся впередъ.

Глаза и ноги Богъ мнѣ даровалъ; когда жъ
Хотѣлъ я сдѣлать шагъ; испытывая зрѣнье,
Хотѣлъ взглянуть вокругъ на міръ печальный нашъ,—
Ждала меня тюрьма за это преступленье.

Языкъ мой—Божій даръ; но я заговорилъ,
И что то вдругъ сдавило мнѣ дыханье.
О, странный край! здѣсь разумъ нуженъ былъ
Всегда для глупости, языкъ же—для молчанья.

Они меня за то терзали безъ пощады,
Что я осмѣлился свободно размышлять,
И закидать меня камнями были рады
За то, что мысль свою я не умѣлъ скрывать.
Когда же пѣлъ со скорбью гражданина
Я пѣсни, полныя и правды, и огня,
Заставить не могли они молчать меня,—
И вотъ ихъ бѣшенства безсильнаго причина!

Всегда я чувствовалъ къ вамъ полное презрѣнье,
Названіемъ ословъ клеймилъ васъ, шельмовалъ,
И вы же у меня просили извиненья
Въ томъ, что я васъ ослами величалъ.
Когда я въ обществѣ блисталъ, вы, съ малолѣтства
Льстецы, позоръ которымъ не въ позоръ,
Употребляли все искусство и всѣ средства,
Чтобъ мнѣ понравиться, поймать одинъ мой взоръ.
Теперь совсѣмъ не то. Вы въ силѣ и въ почетѣ,

Въ блестящихъ орденахъ; у васъ и видъ иной,
И вы уже меня въ толпѣ не узнаете,
Хоть пресмыкались такъ недавно предо мной.

Какъ измѣнились времена!
Вы были горе-люди,
Была гибка у васъ спина,
А нынче звѣзды, ордена
Покрыли ваши груди.
Идите мимо, господа,
Васъ не желаю никогда
Встрѣчать; по крайней мѣрѣ...
Меня избавьте отъ труда
Васъ вышвырнуть за двери.

Ни вашимъ чинамъ, ни крестамъ не завидую,
Ни вашей холопской спинѣ;
И сходство съ такими людьми я обидою
Позорной считалъ бы вполнѣ.
Ликуйте! подобный порядокъ является
Не новымъ. Весь міръ исходи:
Все то, что въ груди одного сохраняется,
То носитъ другой на груди.

Пусть обвинятъ меня и предадутъ суду—
Молчаніемъ однимъ отвѣчу на вражду...
Оправдывать себя—какое униженье!
Одно могу сказать передъ лицомъ суда,
Что съ низкими людьми не ладилъ никогда
И не былъ пошлякомъ ни одного мгновенья.

Вы отняли все у меня, что имѣлъ я, но силы
И гордости вамъ не отнять у меня до могилы;
Какъ жилъ я, такимъ и умру.
Мелькая, какъ тѣни, какъ грезы капризной видѣнья,
Идутъ, чередуясь, одно за другимъ поколѣнья,
И смѣна такая къ добру.
Пройдете и вы, и займутъ ваше мѣсто другіе:
Ихъ кровь будетъ чище, разумнѣй дѣянья благія.
Тогда на житейскомъ пиру
Поймутъ меня люди, и будетъ для каждаго ново
И памятно долго мое позабытое слово:
Оно прозвучало къ добру,

Такъ же ясны глаза мои были,
Какъ и очи твои, что глядятъ на меня такъ блаженно,
Горячо было сердце мое, но его постепенно,
День за днемъ, навсегда охладили.
Дорогихъ, лучшихъ благъ я лишился
И людскую неправду привыкъ понимать и предвидѣть...
Я у неба любить научился,
А поживши съ людьми, научился людей ненавидѣть.

Какъ пылко въ прошлые года
Все то любилъ я, что прекрасно,

И пѣсни звучныя тогда
Изъ сердца вырывались страстно;
Съ житейскимъ зломъ вступилъ я въ бой
Безтрепетно, съ сознаньемъ права;
А вы, довольные собой,
Смѣялись надо мной лукаво.
Разбивши лиру у пѣвца,
Меня свободы вы лишили,
Въ тюрьмѣ терзая безъ конца,
Чело сѣдинами покрыли.
Тогда то я привыкъ молчать,
Ушелъ въ себя, въ свои сомнѣнья
И сталъ къ вамъ ненависть питать
И безграничное презрѣнье.
Какъ соглядатаи, вполнѣ
Своей вы достигали цѣли,—
Но этимъ возбудить во мнѣ
Лишь отвращеніе сумѣли.

Довольно было слова одного,
Раскаянья единственнаго слова,
Чтобъ съ прежней благосклонностью ко мнѣ,
Враги мои, вы относились снова;
Но я скорѣй сгнію въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ,
Чѣмъ вамъ, мои гонители, въ угоду
Смиренно слово выскажу одно,
Чтобъ ложью воротить себѣ свободу.

Безъ вины я страдалъ безконечно
И свободою брежу теперь;
Но пусть лучше тюремная дверь
Взаперти стережетъ меня вѣчно,
Чѣмъ стоять, господа, съ вами мнѣ
Въ шутовствѣ и во лжи наравнѣ.

Заключеннаго въ тюрьму
Вы жалѣете. Къ чему?
Вѣдь для всѣхъ людей, безспорно,
Жизнь всегда тюрьмой была:
Лишь у васъ тюрьма просторна,
А моя тюрьма—мала.

Мнѣ сожалѣнія не нужно, и къ словамъ
Участія я глухъ; тая свои страданья,
Я ваши радости всѣ оставляю вамъ
И вамъ дарю я ваше состраданье.

Hinaus.

Съ шумомъ дождь струится,
Слышенъ грохотъ грома,
И спѣшатъ укрыться
Всѣ подъ кровлей дома.
Мнѣ же для простора
Нуженъ свѣтъ раздольный:

Я изъ-подъ затвора
Рвусь на воздухъ вольный.
Жадно рвусь на волю
И за гнетъ суровый
Проклинаю долю
Узника, готовый,
Какъ былинка, сгинуть
Подъ грозою въ полѣ,
Только бы мнѣ вынуть
Жребій—быть на волѣ!

12. Le blessé.

Напеч. въ „Impressions de voyage" Ал. Дюма. (Par. 1889. Vol. II, 266.) Русскій переводъ въ изд. Висковатова (I, 358).

Какъ звѣрь подстрѣленный, у лѣса онъ лежалъ...
Вокругъ безмолвная природа.
Сочилась кровь—онъ тихо умиралъ
Безъ ласки теплой и ухода.
А думы въ даль летятъ... минуты сочтены...
И въ немъ сильнѣй тоска и муки:
Онъ знаетъ, что забытъ, хоть ею полны сны,
Хоть къ ней простеръ хладѣющія руки.

Срв. „Сонъ".

13. Переводы М. Ю. Лермонтова.

Автогр. Лерм. музея (VIII, 6—9). Впервые напеч. въ акад. изд., II, 422—425.

СОДЕРЖАНІЕ.

1831 г.

1832 г.

Стр.

1833—1834 г.

1835 г.

1835—1836 г.

1836 г.

1837 г.

1829 г.

РИСУНКИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.